

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»

На правах рукописи

ПОПОВСКАЯ Вера Игоревна

**КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ
ПОТЕНЦИАЛ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ:
ФАКТОР АДРЕСАТА
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ЗАКОНОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)**

Специальность 5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
Воронцова Татьяна Александровна,
доктор филологических наук, профессор

Челябинск – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ	14
1.1. Понятие коммуникативно-прагматического потенциала	14
1.2. Факторы, определяющие коммуникативно-прагматический потенциал текста.....	18
1.2.1. Фактор адресата	19
1.2.2. Роль стилистических характеристик в формировании коммуникативно- прагматического потенциала текста.....	25
1.3. Законодательный текст как текст юридического дискурса	27
1.3.1. Юридический дискурс и законодательный текст: соотношение понятий	27
1.3.2. Соотношение понятий «юридический текст» и «законодательный текст»	33
1.3.3. Адресат законодательного текста	39
1.3.4. Коммуникативный код законодательного текста	45
1.3.5. Типы законодательных текстов	49
1.3.6. Стилистические особенности законодательных текстов	53
Выводы по главе 1	61
ГЛАВА 2. КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ТЕКСТЕ	64
2.1 Лексические единицы, снижающие коммуникативно-прагматический потенциал законодательного текста	65
2.1.1 Терминологическая лексика как фактор снижения коммуникативно- прагматического потенциала текста.....	65
2.1.1.1. Специфика юридической терминологии.....	65

2.1.1.2. Термины, взаимодействующие с естественным языком: механизмы снижения коммуникативно-прагматического потенциала.....	68
2.1.1.3. Термины, изолированные от естественного языка: механизм снижения коммуникативно-прагматического потенциала.....	83
2.1.2. Семантически неопределенные лексемы и оценочные понятия в законодательном тексте	87
2.1.2.1 Декодирование оценочных понятий в законодательном тексте (экспериментальное исследование)	92
2.1.3 Синтагмы с несвойственной естественному языку сочетаемостью.....	103
2.2. Языковые единицы морфологического уровня как фактор снижения коммуникативно-прагматического потенциала текста	112
2.2.1. Отглагольные существительные	112
2.2.2. Производные предлоги	125
2.2.2.1 Декодирование текстов с производными предлогами (экспериментальное исследование)	134
2.3 Синтаксическая неоднозначность в законодательном тексте	143
Выводы по главе 2.....	150
ГЛАВА 3. КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СТРУКТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ТЕКСТА.....	154
3.1 Заголовки в законодательных текстах: реализация навигационной функции	155
3.2 Гипертекстовая структура законодательного текста как фактор снижения его информативности	166
3.2.1. Законодательный текст как гипертекст.....	166
3.2.2 Информативный потенциал гиперссылок в законодательных текстах.....	171
Выводы по главе 3.....	181
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	184
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	189

ВВЕДЕНИЕ

Антропоцентризм выступает одним из основных принципов современной лингвистики. Этим объясняется исследовательский интерес к прагматическим аспектам коммуникации, а также к анализу языковых явлений с позиций междисциплинарного подхода, позволяющего рассматривать разные стороны человеческого существования в их взаимосвязи, что обеспечивает получение более целостных представлений об объекте.

Настоящая работа посвящена особенностям реализации коммуникативно-прагматического потенциала юридических (законодательных) текстов в ситуации их восприятия неспециалистом.

Юридические тексты представляют собой значимый элемент и правовой, и языковой культуры общества. Такое пограничное положение данных текстов обуславливает возникновение проблем, находящихся в зоне пересечения языка и права: являясь по своей природе специальными текстами, ориентированными на профессиональное взаимодействие, юридические (и прежде всего законодательные) тексты призваны осуществлять функцию социальной регламентации, следовательно, должны быть понятны тем, на кого распространяют свое действие, – рядовым носителям языка. В то же время способность юридического текста порождать определенные правовые последствия, в том числе применение мер государственного принуждения, неизбежно ставит в приоритет точность и четкость формулировок перед их простотой и понятностью неспециалисту. Несмотря на это, юридическая техника все же предписывает адресанту по возможности отбирать наиболее простые, доступные для понимания рядовым носителем языка средства, особенно при создании текстов, адресованных максимально широкой аудитории. Остается не до конца ясным сам принцип квалификации тех или иных языковых средств как простых и доступных неспециалисту, поскольку в литературе содержатся лишь отдельные сведения об элементах, осложняющих

декодирование юридического текста. Комплексное описание таких единиц на настоящий момент отсутствует.

Лингвистическим параметром, позволяющим реально оценить успешность адресанта в достижении желаемого коммуникативного эффекта, является коммуникативно-прагматический потенциал текста. Коммуникативно-прагматический потенциал текста есть нечто объективно существующее и в готовом сообщении достаточно независимое от автора, так как прагматика в целом определяется содержанием и формой сообщения и реализуется посредством заложенной в системе языка способности транслировать определенными знаками то или иное значение (как предметно-логическое, так и коннотативное). Именно поэтому представляется возможным анализ реально заложенных смыслов в соотношении с ожидаемым поведением реципиента в рамках правового поля. При этом очевидно, что прагматика текста не всегда совпадает с коммуникативным намерением адресанта сообщения, что является одной из наиболее остро стоящих проблем в рамках правовой коммуникации.

Степень разработанности проблемы. Вопросы, касающиеся реализации коммуникативно-прагматического потенциала юридических текстов, входят в более широкую группу проблем, лежащих в зоне пересечения языка и права, – относительно ясности и понятности юридических текстов в целом, а также их интерпретации и восприятия рядовыми носителями языка. Решению данных проблем посвящены работы представителей юридической науки (С. С. Алексеев, В. М. Баранов, С. А. Белов, А. С. Пиголкин, В. Ю. Туранин, Н. И. Хабибулина, А. Ф. Черданцев, Е. А. Юртаева и др.) и многочисленные труды лингвистов (О. В. Барабаш, М. В. Батюшкина, Г. В. Вахитова, Н. Д. Голев, Д. И. Милославская, И. В. Палашевская и др.).

Несмотря на существующий интерес к проблемам понимания юридического текста рядовым носителем языка, исследования коммуникативно-прагматического потенциала данной группы текстов, немногочисленны.

Прагматический аспект юридической терминологии рассматривают М. С. Бульба [Бульба, 2009], М. Галдиа [Galdia, 2009], А. М. Пыж [Пыж, 2005], К. Г. Салтыков [Салтыков, 2015] и др. Вопросы, связанные с функционированием юридических терминов в обыденном сознании, поднимаются в работах М. Е. Воробьевой [Воробьева, 2014], Н. Д. Голева [Голев, 2015; Голев, Воробьева, 2017 и др.], Е. В. Малюковой [Малюкова, 2005], Н. Ю. Мартышко [Мартышко, 2015], Д. И. Милославской [Милославская, 2000b] и др.

Морфологические свойства юридического текста в аспекте их прагматики рассматриваются М. В. Батюшкиной [Батюшкина, 2018], Т. В. Губаевой [Губаева, 1984], Е. З. Киреевой [Киреева, 2014], И. П. Михальчук [Михальчук, 1993], В. Н. Шашковой [Шашкова, 2019, 2020] и др.

Категория модальности как основополагающая категория текста исследуется в тесной взаимосвязи с категориями прагматики в докторской диссертации Е. З. Киреевой [Киреева, 2019].

Как видно из перечня работ, связанных с анализом прагматического аспекта функционирования юридических текстов, сведения о специфике реализации коммуникативно-прагматического потенциала носят фрагментарный и несистемный характер. На сегодняшний день описаны лишь некоторые элементы подобного текста, снижающие его коммуникативно-прагматический потенциал.

Таким образом, **актуальность** заявленной темы исследования обусловлена наличием социального запроса на понятные, доступные для неспециалиста юридические тексты и недостаточной изученностью особенностей реализации коммуникативно-прагматического потенциала такого рода текстов, отсутствием комплексного и всестороннего описания элементов юридического текста, осложняющих его декодирование¹ рядовым носителем языка.

¹ Вслед за А.Р. Лурия, термины «декодирование» и «понимание» используются в работе как синонимы [Лурия, 2006, с. 287].

Объектом настоящего исследования являются юридические (законодательные) тексты, регламентирующие деятельность членов общества в ситуации «неспциалист – неспциалист».

Предметом исследования выступает коммуникативно-прагматический потенциал юридического (законодательного) текста, регламентирующего деятельность членов общества в ситуации «неспциалист – неспциалист».

Цель исследования – выявить факторы снижения коммуникативно-прагматического потенциала законодательных текстов при их декодировании адресатом-неспциалистом.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1) уточнить понятие коммуникативно-прагматического потенциала текста и проанализировать факторы, влияющие на коммуникативно-прагматический потенциал текста;

2) определить место и специфику законодательного текста в рамках юридического дискурса;

3) установить коммуникативно-прагматические и стилевые параметры, определяющие коммуникативно-прагматический потенциал законодательного текста;

4) разработать типологию законодательных текстов в зависимости от характеристик коммуникантов (взаимодействующих сторон);

5) выявить лексические, морфологические и синтаксические элементы законодательного текста, которые обуславливают снижение коммуникативно-прагматического потенциала при декодировании текста неспциалистом, и обосновать причины и механизмы этого процесса;

6) проанализировать структурные элементы юридического (законодательного) текста, которые обуславливают снижение коммуникативно-прагматического потенциала при декодировании текста неспциалистом.

Источником **материала для исследования** послужила совокупность нормативно-правовых актов Российской Федерации (законов в действующей редакции), в которых регламентируются ситуации взаимодействия

«неспециалист – специалист». Отбор текстов (фрагментов текста) осуществлялся на основании следующих характеристик: 1) закон предписывает определенное поведение гражданина в социально значимых сферах деятельности; 2) закон регламентирует ситуации, в которых решение правовых вопросов может осуществляться неспециалистами с опорой только на законодательный текст.

Процесс отбора текстов состоял из двух этапов. На первом этапе основанием для отбора служили заголовки законов и кодексов, которые позволяли предположить наличие в них фрагментов, регулирующих ситуации взаимодействия «неспециалист – специалист». Такими текстами стали: Гражданский кодекс РФ, Семейный кодекс РФ, Трудовой кодекс РФ, ФЗ «О защите прав потребителей», ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». На втором этапе из перечисленных текстов отбирались отдельные фрагменты (части, главы, параграфы, статьи, фрагменты статей), содержание которых соответствует указанным выше характеристикам.

За пределы исследования целенаправленно были выведены законы, которые хотя и рассчитаны на массового адресата, но предполагают участие компетентной стороны в решении правовых вопросов (Уголовный кодекс РФ, Кодекс РФ об административных правонарушениях и т.п.), так как толкование законодательного текста и доведение его смысла до заинтересованных лиц (в том числе разъяснение рядовым гражданам) в подобных случаях входит в задачи специалиста-юриста.

Всего анализу подвергнуто более 500 страниц текста.

Гипотеза исследования. Юридические (законодательные) тексты, предназначенные для коммуникативных ситуаций, где адресатом текста может являться неспециалист, содержат структурные и языковые элементы, которые препятствуют корректному декодированию (адекватному пониманию) данных текстов неспециалистом.

Теоретическую базу исследования составили труды по *прагмалингвистике* (Н. Д. Арутюнова, Т. Г. Винокур, Т. Л. Каминская, И. А. Стернин, И. П. Сусов, Н. И. Формановская), *стилистике* (М. Н. Кожина, Д. Э. Розенталь), *теории текста и дискурса* (В. И. Карасик В. Е. Чернявская), *юрислингвистике* (М. В. Батюшкина, Н. Д. Голев, Е. З. Киреева, Л. П. Широбокова), *терминоведению* (Е. И. Голованова, В. М. Лейчик, И. А. Ребрушкина), в частности – работы по *юридической терминологии* (М. Е. Воробьева, А. В. Иркова, Н. Ю. Мартышко, Д. И. Милославская), *прагматике, семантике и синтаксису деловых текстов* (И. С. Лобашевская, Т. И. Матвеева, М. Ю. Федосюк, Е. В. Шестакова), *теории гипертекста* (О. В. Дедова, Е. В. Зыкова, Т. И. Рязанцева).

Методы исследования. В работе применены общенаучные методы анализа, синтеза, обобщения и систематизации, а также лингвистические методы:

метод коммуникативно-прагматического анализа (в том числе с применением экспериментальных методик), позволивший определить дискурсивные факторы, влияющие на формирование коммуникативно-прагматического потенциала юридических (законодательных) текстов;

метод стилистического анализа, применение которого дало возможность выявить основные стилевые параметры, влияющие на отбор и организацию языковых средств в законодательном тексте;

методы контекстуально-семантического, синтаксического и структурного анализа текста для выявления языковых и структурных элементов законодательных текстов, затрудняющих процесс корректного декодирования данных текстов.

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе впервые: 1) уточнено и обосновано понятие коммуникативно-прагматического потенциала текста; 2) выявлены дискурсивные и стилевые факторы, обуславливающие эффективность реализации коммуникативно-прагматического потенциала текста; 3) уточнены место и специфика

законодательных текстов в юридическом дискурсе, создана типология законодательных текстов в зависимости от характеристик коммуникантов; 4) определены языковые единицы, обуславливающие некорректное декодирование законодательного текста адресатом-неспециалистом, установлены причины и механизмы снижения коммуникативно-прагматического потенциала текста при их употреблении; 5) выявлена прагматическая роль отдельных структурных элементов законодательного текста (заголовков и ссылок) в процессе его декодирования неспециалистом, создана типология гиперссылок в законодательном тексте с точки зрения их информативности для адресата-неспециалиста; 6) определены факторы снижения коммуникативно-прагматического потенциала законодательных текстов при их декодировании адресатом-неспециалистом.

Теоретическая значимость исследования определяется вкладом в разработку таких научных областей, как лингвистическая прагматика, юридическая лингвистика, теория текста, а также в разработку теории неэлектронного гипертекста. Представленный в работе алгоритм анализа коммуникативно-прагматического потенциала может быть применен при исследовании русскоязычных и иноязычных текстов, предназначенных для рационально-логического восприятия, то есть текстов официально-делового и научного стилей.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов в учебных курсах лингвопрагматики, стилистики, юрислингвистики. Материал исследования представляет также интерес для специалистов, занимающихся лингвистической экспертизой, а также для юристов гражданско-правовой специализации.

Положения, выносимые на защиту:

1. Коммуникативно-прагматический потенциал текста представляет собой совокупность его языковых и структурных параметров, которые с точки зрения адресанта способны обеспечить эффективное выполнение коммуникативных задач в предполагаемой коммуникативной ситуации.

Коммуникативно-прагматический потенциал текстов призван обеспечить не только эмоциональное, но и рационально-логическое воздействие как возможность корректного декодирования данного текста адресатом.

2. Коммуникативно-прагматический потенциал текста определяется двумя параметрами: фактором адресата и стилевыми характеристиками текста. Для принятия решения о способности того или иного средства произвести должный коммуникативный эффект адресант ориентируется на совокупность представлений о воспринимающей стороне; в то же время спектр средств, доступных адресанту, ограничен законами функционального стиля, исторически закрепившимися в процессе речевой практики для обеспечения наиболее успешного взаимодействия в конкретной (типовой) коммуникативной ситуации.

3. В зависимости от характеристик взаимодействующих сторон выделяются следующие типы законодательных текстов: 1) тексты, регламентирующие ситуации взаимодействия «специалист – специалист»; 2) тексты, регламентирующие ситуации взаимодействия «специалист – неспециалист»; 3) тексты, регламентирующие ситуации взаимодействия «неспециалист – неспециалист». Особенность законодательных текстов состоит в том, что они имеют двойную адресацию: непосредственным адресатом правовых *норм* является рядовой носитель языка, а адресатом *текста* – специалист-юрист, при этом коммуникативный код законодательного текста ориентирован на специалиста.

4. При декодировании законодательного текста адресатом-неспециалистом снижение коммуникативно-прагматического потенциала текста обусловлено употреблением языковых единиц различных уровней, нарушающих стилевую доминанту данных текстов – требование однозначности толкования. На лексическом уровне к таким единицам относятся: а) термины (разный механизм снижения коммуникативно-прагматического потенциала демонстрируют термины, взаимодействующие с естественным языком (омонимичные общеупотребительным лексемам и обладающие прозрачной

внутренней формой и словообразовательной мотивированностью), и термины, изолированные от естественного языка²); б) семантически неопределенные лексемы и оценочные понятия, в) синтагмы с несвойственной естественному языку сочетаемостью. На морфологическом уровне: а) отглагольные существительные, б) производные предлоги. На синтаксическом уровне – предложения большого объема.

5. Прагматическая роль структурных элементов законодательного текста для неспециалиста определяется следующими факторами: 1) обращение неспециалиста к законодательным текстам носит спорадический характер (по необходимости); 2) у адресата отсутствуют фоновые юридические знания; 3) для адресата значимы только отдельные фрагменты законодательного текста, регламентирующие отдельную ситуацию. В связи с этим корректное декодирование законодательного текста для неспециалиста обусловлено информативным потенциалом 1) названий структурных разделов законодательного текста (заголовков); 2) внутритекстовых ссылок, которые из-за отсутствия необходимых фоновых знаний воспринимаются неспециалистом как гиперссылки, обладающие разной степенью информативности.

Апробация результатов исследования. Основные результаты диссертационного исследования были представлены в виде докладов на международных и всероссийских научных и научно-практических конференциях: «Вопросы русского языка в юридических делах и процедурах» (Санкт-Петербург, 2021 г.), «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (Челябинск, 2022 г.), «Юрислингвистика: языковые аспекты права» (Барнаул, 2022 г.), «Язык, культура, технологии: междисциплинарная парадигма исследований» (Ханты-Мансийск, 2023 г.).

² Термин «естественный язык» употребляется в соответствии с традицией, принятой в юрислингвистике, где под ним понимается «тот вид языка, который используется людьми в повседневном обыденном общении, подчиняясь при этом внутренним условиям функционирования, накопленным многими поколениями, и образуя тем самым устоявшуюся систему» [Зиянгирова, 2019, с. 626]. См.: [Голев, 2000, 2004, 2014 и др., Воробьева, 2014а, Мартышко, 2015, Иркова, 2020 и др.]

Материалы исследования изложены в 9 публикациях автора, в том числе в 7 статьях в научных рецензируемых журналах и изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

Первая глава содержит изложение теоретических основ исследования, позволяющих уточнить понятие коммуникативно-прагматического потенциала текста, выявить прагматическую неоднородность законодательных текстов и в дальнейшем поставить вопрос о параметрах, снижающих коммуникативно-прагматический потенциал текста при его адресации неспециалисту.

Во второй главе выявляются и подробно анализируются лексические, морфологические и синтаксические единицы, обуславливающие снижение коммуникативно-прагматического потенциала законодательного текста при его декодировании неспециалистом.

В третьей главе представлен анализ структурных элементов законодательных текстов (заголовков и гиперссылочных элементов), снижающих их коммуникативно-прагматический потенциал.

В заключении обобщаются результаты проведенного исследования, формулируются основные выводы и намечаются перспективы дальнейшей разработки данной проблемы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ

1.1. Понятие коммуникативно-прагматического потенциала

Понятие коммуникативно-прагматического потенциала является сравнительно новым и недостаточно разработанным в лингвистике. На сегодняшний день термин не представлен в специализированных лингвистических словарях и не имеет общепринятой дефиниции. Несмотря на это, в связи с повышением интереса к исследованию прагматических аспектов коммуникации данное понятие активно используется в современной научной литературе.

Особенностью большинства работ, посвященных анализу коммуникативно-прагматического потенциала различных единиц, часто является фактическое отсутствие основного определения, в связи с чем в исследованиях, содержащих в заголовке рассматриваемое понятие, в действительности может производиться анализ разных параметров. Даже авторы диссертационных работ нередко воздерживаются от прямого дефинирования термина [Нешева, 2008; Константинова, 2007; Караджев, 2009 и др.], заменяя его подробной характеристикой сопутствующих понятий (напр., «коммуникация» и «прагматика» / «коммуникативно-прагматический подход»), описанием частных параметров, непосредственно связанных с прагматическим потенциалом, но все же более определенных для современной науки (напр., параметры коммуникативной ситуации, типы коммуникативных стратегий), раскрывая отдельные прагматические теории, с опорой на которые проводится дальнейшее исследование (напр., теорию речевых актов) и т. д. Практически всегда делается акцент на антропоцентричности как неотъемлемом принципе изучения языковых явлений, а также на важности учета не только системных свойств языка. Таким образом, рассматриваемый термин часто воспринимается

как интуитивно понятный при условии, что понятны и составляющие его компоненты – «коммуникация», «прагматика», «потенциал».

Тенденция к избеганию прямого дефинирования термина становится особенно заметной при обзоре опубликованных научных статей, объем которых позволяет авторам ограничиваться лишь наиболее общими замечаниями об используемых понятиях. В целом по содержанию многих работ достаточно сложно судить о том, что понимает конкретный автор под коммуникативно-прагматическим потенциалом.

В работах термин используется по отношению к разным явлениям: отдельным языковым единицам [Машковцева, 2000; Перфильева, 2012; Шарова, 2016 и др.] и категориям [Боева-Омелечко, Косоножкина, 2020], речевым тактикам [Недоступ, 2019], группам текстов [Ошанова, Меркушева, 2021; Чуланова, Щегло, 2014 и др.], жанрам [Айвазашвили, 2019b; Носова, 2013 и др.], дискурсам [Айвазашвили, 2019a; Бектурова, Кадеева, 2015; Дорофеева, 2003 и др.], элементам графического оформления текста [Грушецкая, 2020] и др. Такая широта явлений, по отношению к которым применяется понятие, при отсутствии определения размывает его границы. При всем многообразии объектов исследования наибольший интерес для авторов работ представляют элементы, способные оказать *эмоциональное* воздействие на адресата. Исследования коммуникативно-прагматического потенциала обычно сосредоточены на единицах, хотя и различных по своей природе, но наделенных некой воздействующей (с точки зрения эмоционального эффекта) силой. Так, например, неоднократно в прагматическом аспекте анализировались частицы [Дегтярева, Оберемченко, 2018; Нагорный, 2015 и др.]. По этой же причине наибольший интерес вызывают типы дискурсов, ориентированных на воздействие – политический [Бектурова, Кадеева, 2015; Бондаренко, 2022 и др.], рекламный [Иванова, 2011; Ромадина, 2013 и др.] и т. д.

Как известно, тексты юридического дискурса также создаются с целью воздействия на адресата, однако на сегодняшний день они практически не исследованы в аспекте реализации коммуникативно-прагматического

потенциала. Разумеется, прагматический подход к анализу юридического текста не является новым для лингвистики (работы М. В. Батюшкиной [Батюшкина, 2017а, 2021а, 2021б и др.], М. Е. Воробьевой [Воробьева, 2014а], Н. Д. Голева [Голев, 2014, 2015, 2021; Голев, Воробьева 2017 и др.], Т. В. Губаевой [Губаева, 1984], Е. З. Киреевой [Киреева, 2019], И. П. Михальчук [Михальчук, 1993] и др.), однако комплексного исследования, посвященного непосредственно реализации коммуникативно-прагматического *потенциала* юридического (а тем более законодательного) текста, в литературе не представлено.

Существующие на сегодняшний день определения для понятия «коммуникативно-прагматический потенциал» крайне немногочисленны.

Согласно Т. А. Остапенко, коммуникативно-прагматическим потенциалом называется «воздействующая сила, заложенная в языковой единице и способствующая эффективной реализации задач коммуникации» [Остапенко, 2008, с. 3]. Данное определение, как видим, является достаточно обобщенным и не позволяет в полной мере судить о том, что представляет собой коммуникативно-прагматический потенциал языковой единицы, так как понятие «воздействующей силы» является довольно метафоричным. В работе, предлагающей данное определение, прагматический потенциал нечленимых предложений обуславливает (помимо прочих) такие характеристики (далее в примерах курсив наш. – В.П.): «включение *экспрессивности* оценочных нечленимых предложений не в периферийную зону семантики, но в ее ядро»; «обладание особым функциональным значением – передать *эмоциональную* реакцию говорящего на факты контекста и *вызвать изменения в сознании реципиента, определенную эмотивную реакцию*» и др. [Остапенко, 2008, с. 12]. Это позволяет говорить о том, что явление «воздействующей силы» во многом связывается автором с наличием потенциальной возможности единицы выразить необходимые эмоции и реализовать задачи, связанные с эмоциональным воздействием на адресата.

В работе О. М. Афанасьевой и Я. Е. Каневской прагматический потенциал напрямую связывается с прагматическим зарядом, под которым понимается

«обусловленная значением единицы (языковым или контекстуальным) способность воздействовать на ментальную и эмоциональную сферу сознания человека» [Афанасьева, Каневская, 2018, с. 136], а прагматический потенциал в таком случае представляет собой «контекстуально и социально обусловленную возможность того, что языковая единица реализует в определенном тексте в той или иной мере свой прагматический заряд» [Афанасьева, Каневская, 2018, с. 136]. Авторы определения исследуют языковые единицы медиатекста, способные в определенных условиях воздействовать на адресата и изменять его мировоззренческие и ценностные установки.

При этом нельзя не учитывать, что необходимым условием воздействия также является *понимание* как результат адекватного декодирования сообщения. О неразрывности связи между прагматикой и пониманием можно судить по следующему замечанию М. М. Бахтина: «Всякое понимание живой речи, живого высказывания носит активно ответный характер (хотя степень этой активности бывает весьма различной); всякое понимание чревато ответом и в той или иной форме обязательно его порождает: слушающий становится говорящим» [Бахтин, 1986, с. 437]. Соответственно, от качества понимания зависит и качество ответа, который может (а в случае с законодательными текстами – должен) представлять собой конкретное действие. Таким образом, достижение коммуникативного эффекта законом обусловлено реализацией предписывающей функции.

Работы, в которых коммуникативно-прагматический потенциал рассматривался бы с точки зрения рационально-логического восприятия текста, нами не обнаружены. Некоторые замечания о взаимосвязи прагматики текста и его понимания сделаны в работе В. Н. Комиссарова, посвященной прагматическим аспектам перевода. Автор предлагает следующее определение прагматического потенциала (или прагматического аспекта): «Способность текста производить коммуникативный эффект, вызывать у рецептора прагматические отношения к сообщаемому, иначе говоря, осуществлять

прагматическое воздействие на получателя информации» [Комиссаров, 1990, с. 209].

О достижении законодательным текстом коммуникативного эффекта можно судить по степени *понятности* текста и возможности использования полученной информации в качестве ориентира поведения. Прагматическим отношением реципиента к сообщаемому, помимо понимания как ответной реакции, следует назвать и появление чувства правового долга, готовности к соблюдению предписаний. Именно поэтому в данной работе мы предпринимаем попытку анализа коммуникативно-прагматического потенциала юридического текста с точки зрения рационально-логического восприятия.

Таким образом, в нашем исследовании мы определяем коммуникативно-прагматический потенциал текста как такой отбор и организацию языковых средств и структурных элементов текста, которые с точки зрения адресанта способны максимально эффективно обеспечить выполнение коммуникативных задач в предполагаемой коммуникативной ситуации, и следовательно, должны быть корректно декодированы предполагаемым адресатом. Если адресант заинтересован в успешном взаимодействии с адресатом, то созданный им текст должен обладать максимальным коммуникативно-прагматическим потенциалом.

1.2. Факторы, определяющие коммуникативно-прагматический потенциал текста

В реализации коммуникативно-прагматического потенциала текста участвуют отобранные и определенным образом организованные адресантом с учетом целей коммуникации языковые единицы и структурные параметры текста, способные, с точки зрения адресанта, эффективно выполнять коммуникативные задачи, стоящие перед данным текстом. Следовательно, адресант, создавая текст, должен предполагать, что выбранные им средства, во-первых, действительно обладают необходимым предметным и коннотативным

значением; во-вторых, организованный им текст в целом обеспечивает достижение поставленных целей; в-третьих, текст не содержит (содержит минимальное количество) помех, которые могли бы препятствовать удобству его восприятия.

Для принятия решения о способности того или иного средства произвести должный коммуникативный эффект адресант ориентируется на совокупность представлений о воспринимающей стороне, ее способности декодировать сообщение в максимальном соответствии с авторскими интенциями. Другими словами, прагматика текста закладывается в соответствии с образом адресата.

С другой стороны, на выбор языковых средств большое влияние также оказывают параметры коммуникативной ситуации, в частности – существующие в данной сфере общения нормы отбора и сочетания языковых единиц, то есть законы стиля.

Таким образом, отбор и организация языковых единиц и структурных параметров, способных эффективно реализовывать коммуникативные задачи, стоящие перед конкретным текстом, осуществляется адресантом с учетом следующих параметров: 1) совокупности представлений о воспринимающей стороне, то есть в соответствии с фактором адресата, 2) с учетом стилевых характеристик текста.

1.2.1. Фактор адресата

Проблема взаимодействия автора и адресата и примыкающая к ней проблема диалога выходит за пределы собственно лингвистических исследований. В философском аспекте данные проблемы становятся предметом осмысления уже с Античности, вызывают особый интерес в XX веке и исследуются до сих пор (труды Аристотеля, Э. Гуссерля, М. Бубера, С. Л. Франка, М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана и др.). Адресат для прагматики текста не менее важен, чем адресант, однако, как указывают авторы

немногочисленных работ, посвященных образу адресата [Каминская, 2009; Стернин, 2012 и др.], данный параметр изучен неоправданно мало.

Тот факт, что господствующая роль в коммуникативной ситуации принадлежит говорящему (адресанту), отбирающему и организующему языковые средства, не вызывает сомнений. И. П. Сусов отмечает, что Говорящий является «творцом коммуникативно-прагматического поля», организованного с позиций *эгоцентризма*, однако слушающий включается в ближнюю периферию этого поля, а одной из установок говорящего является установка «на адресата» [Сусов, 2006, с. 59]. Т. А. Ширяева в связи с этим подчеркивает: «Текст всегда должен рассматриваться как итог речемыслительной деятельности его создателя, воплощающего особый замысел в его направленности на определенного читателя» [Ширяева, 2006, с. 181].

На сегодняшний день проблема адресованности текста рассматривается в разных аспектах.

Наиболее часто образ адресата изучается в отношении текстов, прагматический потенциал которых *осознанно* закладывается в отношении *конкретного* (в широком смысле) получателя, то есть тогда, когда максимально точное представление об адресате имеет практическую ценность. Именно поэтому в данном аспекте наиболее часто рассматриваются тексты массовой коммуникации (работы И. И. Баклановой [Бакланова, 2014], Т. Л. Каминской [Каминская, 2009], Е. О. Матвеевой [Матвеева, 2013], Покровской Е.В. [Покровская, 2006], М. Ю. Сидоровой [Сидорова, 2002] и др.). Т. В. Каминская отмечает, что «образ адресата выступает в данной коммуникации таким же организующим началом, какое, по концепции В. В. Виноградова, принадлежит образу автора в художественных текстах. Отбор речевых средств в данном случае является логически производным от образа того читателя, на которого направлен текст» [Каминская, 2009, с. 17].

Принципиальная важность адресата в *любом* высказывании неоднократно подчеркивалась в работах, посвященных речевым жанрам. М. М. Бахтин конститутивным признаком высказывания считал его адресованность, отмечая,

что «говорящий с самого начала ждет от них («других», тех, для которых строится высказывание. – прим. наше) активного ответного понимания. Все высказывание строится как бы навстречу этому ответу» [Бахтин, 1986, с. 466], поэтому каждый жанр как относительно устойчивый тип высказывания «имеет свою, определяющую его как жанр, типическую концепцию адресата» [Бахтин, 1986, с. 467].

Определение жанра как «горизонта ожиданий для слушающих и модели создания для говорящих, как существующий intersубъективно комплекс указаний, регулирующих определенную сферу языковых поведений (текстов) и имеющих разную степень категоричности» [Гайда, 1986, с. 24] предложил Ст. Гайда. При таком подходе обязанность оправдать ожидания слушающего становится прагматической задачей говорящего.

Т. В. Шмелева относит образ автора и образ адресата к жанрообразующим признакам, подчеркивая особую значимость взаимоотношений между этими категориями: «... для автора РЖ едва ли не на первом месте стоят его отношения с адресатом, это, так сказать, «портрет на фоне» [Шмелева, 1997, с. 93].

Проблема адресации текста достаточно активно изучается в аспекте прагмалингвистического подхода (работы Н. Д. Арутюновой [Арутюнова, 1981], Е. В. Белоглазовой [Белоглазова, 2010], И. М. Кобозевой [Кобозева, 2001], Н. И. Клушиной [Клушина, 2008], И. П. Сусова [Сусов, 2006], Н. И. Формановской [Формановская, 2002, 2007 и др.], И. Д. Чаплыгиной [Чаплыгина, 2002], Т. В. Шмелевой [Шмелева, 1997, 1998 и др.] и др.)

Отправной точкой в целенаправленном изучении проблемы адресации в прагматическом аспекте стала статья Н. Д. Арутюновой «Фактор адресата», опубликованная в 1981 году. Обосновывая выбор термина «адресат» из ряда смежных понятий, обозначающих второго («принимающего») участника коммуникации, Н. Д. Арутюнова делает важное замечание: «Мы пользуемся термином «адресат», подчеркивая этим сознательную направленность речевого высказывания к лицу (конкретному или не конкретному), которое может быть определенным образом охарактеризовано, причем коммуникативное намерение

автора речи должно согласовываться с этой его характеристикой» [Арутюнова, 1981, с. 358], в противном случае речевой акт будет неэффективен. Таким образом, в статье обращается внимание на то, что адресат во многом руководит прагматикой сообщения: адресант вынужден выстраивать свою речь в строгом соответствии с образом (моделью) адресата. Другими словами, адресант отбирает только те средства, которые по тем или иным параметрам будут удовлетворять адресата, а все то, что потенциально не может быть им воспринято, должно исключаться из сообщения. В связи с этим Н. Д. Арутюнова пишет: «... всякий речевой акт рассчитан на определенную модель адресата. Удовлетворение пресуппозиции адресата составляет одно из важнейших условий его эффективности. «Ошибка адресатом» может быть уподоблена обращению не в ту инстанцию» [Арутюнова, 1981, с. 358].

Разработка вопросов, связанных со степенью влияния адресата на прагматику текста, активно велась на базе теории речевых актов. Н. Д. Арутюнова, характеризуя фактор адресата в отношении к речевым актам, отмечает, что императивы (наряду с вопросами) наиболее привязаны к адресату [Арутюнова, 1981, с. 360]. Это связано в первую очередь с тесной связью императивного речевого акта и ожидаемого результата – требуемого от адресата поведения. Утрата конкретного адресата, как пишет Н. Д. Арутюнова, превращает императив «в заповедь, этическую рекомендацию или сентенцию неопределенного назначения» [Арутюнова, 1981, с. 361]. Это положение особенно важно для настоящего исследования, поэтому еще раз подчеркнем обозначенный факт: вне адресата нет императива.

Н. Д. Арутюнова, подводя итог анализу фактора адресата, отмечает, что «неотделимость адресата от речевого произведения обусловлена тремя факторами: 1) связью адресата с перлокутивным эффектом; 2) игровым принципом речи, постоянно меняющим местами собеседников и создающим «инвертированного адресата»; 3) принадлежностью речевого акта к сфере межличностных отношений» [Арутюнова, 1981, с. 361-362]. Первый фактор, названный Н. Д. Арутюновой, напрямую связан с прагматическим потенциалом:

должный перлокутивный эффект есть не что иное, как обратная сторона правильно «настроенного» коммуникативно-прагматического потенциала.

Значимый вклад в разработку вопросов, связанных с изучением фактора адресата как прагматического параметра, внесла Н. И. Формановская, которая, как и Н. Д. Арутюнова, утверждает, что «вне фактора адресата нет произведения» [Формановская, 2002, с. 78]. Н. И. Формановская определяет адресата так: «тот, кому направлено речевое произведение, кто провоцирует общение (речевое или текстовое)» [Формановская, 2002, с. 77]. Обратим внимание на то, что адресат в данном случае не просто активен, он представляется в качестве стороны, дающей толчок, способствующей началу коммуникации. Н. И. Формановская также отмечает, что «адресант <...> прогнозирует в адресате определенный образ, ориентируясь на который, он использует общий фонд знаний, общую апперцепционную базу, выбирает тематический пласт, стилистический код и т. д.» [Формановская, 2002, с. 42]. Следовательно, каждый элемент текста подбирается строго в соответствии с образом получателя сообщения, то есть с расчетом на то, что данный элемент способен решить коммуникативные задачи, стоящие перед адресантом по отношению к конкретному адресату. В целом Н. И. Формановская считает возможным называть адресата своеобразным соавтором любого текста [Формановская, 2002, с. 77].

Т. В. Каминская, целенаправленно изучающая образ адресата в текстах массовой коммуникации в семантико-прагматическом аспекте, предложила следующее определение образа адресата с точки зрения прагматики: «... устойчивая совокупность представлений и когнитивных структур, координирующих и регулирующих текстовое поведение автора текста» [Каминская, 2009, с. 38-39]. В рамках настоящей работы в отношении понятия «образ адресата» мы будем опираться на данное определение, в котором для нас наиболее значима характеристика адресата как «регулятора» текстового поведения автора.

Подробно установка Говорящего на адресата охарактеризована И. П. Сусовым [Сусов, 2006, с. 62], согласно которой адресант в процессе создания текста делает все возможное для того, чтобы его сообщение было корректно декодировано, то есть стремится к тому, чтобы сообщение обладало максимальным коммуникативно-прагматическим потенциалом. Для принятия решения о способности того или иного средства произвести должный коммуникативный эффект адресант ориентируется на совокупность представлений о воспринимающей стороне.

На сегодняшний день в литературе предлагаются классификации адресатов, построенные на разных основаниях и для разных типов текстов [Каминская, 2009; Соловьева, Медведева, 2012 и др.]. Н. И. Формановской принадлежит классификация адресатов, в рамках которой выделяются: реальный и гипотетический адресат; обобщенный прогнозируемый; массовый, публичный, конкретизируемый адресат; персональный, единичный, конкретный; косвенный (или вторичный) адресат [Формановская, 2002, с. 76-80]. Говоря об обобщенном прогнозируемом адресате, автор замечает, что тексты функциональных стилей достаточно четко ориентированы на своего адресата, в частности, официально-деловой стиль конкретизирует адресата «как получателя административно-деловой и юридической, правовой информации» [Формановская, 2002, с. 78].

Интерес также представляет типология адресатов, сделанная Г. Г. Почепцовым, выделявшим: 1) собственно адресата, которому предназначено высказывание, 2) квазиадресата (предмет или воображаемое лицо, к которому обращена речь), 3) адресата-ретранслятора, который должен передать информацию действительному адресату, 4) косвенного адресата, слушателя, присутствующего при акте коммуникации [Почепцов, 1986]. На основании обобщения типологий Г. Г. Почепцова и Н. И. Формановской сделана классификация адресатов судебного дискурса [Доценко, 2008, с. 191].

В работе Т. Г. Винокур [Винокур, 1993] разработана концепция «двойного адресата», согласно которой текст может осознанно быть ориентирован

одновременно на нескольких адресатов (значение здесь имеют не количественные, а качественные характеристики). Данную концепцию в отношении деловых текстов развивает Е. З. Киреева [Киреева, 2016а], которая отмечает, что документ ориентирован на граждан всегда, и даже в том случае, когда прямо им не адресован (например, прямым адресатом текста может быть его непосредственный исполнитель).

Для нашего исследования одним из исходных положений является признание факта *двойного* адресата у законодательного текста: закон адресуется тому, на кого он распространяет свое действие, и этот круг лиц, безусловно, служит ориентиром в процессе законотворчества, однако закон как нормативный правовой акт обеспечивается возможностью применения мер государственного принуждения, следовательно, адресуется и правоприменителю, то есть специалисту-юристу.

Анализ исследований по данной проблеме показал, что в классификации и типологии адресата, как правило, не включаются дискурсивные характеристики адресата, в частности, такой показатель, как «специалист / неспециалист», который, на наш взгляд, является значимым при осмыслении коммуникативно-прагматического потенциала законодательных текстов

Таким образом, очевидно, что фактор адресата является значимым параметром, определяющим коммуникативно-прагматический потенциал текста (высказывания). Вместе с тем применительно к юридическому тексту данный параметр специально не исследовался.

1.2.2. Роль стилевых характеристик в формировании коммуникативно-прагматического потенциала текста

В предыдущем разделе мы отмечали, что представления об адресате регулируют текстовое поведение автора, то есть ориентируют его на выбор тех средств, которые с точки зрения адресанта действительно способны решить коммуникативные задачи, стоящие в отношении конкретного адресата. Именно

поэтому предполагается, что для достижения перлокутивного эффекта одно и то же содержание для разных адресатов должно иметь разное выражение.

Известно, что общность коммуникативных задач, существующих в конкретной сфере общения, а, другими словами, потребность регулярно достигать схожих целей, воздействуя на типового адресата в типовых условиях, порождает социальный заказ на отбор, апробацию и закрепление отдельных средств (способов выражения), которые способны, регулярно воспроизводясь, наиболее эффективно выполнять стоящее перед ними коммуникативное задание. Это в результате приводит к формированию функционального стиля. Как отмечается в учебнике М. Н. Кожинной, «... стили формируются за счет того, что при функционировании происходит своеобразная «перестройка» языка: коммуникативная задача (цели и условия общения в той или иной сфере) оказывается толчком к реализации своеобразной речевой организации, в которой эти единицы становятся взаимосвязанными по новому, функциональному, значению» [Кожина, 2008, с. 91]. Таким образом, функциональный стиль, который в целом может рассматриваться как результат отбора и организации языковых единиц всех уровней в соответствии с задачами общения [СЭСРЯ, 2006, с. 581], является одним из параметров, определяющих коммуникативно-прагматический потенциал текста. Функциональный стиль в данном случае выступает в качестве своеобразного фильтра, допускающего одни элементы и запрещающего другие, причем так как система средств конкретного стиля складывается исторически, в процессе речевой практики, то совершенно очевидно, что закрепляться и регулярно использоваться могут только те элементы, которые наиболее успешно реализуют возложенные на них функции, а следовательно, предполагается, что законы стиля обеспечивают максимальный коммуникативно-прагматический потенциал текста. Этот факт также отмечался и М. Н. Кожинной: «Выразительность речи, ее стиль связаны с «оформлением» коммуникации наилучшим образом (по мнению говорящего, общества, в русле естественно сложившихся традиций), т.е. соответствующим назначению общения в данной сфере» [Кожина, 2008, с. 86].

Таким образом, к факторам, определяющим коммуникативно-прагматический потенциал текста, относятся следующие: 1) фактор адресата, 2) фактор функционального стиля. Именно эти факторы и будут в дальнейшем положены в основу анализа прагматической специфики юридических текстов, адресованных неспециалисту.

Данные факторы тесно взаимосвязаны. Фактор функционального стиля на этапе создания текста определяет отбор и организацию языковых средств и структуру текста, которые, по замыслу адресанта, являются оптимальными для решения коммуникативных задач потенциальным адресатом. Анализ фактора адресата позволяет выявить, насколько те или иные типичные элементы функционального стиля позволяют адресату решать данные коммуникативные задачи.

1.3. Законодательный текст как текст юридического дискурса

1.3.1. Юридический дискурс и законодательный текст:

соотношение понятий

В современной научной литературе достаточно часто используются термины «юридический текст», «законодательный текст», «правовой текст», однако на сегодняшний день данные понятия определяются авторами по-разному, в связи с чем остаются слабо дифференцированными. Это приводит к тому, что в работах, посвященных изучению названных явлений, в действительности рассматриваются разные группы текстов. Кроме того, до сих пор отсутствует полное и однозначное определение для термина «юридический дискурс», являющегося родовым по отношению к вышеперечисленным.

В лингвистической литературе юридический дискурс изучается с разных точек зрения и в рамках разных подходов (работы М. В. Батюшкиной [Батюшкина, 2022], Л. А. Борисовой [Борисова, 2016], Т. В. Дубровской [Дубровская, 2010, 2016], М. В. Коноваловой [Коновалова, 2008], О. В. Косоноговой [Косоногова, 2011, 2015], Г. В. Кубиц [Кубиц, 2005],

И. В. Палашевской [Палашевская, 2010], С. Н. Слепухина [Слепухин, 2014] и др.). Подробный обзор существующих определений и подходов к анализу юридического дискурса представлен в монографии М. В. Батюшкиной [Батюшкина, 2022]. Здесь остановимся лишь на некоторых дефинициях.

Л. А. Борисова под юридическим дискурсом понимает «комплексную взаимосвязь многих текстов (типов текста), функционирующих в пределах одной и той же коммуникативной сферы, а именно сферы юриспруденции» [Борисова, 2016, с. 135]. По мнению Т. С. Сафроновой, «под юридическим дискурсом понимается вся совокупность правовых и законодательных текстов, реализуемых в рамках юридической компетенции» [Сафронова, 2016, с. 88]. Обратим внимание на то, что в данных определениях дискурс определяется через группы составляющих его текстов.

Как разновидность профессионального определяет юридический дискурс Г. В. Кубиц: «... совокупность юридических текстов (устных или письменных), отражающих намерения специалиста и оперирующих специальными понятиями, применяемыми в пределах профессиональной сферы» [Кубиц, 2005, с. 8].

И. В. Палашевская рассматривает юридический дискурс как разновидность институционального, подчеркивая, что он представляет собой «статусно-ориентированное взаимодействие его участников в соответствии с системой ролевых предписаний и норм поведения в определенных правовых ситуациях институционального общения. Суть права как социального образования заключается в его созидательном регулятивном начале ...» [Палашевская, 2010, с. 535]. Принципиально важным в этом определении является постулирование регулятивной функции в качестве ведущей функции юридического дискурса. Рядом авторов юридический дискурс в целом рассматривается как конструирующий и изменяющий действительность [Замотина, Дубровская, 2015, с. 452].

О. В. Косоногова определяет юридический дискурс как особый тип институционального дискурса [Косоногова, 2015, с. 66], включающего все

коммуникативные акты, имеющие хоть какое-то отношение к сфере юриспруденции, причем даже те случаи, когда наблюдается пересечение данного дискурса с другими типами.

Неоднородность юридического дискурса отмечается многими исследователями [Борисова, 2016; Косоногова, 2015; Хомутова, Шефер, 2019 и др.], Т. Н. Хомутова и Е. А. Шефер предлагают использовать термин «метадискурс», подчеркивая, что «приставка «мета» в данном случае обозначает более высокий уровень обобщения, некое интегрирующее начало юридического дискурса» [Хомутова, Шефер, 2019, с. 44].

Так, исследователями в рамках юридического могут выделяться следующие подтипы: научный юридический дискурс, доктринальный дискурс, дискурс права, административный дискурс, дискурс юридических актов, дискурс юридической консультации (устная форма дискурса); в основание выделения подтипов могут быть положены отрасли права, что позволяет говорить о дискурсах банковского права, конституционного права и т. д. [Борисова, 2016, с. 142]. Перечисленные здесь подтипы не исчерпывают всех возможных разновидностей, они лишь демонстрируют широту и разнообразие сфер коммуникации, которые могут быть включены в рамки юридического дискурса.

М. В. Батюшкина предлагает рассматривать взаимосвязь юридического дискурса и его разновидностей с позиции «целое – неотъемлемые части (части частей) целого», где «целым» считается юридический дискурс, состоящий из «частей» – правотворческого и правореализационного дискурсов. Правотворческий и правореализационный дискурсы, в свою очередь, могут иметь свои подвиды («части частей»): законотворческий и дискурс порождения подзаконных актов нормативного характера (подвиды правотворческого дискурса); правоприменительный и правосудебный (подвиды правореализационного)) [Батюшкина, 2022, с. 29-30].

Несмотря на значительную разницу в подходах к выделению разновидностей (частей) юридического дискурса, важным для нас является факт

единодушного признания исследователями законодательного дискурса как одного из подтипов юридического.

Отметим, что в литературе понятие «юридический дискурс» используется наряду с понятием «правовой дискурс», хотя отдельные исследователи предлагают дифференцировать эти понятия [Храмцова, 2009 и др.].

В данном исследовании понятия юридический / правовой будут использованы нами в качестве синонимов.

Соотношение понятий «текст» и «дискурс», особенно в отношении рассматриваемой сферы коммуникативной деятельности, представляет собой отдельную проблему. В рамках данной работы отметим лишь основные положения, необходимые для описания объекта нашего исследования.

На сегодняшний день большинство авторов строго разводит понятия текста и дискурса. Как отмечает В. Е. Чернявская, «дискурс как лингвистическая категория не дублирует и не подменяет понятия текст» [Чернявская, 2009, с. 144], при этом, под дискурсом В. Е. Чернявская предлагает понимать «текст(ы) в неразрывной связи с ситуативным контекстом: в совокупности с социальными, культурно-историческими, идеологическими, психологическими и др. факторами, с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом, обуславливающим особую – ту, а не иную – упорядоченность языковых единиц разного уровня при воплощении в тексте. Дискурс характеризует *коммуникативный процесс*, приводящий к образованию определенной *формальной структуры – текста*» (курсив наш. – В.П.) [Чернявская, 2009, с. 144]. Таким образом, важным параметром, лежащим в основе дифференциации понятий текста и дискурса, автор считает параметр процессуальности: дискурс рассматривается в неразрывной связи с коммуникативным процессом и внешними (экстралингвистическими) факторами, непосредственно влияющими на характер этого коммуникативного процесса; текст же представляется «застывшим», зафиксированным результатом коммуникативной деятельности. Описывая базовые положения

стилистики текста, В. И. Карасик отмечает, что текст есть *результат, а не процесс* речи и обычно *зафиксирован* в письменной форме» (курсив наш. – В.П.) [Карасик, 2016, с. 17], а «дискурс представляет собой явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, остающимся в «сухом остатке» общения, с другой стороны» [Карасик, 2016, с. 21].

Таким образом, дискурс представляет собой подвижную, гибкую систему, способную варьироваться (причем достаточно сильно) в зависимости от внешних условий, а текст как готовый, зафиксированный «продукт» дискурса представляет собой устойчивое образование, изменение которого приводит к появлению нового текста со своими внутритекстовыми и интертекстуальными связями.

В рассматриваемой нами сфере коммуникативной деятельности дифференциация понятий «текст» и «дискурс» осложняется преимущественно письменным характером юридического дискурса в целом и практически отсутствием устных форм реализации некоторых его субдискурсов (в частности, законодательного). В конечном счете законодательный дискурс в действительности можно определить только через понятие текста.

Обратим внимание на то, что в ядро юридического дискурса выносятся именно *действующие* законодательные **тексты**. М. В. Батюшкина считает, что тексты законов «занимают доминирующее положение в русскоязычном внутригосударственном юридическом дискурсе», а также имеют «наибольшую значимость, приоритет («наивысшую юридическую силу») по сравнению с другими юридическими текстами» [Батюшкина, 2022, с. 33].

Как справедливо отмечает А. В. Поляков, использование права предполагает как наличие первичных правовых текстов, конституирующих само право, так и создание вторичных правовых текстов. Вторичными, при этом, могут быть как вербальные (заявления, предложения (оферта) и т.д.), так и невербальные (указания регулировщика) правовые тексты [Поляков, 2002]. В

нашем понимании, первичными правовыми текстами являются тексты законов, что и позволяет выделить их в качестве ядерной зоны юридического дискурса.

Выбор в качестве объекта исследования законодательных *текстов* обусловлен несколькими причинами.

Первой причиной является существенное противоречие, заключающееся в следующем: законодательный текст призван регулировать общественные отношения, что влечет за собой его применение по отношению к большому количеству похожих, но неодинаковых (и даже уникальных) ситуаций, однако текст (в особенности закон) не просто не способен, но и не должен варьироваться в зависимости от разных коммуникативных факторов. Напротив, требование единообразного толкования и применения правовых норм трактуется как реализация конституционной гарантии равенства перед законом и судом, то есть является обязательным условием. Само понятие дискурса как гибкой и подвижной системы противоречит особенностям функционирования данной группы текстов, поэтому считаем необходимым в качестве объекта исследования рассматривать именно категорию текста.

Вторая причина связана с логикой выделения типов дискурса, в основе которой лежит принцип тематической соотнесенности текстов. Как отмечает В. Е. Чернявская, «с такой точки зрения дискурс представляет собой комплексную взаимосвязь многих текстов (типов текста), функционирующих в пределах одной и той же коммуникативной сферы» [Чернявская, 2009, с. 144]. Другими словами, дискурс представляет собой некоторую совокупность коммуникативных событий (отрезок речевой деятельности), объединенных на основании одного или нескольких параметров. На основании тематической общности коммуникативных актов, имеющих отношение к сфере юриспруденции, считаем необходимым выделять юридический дискурс, а законодательный текст рассматривать в качестве одного из элементов юридического дискурса, а именно его ядра. Именно тексты действующих законов способны постоянно воспроизводить и преобразовывать юридический

дискурс в целом: изменение (даже незначительное) закона мгновенно приводит к изменению юридического дискурса.

Итак, представляется возможным выстроить некоторую терминологическую (понятийную) иерархию, позволяющую избежать смешения языковых значений.

1. Юридический дискурс – это вся совокупность коммуникативных актов и, соответственно, текстов как их материального воплощения, имеющих отношение к юриспруденции (праву) в широком смысле.

2. Законодательный дискурс – разновидность (ядро) юридического дискурса, представляющая собой совокупность законодательных текстов.

3. Законодательный текст – одна из разновидностей юридических текстов; текст, включенный в ядро юридического дискурса.

Ведущая функция всего дискурса – регулирующая – максимально выражена именно в законодательных текстах, более того, для данной группы текстов она фактически является единственной.

1.3.2. Соотношение понятий «юридический текст» и «законодательный текст»

Термин «юридический текст» в силу своей лингвоцентричности редко используется в собственно юридических работах. Для обозначения речевых произведений, функционирующих и вообще организующих правовую сферу, теоретики права обычно выбирают термин «юридический документ», то есть «средство оформления знаковой информации, которая характеризует смысл и содержание правовых норм, фиксирует юридические факты, субъективные права и юридические обязанности, выражает индивидуальные правовые решения и т.д.» [Уздимаева, 2020, с. 126]. Таким образом, авторов юридических исследований интересует не столько сам текст (юридический, правовой, законодательный), сколько текстовый способ закрепления юридически значимой информации, а следовательно, и анализируется ими в первую очередь

сама информация. Как следствие, проблемы, возникающие в сфере пересечения языка и права, воспринимаются обычно как неизбежные (а во многих случаях – вообще не имеющие решения) в силу ограниченных возможностей любой языковой системы. Вероятно, именно в связи с этим встает вопрос о существовании отдельной подсистемы – юридического языка – как относительно самостоятельного и сложно устроенного кода, функционирующего одновременно и в сфере языка, и в области права.

Исследование собственно языковых структур вне прямой связи с анализом правовой информации приводит к расчленению плана содержания и плана выражения юридического текста, что явно не способствует решению юрислингвистических проблем. Именно поэтому, на наш взгляд, наиболее удобным для изучения вопросов, находящихся в зоне пересечения языка и права, является термин «юридический текст», то есть речевое произведение, в котором специфическая юридическая информация (план содержания) передается в специфической форме (структурные, композиционные, языковые особенности).

Юридические тексты в целом достаточно часто становятся объектом лингвистического исследования как в отечественной, так и в зарубежной науке, при этом наиболее активно изучаются в аспекте перевода [Александрова, Лазовская, 2022; Портнов, 2015; Шлепнев, 2017; Weston, 1983; Cao, 2007 и др.], с точки зрения интерпретации и понимания [Барабаш, Мещерякова, 2013; Вахитова, 2016; Голев, Ким, 2007; Искандарова, 2023; Anderson, 2014; Solan, 2018 и др.], а также в дидактическом аспекте [Лебедева, 2011; Левитан, Югова, 2019; Goddard, 2010 и др.]. Исследуются также и частные вопросы: способы передачи внутренней экспрессивности текста [Вахитова, 2007], проводятся грамматико-типологические [Широбокова, 2007] и грамматико-стилистические исследования [Губаева, 1984] и др. Следует отметить, что гораздо чаще юридические тексты служат материалом для изучения особенностей так называемого юридического языка, особенно в аспекте понимания этих элементов рядовыми пользователями. С этой точки зрения наиболее изучены

вопросы юридической терминологии [Бульба, 2009; Воробьева, 2014а; Иркова, 2020; Малюкова, 2005; Милославская, 2000b; Пыж, 2005; Galdia, 2009 и др.], морфологические и синтаксические особенности рассматриваются гораздо реже [Матвеева, 2012; Милютина, 2009; Михальчук, 1993 и др.]. Термин «юридический текст» встречается в основном в работах лингвистов, при этом часто воспринимается как интуитивно понятный, не требующий дефинирования. Подробный обзор существующих определений понятия «юридический текст» приводится в работах Л. П. Широковой [Широкова, 2007] и Л. А. Борисовой [Борисова, 2019].

Л. П. Широкова характеризует юридический текст как «сообщение, содержащее правовую информацию, объективированное в виде официального письменного документа, имеющее модальный характер и прагматическую установку, и состоящее из определенных единств, которые включают в себя разные типы лексической, грамматической и логической связи» [Широкова, 2007, с. 7]. Автор также отмечает, что юридический текст «властно предписывает субъектам права определенное поведение, формулирует требования, общеобязательные предписания» [Широкова, 2009, с. 186].

В ряде лингвистических работ авторы предлагают дифференцировать понятия «юридический текст» и «юридический документ». Так, например, Д. Н. Шлепнев считает, что «юридический документ (документально оформленный юридический акт) – это текст, порождающий юридические последствия, составленный в типичной, установленной форме» [Шлепнев, 2017, с. 175], в то время как юридические тексты – это «тексты разных жанров в различных коммуникативных ситуациях, общим для которых является их институциональное отношение к созданию, реализации и разъяснению права» [Шлепнев, 2017, с. 175]. При таком подходе юридический документ является одной из разновидностей юридического текста. Так, по замечанию Д. Н. Шлепнева, монография по праву должна считаться юридическим текстом, но не может быть включена в категорию юридических документов. В целом одним из ключевых признаков, на основании которых обычно проводится

разграничение данных явлений, является способность документа нести юридическую силу.

По мнению Л. А. Борисовой, «приравнивание юридического текста к юридическому документу представляется значительно сужающим значение исследуемого термина» [Борисова, 2019, с. 67]. Н. А. Комина среди письменных юридических текстов выделяет педагогический, академический, судебный, законодательный [Комина, 1990, с. 122]. Р. С. Харина отмечает, что «юридические тексты представлены в рамках двух функциональных стилей, а именно: официально-делового и научного стилей» [Харина, 2014, с. 982]. Однако существует и другая точка зрения. Так, например, Е. А. Романова подчеркивает, что «сведения, находящиеся в законах, подзаконных нормативно-правовых актах по своему статусу несопоставимы с данными, которые обозначаются в газетных статьях, различного рода публикациях» [Романова, 2010, с. 55]. В определенной степени компромиссный подход предлагает А. А. Муравьева, которая делит тексты права на первичные и вторичные: «К первичным текстам права следует относить тексты нормативных правовых актов, включая законы, тексты юридических документов. Вторичные тексты права включают научные и публицистические тексты права, тексты судебных речей» [Муравьева, 2006, с. 8].

Итак, существует как минимум две противоположные точки зрения: 1) юридические тексты приравниваются к текстам юридических документов; 2) данные понятия дифференцируются, причем более узким считается понятие документа. Таким образом, несложно заметить, что наиболее спорными с точки зрения их статуса являются тексты, тематически связанные с юриспруденцией, однако не обладающие юридической силой, то есть тексты правовой науки, публицистики и под. Если данную группу текстов не рассматривать в качестве юридических, то происходит автоматическое уравнивание юридического текста и юридического документа. Однако несмотря на разницу в подходах к определению границ юридических текстов, вопрос о включении в их состав текстов законов не вызывает споров.

Прагматическая специфика юридических текстов проявляется в следующем: 1) в особых адресанте и адресате (каждая сторона коммуникации обязательно наделена статусно-ролевыми характеристиками; адресант может быть наделен властными полномочиями, хотя может находиться в равноправных отношениях с адресатом); 2) в особой коммуникативной ситуации (общение *в основном* опосредовано письменными текстами, тематически и содержательно ограничено и максимально формализовано – в большинстве случаев предполагает выбор готовой формулы из набора существующих); 3) в установке на воздействие на рационально-логическую и эмоциональную сферу сознания адресата; 4) в реализации специфической функции – функции социальной регламентации.

Во многих работах, посвященных юридическим текстам, анализируются и особенности законодательных, однако в качестве самостоятельного объекта изучения тексты законов гораздо реже привлекают внимание лингвистов. Вероятно, во многом это обусловлено их строгой стандартизованностью, что может порождать ощущение ограниченности материала исследования.

Проблема сложности языка закона, а также вопросы понимания и толкования законодательных текстов рядовыми носителями языка неоднократно поднимались в работах основателя отечественной юрислингвистики Н. Д. Голева [Голев, 2007, 2014, 2015, 2021 и др.].

Значительный вклад в изучение законодательных текстов в лингвистическом аспекте внесла М. В. Батюшкина, в работах которой рассматриваются совершенно разные особенности данной группы текстов: проблема адресанта и адресата [Батюшкина, 2017а], вопросы законодательной терминологии [Батюшкина, 2020а, 2021, 2023 и др.], жанровые особенности [Батюшкина, 2017b, 2020b], способы выражения семантики действия [Батюшкина, 2018], проблемы синонимии и антонимии [Батюшкина, 2020с, 2021b] и др. В 2022 была опубликована монография «Дискурсивные доминанты законотворчества» [Батюшкина, 2022], в которой представлены результаты исследования практики создания законодательных текстов.

На материале законодательных текстов Е. З. Киреевой выполнено диссертационное исследование [Киреева, 2019], посвященное категории модальности и ее выражению в тексте официального документа, а также множество других работ, вносящих вклад в разработку прагматических аспектов функционирования законов [Киреева, 2014, 2016а, 2016б и др.]. Также вопросам, связанным с изучением законодательных текстов в разных аспектах, посвящены работы И. П. Михальчук (функционирование формы настоящего времени несовершенного вида в прагматическом аспекте) [Михальчук, 1993], Н. Ю. Мартышко (модификация терминов в законодательном дискурсе) [Мартышко, 2015], В. Н. Шашковой (функционирование разных частей речи в законодательных текстах в том числе и с точки зрения прагматики) [Шашкова, 2019, 2020] и др. В целом наиболее общие свойства законодательных текстов как текстов официально-делового стиля описаны достаточно подробно. Однако очевидно, что многие аспекты изучения законодательных текстов, в частности коммуникативно-прагматический аспект, на сегодняшний день исследованы недостаточно.

Как отмечает Е. А. Юртаева, «тексты законодательных актов фактически являются собой пример структурно-семиотического оформления функционирования государственной власти и социальной жизни» [Юртаева, 2009, с. 119]. Следовательно, законодательные тексты имеют свою специфику:

1) адресант закона всегда наделяется властными полномочиями (в отличие от некоторых юридических текстов, где стороны коммуникации могут находиться в отношениях равноправия – напр., при заключении договора); адресат текста всегда не единичен;

2) коммуникация всегда опосредована письменными текстами, которые приобретают статус речевого акта только в результате соблюдения ряда строго регламентированных формальных процедур;

3) специфическая функция – предписывающая.

Таким образом, применяя концепцию ядра и периферии к системе текстов, входящих в юридический дискурс, считаем возможным рассматривать

законодательные тексты как одну из разновидностей юридических текстов, включенных в ядро юридического дискурса.

1.3.3. Адресат законодательного текста

Вопрос об адресате законодательного текста является дискуссионным в лингвистических исследованиях. Практически в каждой работе, так или иначе связанной с правовой коммуникацией, неизбежно встает вопрос о сторонах этой коммуникации, однако авторы чаще всего ограничиваются лишь отдельными замечаниями о тех, для кого создаются законы. В то же время исследований, посвященных непосредственно адресату законодательного (и даже делового) текста, явно недостаточно для того, чтобы решить многие проблемы, связанные с правовой коммуникацией.

Ранее неоднократно отмечалось, что законодательный текст создается с целью регулирования социальных отношений: закон оказывает воздействие на членов общества, руководит их поведением, дозволяет или запрещает поступать определенным образом. Воздействие (предписание) предполагает целенаправленное влияние субъекта на объект; воздействие, опосредованное текстом, представляет собой выражение адресантом интенции волеизъявления с помощью языковых средств и текстовых категорий, которые распознаются адресатом, в результате чего поведение последнего преобразуется (должно преобразоваться) в соответствии с желанием адресанта. Очевидно, что отбор и организация средств, обеспечивающих достижение необходимого перлокутивного эффекта, производится с учетом образа адресата, и, следовательно, чем более этот образ соответствует действительности, тем более эффективно реализуется заложенный в тексте коммуникативно-прагматический потенциал.

Важно отметить, что проблема адресата законодательного текста отнюдь не идентична вопросу его понятности реципиенту. Если вопрос о том, должен ли текст закона быть понятен рядовому носителю языка, неоднократно

поднимался как в юридической, так и в лингвистической литературе, то проблеме адресата законодательного текста в основном посвящены немногочисленные работы лингвистов [Батюшкина, 2017а; Киреева, 2016а, 2016б; Лобашевская, 2006 и др].

В юридических исследованиях нередко отмечается, что текст закона должен быть понятен каждому, на кого он распространяет свое действие. А. С. Пиголкин в исследованиях, посвященных проблемам толкования права, указывал на важность создания понятного текста: «... сложность и запутанность положений закона не может соответствовать утверждению о том, что законы пишутся для всех. Наоборот, сложность и запутанность норм права дает основание говорить о том, что закон создавался только для специалистов, которые разбираются в правовой терминологии, что недопустимо в демократическом государстве» [Пиголкин, 1968, с. 46]. Эту позицию поддерживают многие авторы.

Так, С. А. Воробьева отмечает, что «эффективность законодательства в процессе правотворческой деятельности, направленной на обеспечение прав человека, возможна в том случае, если оно будет понятным для субъектов правового регулирования, которым адресованы требования норм права» [Воробьева, 2014б, с. 120]. Такая позиция основывается в том числе на самом понятии нормативного правового акта, одним из признаков которого является «наличие в нем правовых норм (правил поведения), обязательных для *неопределенного* круга лиц» [Постановление Пленума ВС РФ ...]. Именно положение, согласно которому письменно зафиксированные нормы регулируют поведение неопределенного круга лиц, часто становится основанием для высказываний о том, что адресатом законодательного текста является любой член общества: «Под адресатами нормативного акта следует понимать всех, на кого распространяется или может распространиться действие его нормативных положений» [Ревазов, 2023, с. 80]. Позицию о максимально обобщенном, неконкретизированном адресате нормативного акта разделяют М. М. Жуйков

[Жуйков, 1997], В. А. Кирсанов [Кирсанов, 2001], Д. Д. Мухтаров [Мухтаров, 2021], М. А. Ревазов [Ревазов, 2023], М. А. Соколова [Соколова, 2016] и др.

Обратим внимание на важную деталь: во многих формулировках, использующихся юристами для характеристики адресата нормативного акта, указываются не адресаты *текста* (что логично), а адресаты *правовых норм*, то есть лица, чьи действия регулируются законом. Таким образом, на основании положения об общеобязательности соблюдения предписанных правил поведения делается вывод об адресате текста. Такая логика в целом допустима, однако важно различать понятие адресата-получателя информации и, что особенно релевантно в случае текстуально опосредованной массовой коммуникации, – понятие *образа адресата*, то есть того обязательного компонента коммуникативного акта, в отношении которого закладывается прагматический потенциал.

Некоторые авторы юридических работ интуитивно ощущают разницу между адресатом текста и адресатом норм, однако эти понятия обычно ими не дифференцируются. Так, например, в учебнике по юридической технике Т. В. Кашаниной отмечается, что «юридическая деятельность осуществляется для людей, и любой юридический акт им должен быть понятен» [Кашанина, 2011, с. 374]. При этом подчеркивается следующее: «Желание сделать юридический язык в целом доступным имеет в определенной мере демагогический характер. Но это не самое опасное. Просматриваются последствия куда более серьезные: упрощение юридического языка способно ослабить юридические механизмы, защищающие людей. Кроме того, искусственная простота нормативных текстов *может породить у субъектов права опасную иллюзорную идею*, что они смогут защитить себя без юридической помощи, и тем самым нанести значительный ущерб их безопасности» (курсив наш. – В.П.) [Кашанина, 2011, с. 263]. Говоря о том, что юридическая деятельность осуществляется для людей, автор подчеркивает их роль и статус по отношению к системе правовых норм: факт существования

норм права обусловлен необходимостью регулирования отношений между членами общества.

Поскольку текст представляет собой единственный способ фиксации правовой информации, понятия «правовая норма» и «текст» нередко приравниваются друг к другу, что приводит к экстраполяции выводов о *понятности нормы* на *понятность текста*. Однако когда речь идет об упрощении языка и адаптации нормативного *текста* (плана выражения), а, другими словами, о «перенаправлении» его прагматики в сторону неспециалиста, идея всеобщей доступности оказывается нереализуемой.

Тот факт, что правовая система – сложное и многогранное явление, представляющее собой связь собственно системы права (норм, институтов, отраслей права), правовой культуры и правореализации, позволяет некоторым авторам говорить о том, что понимать правовые тексты может только специалист, имеющий представление о работе всей системы. Подобная позиция тоже не нова. Родоначальник юридической техники Р. Фон Иеринг писал: «Право не есть простая масса законов, а нечто совершенно иное. Законы может не-юрист также хорошо заучить, как юрист, но чтоб понимать и применять право, для этого недостаточно одного здравого разума <...>» [Иеринг, 1905, с. 7], для этого, как далее отмечает Р. Иеринг, необходимо юридическое образование. Данную позицию разделяют и современные авторы. Так, например, Р. А. Ромашов, считает, что «на уровне законодательного акта не имеет смысла искусственное упрощение правового текста с тем, чтобы он был понятен любому» [Ромашов, 2010, с. 55].

В работах лингвистов данная проблема в основном обсуждается параллельно с вопросами адекватной интерпретации норм рядовым носителем языка, и в таком случае подразумевается, что принимающей стороной в правовой коммуникации является каждый гражданин. Такой подход вполне согласуется с ведущим – антропоцентрическим – принципом современных исследований, который в работах по коммуникации преломляется в сторону адресатоцентризма.

Так, Н. Д. Голев, отмечая преобладание автороцентричного подхода в рамках юридической техники, в качестве адресата юридического текста называет «законопослушного гражданина»: «Если бы адресатоцентрические положения были включены в постулаты юридической техники, они, несомненно, самым существенным образом повлияли бы на ее устройство и функционирование. Пока же нужно констатировать, что движения в сторону интереса к «собственным мыслям» законопослушного гражданина в теории государства и права не отмечается» [Голев, 2014, с. 8]. В целом говоря об участниках правовой коммуникации, Н. Д. Голев в качестве взаимодействующих сторон называет народ и власть, а институт права считает «инструментом их социального диалога» [Голев, 2016, с. 132].

Похожая точка зрения представлена в диссертационном исследовании М. Е. Воробьевой, посвященном интерпретационному функционированию юридического языка в обыденном сознании. Подчеркивая потенциальную множественность интерпретаций юридического текста (в частности, интерпретации юридических терминов), автор отмечает следующее: «Многообразие типов языковой личности адресатов, их интенциональность, особенности применяемых ими интерпретационных стратегий, отражающих знания, жизненный опыт, языковую компетентность и языковую способность, – все это способствует возникновению множественности интерпретации» [Воробьева, 2014а, с. 13].

Адресантам и адресатам закона посвящен отдельный параграф в монографии М. В. Батюшкиной. Понятие «адресат закона» автор использует «по отношению к группе субъектов правореализационного дискурса, на которых направлен в своем воздействии текст закона и законодательное текстовое пространство в целом, которые осуществляют интерпретацию закона, исполняют заданные в тексте закона поведенческие установки (программу действий)» [Батюшкина, 2022, с. 37]. При этом отмечается возможность исследования категорий адресанта и адресата с учетом, как минимум, двух подходов: 1) их анализ в качестве участников правотворческих и

правореализационных ситуаций, моделируемых с помощью текста закона; 2) с позиции адресантов и адресатов текста как речевого произведения. При втором подходе потенциальным адресатом является «любой, кто обращается к тексту закона и его содержанию как объекту восприятия и осмысления (слушающий, читающий, реализующий на практике законодательную норму)» [Батюшкина, 2022, с. 38].

Е. З. Киреева разделяет адресатов документного текста на две группы: 1) юридические лица, к которым относятся органы государственной власти и местного самоуправления, предприятия, организации и учреждения; должностные лица как представители юридических лиц; 2) физические лица (граждане) [Киреева, 2016а, с. 169].

Как отмечает Е. З. Киреева, автор документного текста в процессе его создания учитывает, с одной стороны, *количественные* характеристики адресата, с другой – *качественные*, включающие в себя: а) систему базовых ценностей адресата (права и свободы гражданина, его законные интересы); б) правовой статус адресата (народ – источник власти, подчинение органам власти добровольное, поэтому, создавая текст, адресант руководствуется законами, определяющими его властные полномочия, и лишь на этом основании может ограничивать свободу человека и предписывать ему определенные действия); в) дистанцию между автором и адресатом (отношения субординации); г) ролевое поведение адресата (отражается в предполагаемых речевых действиях, воссоздающихся в документах, – например, реализации интенции просьбы в заявлении); д) предполагаемые социальные действия адресата (ожидаемое поведение). Учитываются также когнитивные характеристики: прагматические пресуппозиции (фонд общих или фоновых знаний); интересы, мнения, взгляды адресата (на этапе проекта документа); интеллектуальный уровень [Киреева, 2016а].

В работах Е. З. Киреевой, с нашей точки зрения, очерчены контуры одного из наиболее важных для прагматики делового текста положений об адресате: «Автор создает документ, всегда ориентируясь на граждан или их

отдельные категории, даже если текст прямо им не адресован» [Киреева, 2016а, с. 169].

Как видим, в лингвистических исследованиях нет единого мнения в отношении адресата законодательного текста. В нашем исследовании мы будем исходить из того, что текст закона изначально имеет двойную адресацию: закон адресуется тому, на кого он распространяет свое действие, и этот круг лиц, безусловно, служит ориентиром в процессе законотворчества, однако закон как нормативный правовой акт, который, помимо прочего, обеспечивается возможностью применения мер государственного принуждения, одновременно адресуется и правоприменителю, то есть специалисту.

1.3.4. Коммуникативный код законодательного текста

Законодательный текст является инструментом правовой коммуникации. Как отмечает С. А. Белов, выяснение вопросов о сторонах коммуникации неизбежно при изучении проблем, связанных с понятностью языка юридических документов, однако «ни лингвистика, ни юриспруденция сегодня четкого и приемлемого ответа на эти вопросы пока не дают» [Белов, 2022, с. 844].

Компонентами любого коммуникативного акта, согласно одной из наиболее известных моделей – модели Р. О. Якобсона, являются адресант, контекст, сообщение, код, контакт, адресат. Для того чтобы отправленное от адресанта к адресату сообщение могло выполнить свою функцию, необходимы: контекст (референт), о котором идет речь и который должен восприниматься адресатом, полностью или хотя бы частично общий для адресанта и адресата код, физический канал и психологическая связь между адресантом и адресатом (контакт) [Якобсон, 1975, с. 198].

Модель, разработанная Р. О. Якобсоном, предполагает такой характер коммуникативного взаимодействия: адресат владеет кодом, потому способен декодировать отправленное адресантом сообщение и регулировать свою модель

поведения. Соответственно, отправленный и полученный тексты должны быть идентичными, в противном случае реализация основной функции права становится невозможной: «команда» или не выполняется, или выполняется не так, как того желает адресант. В связи с этим модель Р. О. Якобсона в отношении правовой коммуникации оказывается наиболее применимой.

Роль кода в правовой коммуникации выполняет тот набор языковых средств, который нередко называют юридическим языком. Согласно определению В. Ю. Туранина, юридический язык – это «логичная система словесного выражения мыслей, с помощью которой описывается право и его проявления, характеризующаяся наличием *специфической терминологии, особенных объектов фиксации и определенным кругом постоянных пользователей*, служащая средством интеллектуально-правовой коммуникации» (курсив наш. – В. П.) [Туранин, 2010, с. 8]. Очевидно, что в данном случае речь идет о языке для специальных целей, то есть о системе языковых средств, которая используется для передачи специальной (предметной) информации в конкретной сфере деятельности. Таким образом, отправляя сообщение, созданное с использованием данного кода, адресант маркирует своего адресата как специалиста, владеющего этим кодом и обладающего необходимыми пресуппозиционными знаниями. В целом соглашаясь с квалификацией юридического языка как языка для специалистов, Г. Маттила справедливо отмечает, что «в отличие от большинства языков для специальных целей адресатом сообщений, передаваемых на юридическом языке, часто является все население, его определенные слои или конкретные граждане»³ («Still more important, by contrast with most other languages for special purposes, the target of messages transmitted in legal language often consists of the whole population, certain layers of the population, or a number of particular citizens») [Mattila, 2006, с. 3], а потому юридический язык как инструмент коммуникации не ограничивается внутривнутрипрофессиональным использованием [Mattila, 2006, с. 3].

³ Перевод выполнен нами. – В. П.

Как было указано ранее, текст закона пишется на литературном языке, чтобы быть понятным каждому члену общества, информация, которая транслируется с помощью такого текста, посылается рядовому гражданину в том числе. Однако одновременно с этим данная информация адресуется и специалисту (в широком смысле), который контролирует соблюдение данных предписаний, обеспечивает исполнение законов, оказывает юридическую помощь гражданам и организациям и т. д. Здесь важно подчеркнуть следующее: одно и то же речевое произведение одновременно адресуется как специалисту, владеющему специальным кодом, так и неспециалисту, кодом для которого должен служить естественный язык. В этом случае модель Р. О. Якобсона, наиболее точно характеризующая ожидаемую схему коммуникации в праве, с определенной долей условности может быть применима только к взаимодействию специалистов-юристов, способных воспринимать юридический язык как код «без истории», в то время как для рядового носителя языка язык остается кодом «плюс его история» [Лотман, 2001, с. 15]. Этим во многом объясняется факт множественной интерпретации терминологической лексики рядовым носителем языка.

О. М. Литвишко отмечает: «Если в процессе внутрипрофессиональной коммуникации использование профессионального юридического языка не вызывает затруднений у коммуникантов, то в случае межпрофессиональной коммуникации ее участники с большой долей вероятности могут столкнуться с проблемами в использовании специального языка из-за разницы в профессиональных интересах и навыках. Еще меньшая вероятность достижения успешной коммуникации будет наблюдаться в процессе общения профессионалов с не-профессионалами в сфере права, где весь спектр лексических, синтаксических, и прагматических параметров сложности может препятствовать пониманию и приводить к срыву коммуникации» [Литвишко, 2023, с. 84]. Обратим внимание на то, что потребность в доведении специальной информации до неспециалиста существует и в других областях знания, однако для достижения этой цели языком вырабатываются специализированные

средства, что отражается в системе подстилей научного стиля речи: собственно научный, научно-учебный и научно-популярный подстили обеспечивают трансляцию одной информации разным категориям адресатов. Однако в системе отсутствует «официально-популярный» подстиль, а интерпретация правового текста частными лицами (гражданами) «занимает подчиненное положение по отношению к интерпретации правоприменителей» [Белов, 2022, с. 856]; в то же время «интерпретация правоприменителей стремится к единообразию (чтобы не нарушать равенство перед законом) через *профессиональные обсуждения* и некоторые *юридические институты* (официальные разъяснения и обобщения судебной практики высшими судами)» (курсив наш. – В. П.) [Белов, 2022, с. 856]. Это еще раз подчеркивает тот факт, что для понимания и «правильной» (корректной) интерпретации закона недостаточно только языковой компетенции. Более того, переориентация текста на неспециалиста влечет за собой «перенаправление» его прагматического потенциала, в процессе которого неизбежно ослабляется конкретизация изложения, что недопустимо для законодательного текста.

Как мы отмечали ранее, факт распространения правовых норм на каждого члена общества не должен служить единственным основанием для выводов об адресате законодательного текста: в процессе текстуального закрепления правовой нормы адресант отбирает и особым образом организует языковые средства в зависимости от его представлений о получателе речи. Именно фактор адресата (образ, модель адресата) является существенным для прагматики сообщения.

Если текст закона одновременно адресуется и специалисту, и неспециалисту, представляющим совершенно разные типы адресатов, то, создавая текст, адресант должен ориентироваться на того реципиента, который использует этот текст не только для регулирования собственного поведения. Адресат-специалист, во-первых, наделен полномочиями осуществлять деятельность «именем закона», то есть реализовывать свои должностные обязанности в соответствии с законом и от лица закона, во-вторых, принимает

участие в обеспечении правопорядка, то есть предотвращает нарушение закона другими лицами. Именно поэтому в юридической литературе нередко отмечается, что в случаях, когда встает выбор между точностью и ясностью изложения, а также когда необходимо употребить единицы, противоречащие общелитературной норме, приоритет отдается точности. Отмечая особую важность соблюдения требования точности, Н. А. Власенко подчеркивает, что «практический критерий здесь берет верх над общелитературными стандартами» [Власенко, 1997, с. 21]. Более того, в этом случае типичные средства официально-делового стиля, выработанные и закреплённые на практике, а, другими словами, средства, обеспечивающие достижение всех требований, предъявляемых к документам, в большей или меньшей степени являются специальными единицами, так как в каждом случае, когда адресант оказывался в ситуации выбора между знаком для неспециалиста и знаком для специалиста, приоритет отдавался последнему.

Таким образом, поскольку текст закона – единственная объективированная форма выражения права, представляется возможным говорить о двойной адресации законодательного текста. Однако в связи с тем, что адресат-специалист пользуется текстом закона в своей профессиональной деятельности, обеспечивая соблюдение норм права всеми членами общества, законодательный текст, в первую очередь, должен решать задачи специальной коммуникации, и лишь во вторую – коммуникации с неспециалистом. Следовательно, коммуникативный код законодательного текста ориентирован на специалиста.

1.3.5. Типы законодательных текстов

Ранее мы отмечали, что классификаций законодательных текстов, в основу которых были бы положены прагмалингвистические параметры, на сегодняшний день не предложено, что в определенной степени затрудняет изучение данной группы текстов, так как, несмотря на свою строгую

стандартизованность, законы, регулирующие совершенно разные типы общественных отношений, неоднородны. Особая потребность в классификации законодательных текстов возникает в рамках прагматического исследования, так как очевидно, что работать с комплексом заведомо неоднородных текстов, пытаясь выявить их прагматические характеристики (а тем более коммуникативно-прагматический потенциал), было бы ошибочно. Именно поэтому возникает необходимость в создании классификации законодательных текстов, в основу которых были бы положены какие-либо прагматические параметры.

Ранее нами было установлено, что в параметры, определяющие коммуникативно-прагматический потенциал текста, включаются его стилевые характеристики и фактор адресата. Законы стиля формируются в отношении конкретной сферы общения и обеспечивают решение возникающих в рамках нее коммуникативных задач наилучшим образом. Однако очевидно, что все законодательные тексты функционируют в одной – административно-правовой – сфере, а существующие стандарты к оформлению законов предъявляют повышенные требования к соблюдению стилевых норм. Таким образом, стилевые характеристики законодательных текстов не могут быть положены в основу их классификации, так как на основании данного параметра тексты могут быть объединены, но не дифференцированы.

В соответствующем разделе, посвященном анализу образа адресата законодательного текста, мы отмечали, что с официальной точки зрения нормативный правовой акт адресуется неопределенному кругу лиц, то есть каждому, кто должен соблюдать нормы, зафиксированные в соответствующем законе, однако, как показал анализ литературы (в том числе и учебников по юридической технике), прагматический потенциал текста закладывается на специалиста. В связи с этим мы посчитали необходимым дифференцировать адресата текста (образ, в отношении которого закладывается коммуникативно-прагматический потенциал) и адресата норм (субъекты правоотношений, обязанные соблюдать нормативные предписания). Такие выводы справедливы с

теоретической точки зрения: в процессе подготовки текста нормативного правового акта приоритет отдается точности, а не ясности текста, потенциал закладывается на специалиста (не исключая, конечно, попытки сделать текст максимально удобным и для восприятия рядовым гражданином). Разумеется, такое решение полностью оправданно с позиций юридической науки и практики и в целях укрепления правовых основ государства. Однако с практической точки зрения, то есть с позиций реального функционирования текстов, ситуация не столь однозначна. Так, например, отдельные правовые нормы регламентируют поведение в ситуациях, допускающих взаимодействие неспециалистов без обязательного посредничества специалиста-юриста, то есть в тех случаях, когда с обеих сторон в процессе такой коммуникации оказываются неспециалисты, вынужденные пользоваться текстом, нацеленным на специалиста. Именно поэтому мы считаем возможным построить прагматическую классификацию законодательных текстов на основании качественных характеристик коммуникантов (взаимодействующих сторон). Критерием выделения данных типов законодательных текстов является коммуникативная ситуация, в которой законодательный текст выступает как регулирующий инструмент правовых отношений.

Итак, в зависимости от характеристик взаимодействующих сторон мы выделяем следующие группы законодательных текстов.

1. Тексты, которые регулируют правовые отношения путем профессионально-профессионального взаимодействия (специалист – специалист): *Арбитражный процессуальный кодекс РФ, Гражданский процессуальный кодекс РФ, Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы РФ и т.п.*

2. Тексты, регулирующие правовые отношения неспециалистов посредством обязательного привлечения соответствующих юридических структур (специалист – неспециалист): наиболее объемная группа текстов, включающая законы, рассчитанные на массового адресата, устанавливающие основные права и обязанности граждан, регулирующие общественные

отношения в социально значимых сферах. Важным отличием данной группы текстов является невозможность решения правовых ситуаций, регулируемых данным текстом, без непосредственного привлечения специалиста. Так, например, оскорбление вообще имеет право называться таковым и влечет за собой наказание только в случае соответствующего судебного решения, то есть тогда, когда факт унижения чести и достоинства лица установлен компетентной стороной (судом). В противном случае может иметь (а может и не иметь) место факт общественного порицания; правовые последствия в таком случае, разумеется, не наступают. К данной группе текстов относятся: *Конституция РФ, Уголовный кодекс, Кодекс об административных правонарушениях* и многие др.

3. Законодательные тексты, которые регламентируют правовые отношения в ситуациях, допускающих взаимодействие неспециалистов без обязательного посредничества специалиста-юриста (неспециалист – неспециалист). Такие тексты часто призваны регулировать типовые ситуации, в которых потенциально может оказаться каждый член общества: взаимодействие между покупателем и продавцом, водителем и пассажиром, врачом и пациентом и т. п. Особенность данной группы текстов заключается в том, что с обеих сторон в процессе коммуникации оказываются неспециалисты, однако законы, регулирующие такое взаимодействие, создаются с учетом общих требований к любому законодательному тексту, их прагматика по-прежнему ориентирована на специалиста и не «перенаправлена» на рядового носителя языка. Другими словами, их коммуникативно-прагматические характеристики не оказывают существенного влияния на стилевые, языковые и структурные параметры законодательных текстов, которые в свою очередь ориентированы на специалиста. К данной группе текстов обычно относятся отдельные фрагменты кодексов и законов, так как структура любого законодательного текста предполагает наличие юридической информации, адресованной исключительно специалисту. Наиболее яркие примеры данной группы текстов: законы «*О защите прав потребителей*», «*Об основах охраны здоровья граждан...*»,

отдельные главы Гражданского кодекса (например, гл.30 «Купля продажа», гл. 32 «Дарение», гл.35 «Наем жилого помещения» и т.д.) и др.

Последняя группа текстов представляет наибольший интерес с точки зрения анализа коммуникативно-прагматического потенциала, так как ситуации, в которых функционируют данные законы, фактически позволяют использовать неспециалисту специальные тексты для решения ряда правовых задач.

1.3.6. Стилистические особенности законодательных текстов

Как известно, законодательный текст относится к текстам юридического (законодательного) подстиля официально-делового стиля [СЭСРЯ, 2006, с. 275]. Поскольку официально-деловой стиль – это «функциональная разновидность современного литературного языка, обслуживающая сферу права, власти, администрации, коммерции внутри- и межгосударственных отношений» [СЭСРЯ, 2006, с. 273], законы как тексты юридического подстиля обладают характеристиками, присущими данной функциональной разновидности языка.

Традиционно в качестве стилистических черт официально-делового стиля называют следующие: точность, не допускающая инотолкования, императивность, стандартизованность, неличность изложения, официальность, безэмоциональность [СЭСРЯ, 2006, с. 274-275]. Для законодательных текстов точность и однозначность изложения имеют особую значимость, так как это позволяет обеспечивать реализацию регулятивной функции права. Как отмечает М. Н. Кожина, «точность формулировок правовых норм и необходимость абсолютной адекватности их понимания (толкования) — идеал законодательных текстов, способствующий «безотказной» реализации регулятивной функции права. Напротив, неясность этих формулировок, допущение неоднозначных толкований мешают осуществлению основной функции права, подрывают его незыблемость и авторитет» [Кожина, 2008, с. 320]. Это же отмечается и в рамках когнитивного подхода к официально-

деловым текстам (ОДТ). «Когнитивное пространство ОДТ выстраивается так, что реализует идеальную пропорцию: чем меньше когнитивный потенциал языковых знаков при порождении, тем меньше вариативность интерпретирования адресатом смыслового пространства, стоящего за текстом» [Бутакова, 2014, с. 18].

Точность нормативного законодательного текста обеспечивается средствами всех языковых уровней.

Поскольку закон – это специальный текст, его лексический состав характеризуется сочетанием общеупотребительной и специальной лексики [Юридическая техника, 2021]. Право как отдельная область научного знания обладает своей системой терминов, репрезентирующих специальные юридические понятия: терминологические единицы «образуют когнитивные области, содержащие профессиональные знания, и составляют ядро «профессионального языкового сознания» [Бутакова, 2011, с. 60]. Как известно, одним из важнейших требований, предъявляемых к термину, является его однозначность, поэтому именно терминологические единицы обеспечивают наибольшую точность передачи информации. Высокая степень терминированности законодательных текстов обусловлена как минимум двумя взаимосвязанными факторами: отношением закона к категории специальных текстов и обеспечением требования точности и непротиворечивости изложения. Однако, как отмечает М. Е. Воробьева, «представления, характерные для обыденного сознания, весьма неоднозначно сопрягаются со специализированными презумпциями, заключенными в юридическом тексте» [Воробьева, 2011, с. 174], а это значит, что точность и однозначность понимания, которая должна обеспечиваться терминологией, слабо коррелирует с вариативностью и «неизбежным отсутствием однозначности в герменевтике естественной коммуникации» [Воробьева, 2011, с. 175]. Другими словами, следует признать, что высокая степень терминированности текста закрепились в качестве одной из основных черт официально-делового стиля с целью обеспечить эффективную реализацию его коммуникативно-прагматического

потенциала в отношении адресата-специалиста, обладающего навыками декодирования как отдельных лексических единиц, так и текстов в целом.

Отличительным свойством юридической терминологической системы является наличие лексем, пересекающихся с естественным языком. Поскольку слова естественного языка, в отличие от терминов, обычно полисемантичны, их употребление в законодательных текстах должно допускаться только в контекстах, позволяющих однозначно интерпретировать значение лексической единицы (в целом данное правило справедливо для любых терминов). Такую черту официально-деловых текстов можно характеризовать как тенденцию к упрощению семантической структуры слов [Воронцова, 2009, с. 55]. Попадание лексемы в законодательный текст неизбежно приводит к ее юридизации [Иркова, 2020, с. 172], в результате чего появляются если не омонимы, то многозначные лексемы.

В юридических работах внешнее совпадение термина с общеупотребительной лексемой (словом естественного языка) рассматривается не только в качестве типичного свойства текста, но и как его неоспоримое преимущество: отмечается, что такие лексемы «употребляются в обыденном, общеизвестном смысле, поэтому просты и общепонятны» [Толстик, 2013, с. 177], при этом исследования, проводимые лингвистами, показывают, что «существует достаточно много расхождений в дифференциальных признаках, составляющих значение слов-омонимов, что затрудняет точное понимание термина носителем языка» [Милославская, 2000а, с. 114]. Следует отметить, что и в юридических работах термины, омонимичные общеупотребительным лексемам, могут наделяться отрицательными с точки зрения прагматики свойствами – универсальностью, многозначностью и образностью [Юридическая техника, 2021, с. 165]. Как следует из исследования Д. И. Милославской, многозначность юридических терминов «порождает недоразумения и ошибки, как правило, со стороны тех, на кого распространяется действие законодательного акта» [Милославская, 2000а, с. 109], то есть рядовых носителей языка.

В учебнике по юридической технике под редакцией В. М. Баранова отмечается, что точность терминологии включает в себя два аспекта: «Один касается формы термина (слова или словосочетания), другой — его содержания, т.е. смыслового значения» [Юридическая техника, 2021, с. 176]; под формой в данном случае подразумевается «адекватно подобранное слово или словосочетание» [Юридическая техника, 2021, с. 175]. Отсюда в том числе следует, что словообразовательные средства языка, участвующие в оформлении терминологической лексики, также должны обеспечивать ее непротиворечивость.

К словообразовательным средствам, способствующим точности изложения, относятся различные суффиксальные форманты, добавление которых к производящей основе создает лексему, называющую лицо по его функции в официально-деловых отношениях: -чик-, -щик-, -тель-, -ец- и под. (*покупатель, потребитель, ответчик, подрядчик, истец и др.*), а также сложносокращенные слова и лексемы, образованные усечением или сложением основ с последующей суффиксацией, и путем лексикализации словосочетания (*квартиросъемщик, выгодоприобретатель, вышеуказанный, нижеподписавшийся и под.*). Предполагается, что план выражения образованных таким образом единиц максимально точно ориентирует на денотат.

В зависимости от степени точности обозначаемого понятия в учебнике под редакцией М. В. Баранова предлагается выделять термины точного значения и оценочные понятия [Юридическая техника, 2021, с. 167]. Последние, как следует уже из их названия, должны конкретизироваться субъектом правоприменения в ходе оценки обстоятельств в конкретной ситуации. Неоспоримым преимуществом таких терминов, с точки зрения законодателя, является возможность очертить ими большой спектр ситуаций, в случаях, когда нельзя предусмотреть в законе все возможные обстоятельства в силу многообразия общественных отношений [Юридическая техника, 2021, с. 168]. Несмотря на то что оценочные понятия даже в юридических классификациях

противостоят терминам точного значения, в отдельных ситуациях они, с точки зрения законодателя, не вступают в противоречие со стилевой доминантой официально-делового стиля: конкретизация оценочных понятий привела бы к ограничению числа ситуаций, которые должны попадать под действие тех или иных норм права, и в этом смысле они оказываются более эффективными, чем термины с точным значением. Так, например, в учебнике по юридической технике в качестве примера приводится невозможность создать полный перечень «уважительных причин», которые могли бы оправдать факт отсутствия работника на рабочем месте [Юридическая техника, 2021, 168]. При этом за оценочными понятиями в юриспруденции закрепилось определение «каучуковых» норм в связи с возможностью распространить их на большое число правовых ситуаций и вероятностью свободного истолкования даже правоприменителями. Таким образом, неточность оценочных понятий в полной мере не обеспечивает точности изложения даже в отношении адресата-специалиста.

На морфологическом уровне типичным признаком законодательного текста как текста официально-делового стиля является его именной характер, что проявляется в высокой частотности употребления существительных, прежде всего отглагольных, и производных (особенно отыменных) предлогов и союзов [Кожина, 2008, с. 327].

Преобладание именных конструкций над глагольными объясняется ориентацией на точность, не допускающую инотолкования, что, в частности, обеспечивается следующими параметрами: 1) большей однозначностью отглагольных существительных и частотой их функционирования в качестве терминов в сравнении с глаголами-сказуемыми; 2) возможностью свернуть пропозицию и маркировать ее отглагольным или отадъективным существительным [Федосюк, 2019]. Можно также добавить еще одно преимущество деловых текстов, обеспечивающееся употреблением в них отглагольных существительных, – возможность оформить положение в виде одного предложения за счет увеличения количества свернутых пропозиций.

Одно предложение, хотя и очень объемное, «несет информацию о смысловой целостности этого сообщения и о невозможности изолированного восприятия смысла какой-либо из его частей» [Федосюк, 2019, с. 106]. Однако при всем удобстве конструкций с отглагольными существительными и их ориентации на максимально точное изложение, они оказываются достаточно сложными для понимания: во-первых, случаи расщепления сказуемого «отяжеляют выражение и усугубляют именной характер высказывания» [Кожина, 2008, с. 263]; во-вторых, отглагольные существительные часто обуславливают возникновение так называемого «нанизывания падежей», то есть появление цепи имен в родительном падеже [Розенталь, 2012, с. 326; Кожина, 2008, с. 327], что осложняет декодирование текста; в-третьих, неясность тексту может придавать отсутствие в существительном глагольных (видовых, временных и залоговых) значений [Розенталь, 2012, с. 326].

Частота употребления в деловых текстах производных предлогов объясняется их большей однозначностью (в связи с сохранением в структуре предлога очевидной мотивирующей основы) в сравнении с непроизводными, что «позволяет им четко дифференцировать смысловые отношения, вследствие чего не допускается двусмысленность толкования фактов» [Шестакова, 2010, с. 5], кроме того, производные предлоги преимущественно используются с конкретным падежом (непроизводные зачастую употребляются с разными падежами), что также облегчает установление смысловых отношений. Однако известно, что в официально-деловом стиле частота употребления предлогов в целом (как производных, так и непроизводных) значительно выше, чем в текстах других стилей – «каждое седьмое слово в тексте – предлог» [Боброва, 2014, с. 83]. Такая особенность деловых текстов, с одной стороны, обуславливает их своеобразие, с другой – делает такие тексты более сложными для декодирования рядовым носителем языка в связи с тем, что в речевой практике реципиента-неспециалиста подобные тексты встречаются редко, а следовательно, они требуют приложения дополнительных усилий для их декодирования.

Стремление к точности изложения наиболее заметно отражается на синтаксической структуре законодательного текста. Требование соблюдения прямого порядка слов [Кашанина, 2011, с. 473], характерные для деловых текстов предложения с распространенными рядами однородных членов, преобладание сложных предложений с придаточными условиями [Матвеева, 2012], а также причины и следствия, наличие большого количества осложненных разными конструкциями (напр., причастными и деепричастными оборотами) предложений обеспечивают детализацию изложения, что в то же время приводит к значительному увеличению длины предложения. В литературе отмечается, что «предложения в 500–600 словоупотреблений в официально-деловой речи не редкость. Встречаются предложения размером и до 2000 слов и более» [Кожина, 2008, с. 322]. Несмотря на все это, простые предложения преобладают над сложноподчиненными [Федосюк, 2019]. Другими словами, типичной чертой официально-деловых текстов является большое количество монопредикативных, но полипропозитивных предложений, в результате чего предложение хотя и становится менее объемным, все же сохраняет свою семантическую сложность. Как отмечает В. Б. Исаков, «юридическому языку свойственны простота и надежность грамматических конструкций, исключающие двусмысленность» [Исаков, 2000, с. 64]. При этом очевидно, что надежность грамматических конструкций далеко не всегда коррелирует с их простотой, и если надежность конструкций, то есть выработанные и закреплённые практикой модели изложения и представления информации, обеспечивают наиболее точную ее передачу, то вовсе не обязательно эти конструкции удобны для понимания, просты и ясны. Более того, представляется, что гораздо чаще имеет место обратная зависимость: для более точной передачи информации требуется более сложная, но менее ясная языковая конструкция. Это отмечается и юристами [Кашанина, 2011, с. 130]. При этом Т. В. Кашанина подчеркивает, что «все правоведы, рассматривавшие проблему противоречий между ясностью и точностью юридического

документа, предлагают отдавать преимущество точности» [Кашанина, 2011, с. 130].

Наконец, одной из важнейших стилевых черт, организующих тексты официально-делового стиля, является стандартизованность, которая проявляется как на языковом, так и на композиционном и структурном уровнях текста. Обязательность соблюдения требований к оформлению закона, в частности, правила разделения текста на отдельные структурные единицы (его членение на части, разделы, главы, статьи, параграфы, пункты), в целом особенности юридической графики (пробелы, различные начертания букв и др.), а также собственно языковые средства (активное использование устойчивых оборотов и клишированных фраз) обеспечивают единообразное оформление деловых текстов, что позволяет составлять их (не писать) по образцу существующих моделей. Кроме того, единообразное оформление способствует простоте и удобству навигации внутри документа, визуально выделяя отдельные текстовые блоки и микротемы внутри них (пункты, абзацы). При этом ориентирование в таком, структурно особенном, тексте – навык, требующий если не специальных знаний, то опыта чтения подобных текстов, умения составить полное содержание правовой нормы из фрагментов, структурно расположенных в разных законах, главах, статьях и т. д. Адресат-неспециалист указанными навыками может и не обладать.

Таким образом, стилевые черты, присущие текстам официально-делового стиля, отобранные и закрепившиеся в результате речевой практики для обеспечения наиболее эффективной реализации коммуникативно-прагматического потенциала текста, в действительности порождены ведущим функциональным свойством данного стиля – ориентацией на точность и недопущение инотолкования. Точность, императивность, стандартизованность, неличность изложения, официальность и безэмоциональность, обеспечиваемые языковыми средствами всех языковых уровней, а также структурными особенностями текстов, достигают наибольшего эффекта в реализации коммуникативно-прагматического потенциала в отношении

адресата-специалиста, однако для неспециалиста могут становиться препятствием для корректного декодирования текста. Это может быть обусловлено: 1) разным семантическим объемом юридических и общеупотребительных лексем, совпадающих в плане выражения, а также их неразличением рядовым носителем языка; 2) изначально заложенной вариативностью понимания отдельных терминов – оценочных понятий; 3) преимущественно именованным характером изложения – частым использованием конструкций с отглагольными существительными, осложняющими декодирование в случаях расщепления сказуемого, нанизывания падежей и отсутствием грамматически выраженных видо-временных и залоговых значений, а также обилием предлогов, частота употребления которых не свойственна иным типам текстов, с которыми реципиент имеет опыт взаимодействия; 4) объемными и семантически сложными синтаксическими конструкциями, простыми по структуре, но полипропозитивными; 5) структурными особенностями юридических текстов, корректное декодирование которых требует по крайней мере опыта чтения подобных текстов. Таким образом, типичные для официально-делового текста черты в отдельных случаях являются факторами, снижающими его коммуникативно-прагматический потенциал в отношении адресата-неспециалиста.

Выводы по главе 1

1. Понятие *коммуникативно-прагматический потенциал* применительно к законодательным текстам позволяет рассматривать его в рационально-логическом аспекте – как возможность корректного декодирования данного текста адресатом. Коммуникативно-прагматический потенциал текста определяется нами как такой отбор и организация языковых средств и структурных элементов текста, которые с точки зрения адресанта способны максимально эффективно обеспечить выполнение коммуникативных задач в

предполагаемой коммуникативной ситуации и, следовательно, должны быть корректно декодированы предполагаемым адресатом.

2. Коммуникативно-прагматический потенциал текста закладывается с учетом двух параметров: фактора адресата и стилевых характеристик текста. В процессе создания текста адресант стремится обеспечить его максимальный коммуникативно-прагматический потенциал, для чего ориентируется на совокупность представлений о воспринимающей стороне – адресате. С другой стороны, выбор средств, доступных адресату, ограничивается законами функционального стиля, черты которого закрепились с учетом сферы коммуникации и ситуации общения для обеспечения наиболее эффективного общения.

3. Законодательный дискурс является разновидностью (ядром) юридического дискурса и представляет собой совокупность законодательных текстов. Прагматическая специфика законодательных текстов проявляется в следующих особенностях: 1) адресант закона всегда наделен властными полномочиями; адресат текста всегда не единичен; 2) коммуникация всегда опосредована письменными текстами, которые регулируют процесс речевого взаимодействия только в результате соблюдения ряда строго регламентированных формальных процедур; 3) специфическая функция данной группы текстов – предписывающая.

4. Законодательный текст как регулятор общественных отношений имеет двойную адресацию: непосредственным адресатом правовых *норм* является рядовой носитель языка; адресатом текста является специалист-юрист, поскольку именно он обеспечивает соблюдение правовых норм в процессе профессиональной деятельности. Коммуникативный код законодательного текста ориентирован на специалиста.

5. На основании анализа коммуникативных ситуаций, в которых законодательный текст выступает как регулирующий инструмент правовых отношений, выделено три типа законодательных текстов: 1) тексты, которые регулируют правовые отношения путем профессионально-профессионального

взаимодействия (специалист – специалист); 2) тексты, регулирующие правовые отношения неспециалистов посредством обязательного привлечения соответствующих юридических структур (специалист – неспециалист); 3) тексты, которые регламентируют правовые отношения в ситуациях, допускающих взаимодействие неспециалистов без обязательного посредничества специалиста-юриста (неспециалист – неспециалист).

б. Стилиевые характеристики законодательного текста определяются его принадлежностью к юридическому подстилю официально-делового стиля. В законодательных текстах стилиевые черты официально-делового стиля (точность, не допускающая инотолкования (стилевая доминанта), безэмоциональность, императивность, стандартизованность и др.) обеспечиваются языковыми средствами всех уровней и структурными особенностями текстов. Вместе с тем ряд языковых средств (термины, пересекающиеся со словами естественного языка, оценочная лексика, отглагольные существительные, отыменные предлоги и др.) могут препятствовать адекватному декодированию законодательного текста адресатом-неспециалистом.

ГЛАВА 2. КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ТЕКСТЕ

В юрислингвистических исследованиях отмечается, что «неопределенность понятий, терминов и формулировок семантического (содержательного) характера <...> может вызвать произвольное толкование и применение правовых норм» [Белоконь, 2012а, с. 333]. К таким явлениям обычно относят двусмысленные термины и оценочные категории, а также «использование в качестве синонимов терминов с нетождественным значением (обозначение одних и тех же явлений разными терминами); употребление понятий, допускающих расширительное толкование вследствие использования формулировки, не соответствующей действующему законодательству; употребление понятий, которые не используются действующим законодательством; использование не имеющих нормативных дефиниций понятий и терминов; употребление понятий без учета их лексического (закрепленного словарями) значения» [Белоконь, 2012б, с. 54]. Кроме того, неопределенная семантика может быть связана «и с другими типами слов и различными элементами текста: со спецификой размещения причастного оборота вдали от определяемого слова, синтаксическими конструкциями, знаками препинания и др.» [Иркова, 2020, с. 24].

Однако при анализе таких языковых единиц факт двойной адресации юридических (законодательных) текстов, как правило, не учитывается. Между тем, некорректное декодирование законодательного текста адресатом-неспециалистом может быть обусловлено как внутриязыковыми, так и экстралингвистическими факторами. Внутриязыковыми факторами могут быть особенности функционирования данной единицы в языке (лексическая омонимия и полисемия, сфера употребления и т. д.), свойства самой языковой единицы (семантическая неопределенность) и др. Основным экстралингвистическим фактором неоднозначной интерпретации

законодательного текста является то, что адресат, не будучи специалистом, не имеет профессиональных фоновых знаний и достаточного навыка декодирования законодательных текстов.

В процессе исследования законодательных текстов, регулирующих правовые отношения в ситуации «неспециалист – неспециалист», были проанализированы типичные для текстов официально-делового стиля языковые элементы разных уровней и выявлены единицы, которые могут быть неоднозначно декодированы адресатом-неспециалистом, что обуславливает снижение коммуникативно-прагматического потенциала текста для данного адресата. На лексическом уровне к таким единицам относятся: а) терминологические единицы; б) семантически неопределенные лексемы и оценочные понятия, в) синтагмы с несвойственной естественному языку сочетаемостью. На морфологическом уровне: а) отглагольные существительные, б) производные предлоги. На синтаксическом уровне – предложения большого объема.

2.1 Лексические единицы, снижающие коммуникативно-прагматический потенциал законодательного текста

2.1.1 Терминологическая лексика как фактор снижения коммуникативно-прагматического потенциала текста

2.1.1.1. Специфика юридической терминологии

Одним из важнейших показателей того, что законодательный текст ориентирован прежде всего на специалиста, является наличие в нем терминологической лексики, которая, как известно, является маркером профессиональной коммуникации. «Термин является вербализованным результатом профессионального мышления, значимым лингвокогнитивным средством ориентации в профессиональной сфере и важнейшим элементом

профессиональной коммуникации. В термине реализуются механизмы познания той или иной области знаний или деятельности, в нем репрезентированы структуры специального знания, которые служат отправной точкой в осмыслении профессионального пространства и способствуют оптимальной организации деятельности специалистов» [Голованова, 2004, с. 24].

В лингвистических исследованиях существует множество подходов к определению термина. В наиболее общем виде под термином понимается «лексическая единица определенного языка для специальных целей, обозначающая общее – конкретное или абстрактное – понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности» [Лейчик, 2009, с. 31-32]. Для настоящей работы значимыми являются следующие положения: 1) термин есть вербализованный результат мышления и познания [Голованова, 2008, с. 51]; 2) формирование и актуализация значения слова происходит в профессиональной коммуникации, в недрах конкретного дискурса, то есть в конкретном семиотическом пространстве; 3) в структуре термина должны быть отражены «следы» этих процессов; 4) в процессе профессионального общения стороны осознанно используют термины, ориентируясь на дефиниции, представленные в специальных словарях.

Особенности юридической терминологии неоднократно становились предметом исследования как в работах теоретиков права (Т. В. Губаева, А. С. Пиголкин, Г. Ч. Синченко, В. Ю. Туранин, А. В. Черкаев и др.), так и лингвистов. В частности, проблемы интерпретации и понимания юридических терминов рассматривались в трудах Д. И. Милославской [Милославская, 2000а, 2000б], Н. Д. Голева [Голев, 2015; Голев, Воробьева, 2017 и др.], М. Е. Воробьевой [Воробьева, 2011, 2014а; Голев, Воробьева, 2017 и др.], Н. Ю. Мартышко [Мартышко, 2015], О. В. Барабаш [Барабаш, 2016 и др.], А. В. Ирковой [Иркова, 2020] и др. На сегодняшний день в лингвистике существует большое количество классификаций юридических терминов, в основание которых положены разные параметры [Толстик, 2013].

Одной из основных проблем юридической терминологии является то, что значительное количество юридических терминов так или иначе пересекается с общеупотребительными словами. Если адресат-специалист при декодировании таких терминов опирается на профессиональное знание, дискурсивные конвенции, прецедентное употребление в сфере профессиональной коммуникации, то адресат-неспециалист может ориентироваться только на собственный коммуникативный опыт, т.е. на обыденную картину мира, что, безусловно, будет препятствовать адекватной интерпретации таких терминов: «Непонимание, неверное толкование и как следствие неправильное употребление в речи профессиональных терминов приводит к нарушению коммуникации» [Литвишко, Большакова, 2022, с. 204].

На основании характера взаимодействия с естественным языком и степени прозрачности внутренней формы для рядового носителя языка в самых общих чертах юридические термины можно дифференцировать на **изолированные от естественного языка** (напр., *эскроу, бенефициар, инкассо, концессия, контрактация* и др.) и **взаимодействующие** с ним. Последние, в свою очередь, могут обладать прозрачной внутренней формой и словообразовательной структурой (*продавец, покупатель, пожертвование, недвижимость, недопоставка, должник* и др.) или содержать в своем составе отдельные элементы с неочевидным значением (*арендодатель, подрядчик, ссудодатель* и др.).

Таким образом, особенности реализации прагматического потенциала термина следует связывать: 1) со степенью взаимодействия с естественным языком (степень освоенности слова); 2) со степенью прозрачности его внутренней формы и очевидности его словообразовательной мотивированности. Под внутренней формой понимается «морфосемантическая структура слова, зависящая от его синхронной или диахронической мотивированности и выражающая простую сумму значений составляющих слово морфем, то есть буквальное значение слова» [Ребрушкина, 2005, с. 5].

Тот факт, что любой термин как специальная единица снижает в той или иной степени коммуникативно-прагматический потенциал текста в ситуации его декодирования неспециалистом, можно считать аксиомой, однако важно отметить, что механизм такого снижения отличается для каждой группы терминологических единиц.

2.1.1.2. Термины, взаимодействующие с естественным языком: механизмы снижения коммуникативно-прагматического потенциала

Проблема пересечения юридических и «бытовых» значений терминологических единиц неоднократно рассматривалась в лингвистических исследованиях: К. М. Рудкова («оскорбление») [Рудкова, 2004], М. Е. Воробьева («государство», «гражданин», «беженец», «таможня», «собственность») [Воробьева, 2014а] и др.

Как один из вариантов решения данной проблемы В. А. Толстик «в зависимости от распространенности употребления в языке» [Толстик, 2013, с. 177] предлагает подразделять термины на общеупотребительные и необщеупотребительные (специальные). К общеупотребительным относятся термины, которые используются как в юридической науке и практике, так и в бытовой речи, художественной литературе и т. д.; специальные в свою очередь подразделяются на заимствованные из области специальных знаний (медицина, экономика и т.д.) и используемые в юридической науке и практике [Толстик, 2013]. Д. И. Милославская [Милославская, 2000а, с. 105] приводит похожую классификацию, базирующуюся на степени «понятности» термина для разных групп реципиентов: 1) общезначимые, употребляющиеся в обыденном смысле и понятные всем (*беженец, свидетель, работник*); 2) специальные юридические термины, обладающие особым правовым содержанием, которые понятны специалистам в области права (*необходимая оборона, исковая давность*); 3) специально-технические термины, отражающие область специальных знаний, которые, как отмечает Д. И. Милославская, «видимо, должны быть понятны

юристу, являющемуся еще и специалистом в другой области» [Милославская, 2000а, с. 105] (*недоброкачественная продукция, правила техники безопасности*).

Очевидно, что классификация, в рамках которой юридическая терминология дифференцируется на общеупотребительную и специальную, не может быть использована для анализа коммуникативно-прагматического потенциала законодательного текста, так как в ее основание положена природа (источник) терминологической единицы (естественный язык, юридическая наука или другая область знания), фактическая же дифференциация проводится по параметру сферы и границ употребления слова, и лишь косвенно – и по степени понятности реципиенту. На наш взгляд, внутри юридической терминологии целесообразно выделять лексику, первоначально заимствованную из естественного языка и специальную, созданную в недрах какой-либо отрасли знания как результат профессионального познания. Однако специальная терминология может как оставаться достаточно непроницаемой для естественного языка, то есть мало с ним взаимодействовать или не взаимодействовать вообще (ср.: *секвестр, сервитут и др.*), так и проникать в естественный язык (ср.: *алименты, преступник*), причем в последнем случае такие лексемы неизбежно начнут обрастать дополнительными «бытовыми» смыслами, которые для рядового носителя языка будут актуальнее юридических. При противоположном явлении – заимствовании юриспруденцией терминов из естественного языка – описанный процесс идет в обратном направлении, то есть по пути усечения части «бытовых» значений, выделения юридически значимых сем и их конкретизации. Следовательно, происходит изменение содержания языковой единицы без изменения ее формы, что приводит, во-первых, к полному формальному совпадению двух лексем, во-вторых, к сохранению для рядового носителя языка всех бытовых смыслов, стоящих за данной формой.

Соответственно, чем более освоено слово, чем выше степень его контакта с естественным языком, чем бóльшими деривационными способностями оно

обладает, тем больше дополнительных, «бытовых» смыслов оно приобретает, концептуализируется, становится содержательной оперативной единицей непрофессионального (наивного) знания.

В юридических работах «общеупотребительные» слова, оформившиеся в виде терминов, обычно расцениваются в качестве положительного с точки зрения их понимания явления. Отмечается, что такие лексемы «употребляются в обыденном, общеизвестном смысле, поэтому просты и общепонятны» [Толстик, 2013, с. 177], подчеркивается также, что такие термины составляют до 80% текста [Толстик, 2013, с. 177]. В учебниках по юридической технике среди правил, которым обязан следовать составитель правового акта, называется его доступность, обеспечиваемая использованием «максимально простых терминов, фраз, широко употребляемых в обычном обиходе и легко воспринимаемых большей частью населения» [Томин, 2015, с. 26; Кашанина, 2011]. В этом случае следует признать, что адресант, закладывая коммуникативно-прагматический потенциал, изначально рассчитывает на то, что адресат будет воспринимать текст как нетерминированный, декодируя его единицы в качестве слов естественного языка.

В рассматриваемом материале широко представлены термины, взаимодействующие с естественным языком (90% от общего количества рассмотренных нами единиц)⁴. Поскольку юридические термины, взаимодействующие с естественным языком, неоднородны в своем составе, представляется возможным обозначить несколько механизмов снижения данными элементами коммуникативно-прагматического потенциала текста.

Первую группу терминов представляют единицы общеупотребительной лексики, наделенные в юридическом дискурсе узкоспециальным содержанием.

⁴ Всего нами было проанализировано 100 терминологических единиц. Здесь и далее в работе приводятся данные количественного анализа (общее число единиц в текстах и количество вхождений), т.к. частотность употребления каждой языковой единицы не является значимым параметром для оценки коммуникативно-прагматического потенциала текста. Для адресата-неспециалиста, который обращается к законодательному тексту спорадически, играет роль не количество однотипных единиц, а «качество» текста как совокупность недекодируемых элементов разных языковых уровней.

С определенной долей условности такие элементы будем называть терминами, омонимичными словам естественного языка.

В рассматриваемом материале подобные единицы представлены максимально широко: *собственность, собственник, договор, сделка, соглашение, вещь, имущество, пожертвование, цена, находка, клад, залог, заем, наем, заказчик, пассажир, продавец, покупатель, риск, продукция, доходы, жилец, убытки, вред, долг, должник, товарищи (товарищество) (Гражданский кодекс РФ); работа, работник, заработная плата, должность, отдых, отпуск, выходной день (Трудовой кодекс РФ); семья, родители, дети, бабушки, дедушки, братья, сестры, супруг / супруга, пасынок, падчерица, отчим, мачеха, опека (Семейный кодекс РФ); потребитель, изготовитель, исполнитель, продавец, продажа, услуга, работа, товар, вред (ФЗ «О защите прав потребителей»); здоровье, заболевание, состояние, лечащий врач, медицинский работник, медицинская помощь, медицинская услуга, лечение (ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан») и др.*

Перечисленные термины выделялись на основании сопоставления материалов общеупотребительных и юридических словарей. Во всех указанных случаях было зафиксировано расхождение значений.

Ср.: *«Вкладом товарища признается все то, что он вносит в общее дело, в том числе деньги, иное имущество, профессиональные и иные знания, навыки и умения, а также деловая репутация и деловые связи» (ст. 1041, Гражданский кодекс РФ).*

Товарищ (юрид.) – участник товарищества (объединение физических или юридических лиц для совместной экономической деятельности [Борисов, 2010, с. 748]).

Товарищ (общеупотреб.) – 1) человек, связанный с кем-то узами дружбы, близкий приятель; 2) человек, связанный с кем-л. по роду деятельности, занятий, месту службы, учебы; коллега. [БТСРЯ]). В рассматриваемом контексте актуализации значения 1, а также соответствующих коннотаций способствует употребление сочетания «общее дело», используемое в

общеупотребительном языке для обозначения совместной деятельности, которая сплачивает людей, то есть объединяет в одно неразрывное целое; делает согласованными, дружными чьи-л. действия [БТСРЯ]. В целом в естественном языке лексема «товарищ» и все ее производные обладают устойчивыми положительными коннотациями.

Ср.: *«В силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как то: передать имущество, выполнить работу, оказать услугу, внести вклад в совместную деятельность, уплатить деньги и т.п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности»* (ст. 307, Гражданский кодекс РФ).

Должник (юрид.) – сторона, обязанная совершить определенное действие (передать имущество, выполнить какую-либо работу и т. п.) в пользу другой стороны – кредитора или воздержаться от совершения определенного действия [Борисов, 2010, с. 194].

Должник (общеупотреб.)– 1) тот, кто взял в долг, займы // тот, кто чем-либо обязан кому-либо – *Я ваш должник* [БТСРЯ]). В значение слова в естественном языке не включается, во-первых, компонент «сторона договора» (по крайней мере, в большей части употреблений); во-вторых, возможность отказа от совершения определенных действий (т.к. «долг» – 1) обязанность перед кем-, чем-л. (родиной, народом, семьей и т.п.); 2) то, что взято или отдано заимообразно (преимущественно деньги). Напр., *взять в долг* [БТСРЯ]; отсюда должник – тот, кто взял что-либо и на момент речи не отдал). Как следует из словарной статьи, в естественном языке лексема используется преимущественно (хотя не исключительно) в контекстах, связанных с финансовой задолженностью, и в этом смысле составляет пару с лексемой «кредитор» (тот, кто дал кому-либо кредит, т.е. предоставил товары или деньги в долг [БТСРЯ]). При этом в общеупотребительное значение понятия «кредитор» не входит возможность обозначения лица, в отношении которого должны совершаться иные действия (не связанные непосредственно с товарно-

денежными отношениями и финансовой сферой в целом), поэтому если в рамках юридического дискурса «должник» и «кредитор» – абсолютные антонимы (т.к. они представляют стороны договора), то в естественном языке – лишь частично.

Ср.: *«Ребенок имеет право на получение содержания от своих родителей и других членов семьи в порядке и в размерах, которые установлены разделом V настоящего Кодекса»* (ст. 60, Семейный кодекс РФ).

Семья (юррид.) – круг лиц, связанных правами и обязанностями, вытекающими из брака, родства и принятия детей в семью на воспитание [Семейное право: словарь ..., 2017].

Семья (общеупотреб.) – группа людей, состоящая из мужа, жены, детей и других близких родственников, живущих вместе [БТСРЯ].

Таким образом, для естественного языка релевантен компонент «*живущие вместе*», в то время как для юридического значения – «*связаны правами и обязанностями*».

Ср.: *«Пожертвование имущества гражданину должно быть, а юридическим лицам может быть обусловлено жертвователем использованием этого имущества по определенному назначению. При отсутствии такого условия пожертвование имущества гражданину считается обычным дарением ...»* (ст. 582, Гражданский кодекс РФ).

Пожертвование (юррид.) – дарение вещи или права в общепользовных целях. В соответствии со ст. 582 ГК РФ П. могут делаться гражданам, лечебным, воспитательным учреждениям, учреждениям социальной защиты и другим аналогичным учреждениям, благотворительным, научным и учебным учреждениям, фондам, музеям и другим учреждениям культуры, общественным и религиозным организациям, а тж. государству и другим субъектам гражданского права [Борисов, 2010, с. 529].

Пожертвование (общеупотреб.) – дар, взнос в пользу какого-либо лица, учреждения // добровольный отказ от чего-либо, жертва, самопожертвование – *Идти на пожертвование во имя близких* [БТСРЯ]). Таким образом, в

естественном языке лексемы «пожертвование» и «дар» являются синонимами, что позволяет определять в словаре одно слово через другое. С юридической точки зрения данные термины обозначают разные правовые явления и строго дифференцируются. Кроме того, в общеупотребительном значении слово часто используется с положительными коннотациями.

Снижение такими элементами коммуникативно-прагматического потенциала текста обусловлено неразличением общеупотребительного слова, являющегося репрезентантом концепта наивной картины мира, и термина, репрезентирующего научный юридический концепт. Если реципиент не квалифицирует элемент текста как термин, нуждающийся в особой интерпретации, то в процессе декодирования он ориентируется на общеупотребительное значение слова.

Проиллюстрируем сказанное на примере фрагмента ст. 454 Гражданского кодекса РФ, в которой вводится понятие договора купли-продажи: *«По договору купли-продажи одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определенную денежную сумму (цену)»*. Такие термины, как *договор купли-продажи, собственность, продавец, покупатель, товар, цена* носят, с одной стороны, терминологический характер, с другой – являются словами естественного языка и, безусловно, могут интерпретироваться в рамках наивной языковой картины мира. Причем даже в случае, когда реципиент осознает данные лексемы как термины (то есть маркирует их в своем сознании в качестве специальных единиц), семантические компоненты, не входящие в состав термина, неизбежно будут актуализироваться в его сознании. Другими словами, в процессе интерпретации реципиент будет использовать реальное, а не юридическое значение слова, поскольку без обладания специальными знаниями выделить релевантные для конкретного текста семы затруднительно. Под «реальным» значением слова здесь понимается «упорядоченное единство всех семантических компонентов,

которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка» [Стернин, 2006, с. 172].

Рассмотрим отличие термина *продавец*, используемого в данном тексте, от общеупотребительного слова.

Как общеупотребительное слово лексема *продавец* представлена в современных толковых словарях русского языка: 1) а) тот, кто продает кого-л., что-л.; б) тот, кто занимается продажей, торговлей; торговец; 2) работник торгового предприятия, отпускающий товары покупателю. [Ефремова, 2000]. Такие же значения даны в Большом толковом словаре русского языка [БТСРЯ].

Терминологические значения данной лексемы даны в специализированных юридических словарях.

Согласно «Словарю терминов, используемых в законодательстве Российской Федерации» [СТИВЗРФ, 2014, с. 163], под термином «продавец» понимается:

1. Организация независимо от ее организационно-правовой формы, а также индивидуальный предприниматель, реализующие товары потребителям по договору купли-продажи (*дн. Понятие используется в Законе РФ от 07.02.1992 г., №2300-1 (пreamбула)*).

2. Как субъект финансовой аренды (лизинга) физическое или юридическое лицо, которое в соответствии с договором купли-продажи с лизингодателем продает лизингодателю в обусловленный срок имущество, являющееся предметом финансовой аренды (лизинга) (*Федеральный закон от 29.10.1998 г. №164-ФЗ (п.1 ст.4)*).

3. Зарегистрированный в установленном законодательством РФ порядке индивидуальный предприниматель, гражданин, которые заключили с управляющей рынком компанией договор о предоставлении торгового места и непосредственно осуществляют на торговом месте деятельность по продаже товаров (выполнению работ, оказанию услуг) на рынке, а также привлекаемые лицом, с которым заключен договор о предоставлении торгового места, для осуществления указанной деятельности физические лица (*дн. основное*

определение используется для целей Федерального закона от 30.12.2006 г. №271 ФЗ (п.10 ст.3).

Согласно первому определению, в качестве продавца может выступать или организация, или индивидуальный предприниматель.

В третьем определении «продавец» – это 1) зарегистрированный в установленном законодательством РФ порядке индивидуальный предприниматель, заключивший договор о предоставлении торгового места и осуществляющий деятельность по продаже товаров <...>, 2) гражданин, заключивший договор о предоставлении торгового места и осуществляющий деятельность по продаже товаров <...>, 3) физические лица, привлекаемые лицом, с которым заключен договор о предоставлении торгового места, для осуществления указанной деятельности.

В Большом юридическом словаре [Борисов, 2010] зафиксирована только первая дефиниция.

Отметим, что обе рассмотренные дефиниции являются легальными, то есть непосредственно закрепленными в текстах нормативных правовых актов, выполняющими «функцию официального и аутентичного толкования понятий, созданных законодателем» [Апт, Дорофеева, 2009, с. 64]. Обратим внимание на то, что в предложенных определениях нет того, которое могло бы использоваться для понимания рассматриваемой нами статьи Гражданского кодекса, так как в отношении рассматриваемого нами договора купли-продажи «в качестве продавца и покупателя могут выступать как юридические, так и физические лица в рамках их дееспособности» [Хисматуллин, Гумерова, 2019, с. 234], что означает возможность выступать в качестве продавца *любого* человека / организации, передающего за определенную сумму какую-либо вещь другому человеку / организации, с которым заключен договор купли-продажи.

Следовательно, можно констатировать, что словарные статьи в специализированных (юридических) словарях отражают не все смыслы, которые должны актуализироваться при интерпретации юридических текстов. Более того, отсутствие части определений неизбежно будет порождать

конфликты интерпретации, так как «сознательный» реципиент, опознавший термин в тексте и обратившийся для его толкования к словарю, в лучшем случае не получит ответа на вопрос о значении данного понятия, а в худшем – будет вынужден применить одно из определений, кажущееся ему наиболее подходящим. Однако гораздо более вероятно, что рядовой носитель языка вообще не почитает необходимым обращаться к специализированным словарям, так как с большой долей вероятности данная лексема не будет маркирована в качестве терминологической и будет интерпретирована в рамках общеупотребительного значения.

Вернемся к определению понятия «продавец», релевантному для рассматриваемой статьи Гражданского кодекса и не отмеченному в словарях. Поскольку данное понятие *не дается непосредственно*, а лишь выводится из понятия «договор купли-продажи», для верной интерпретации понятия «продавец» необходимо знать толкование термина «договор», который также в сознании реципиента выступает и в качестве слова естественного языка. Так, М. Ф. Казанцев отмечает, что в научной, учебной, справочной юридической литературе, а также в законодательстве «договор» может пониматься по-разному: 1) как соглашение, 2) сделка, 3) юридический факт, 4) правоотношение (обязательство), 5) документ; при этом подчеркивается, что «наиболее распространено многозначное понимание договора, при котором понятие (термин) «договор» имеет одновременно несколько значений из числа вышеперечисленных» [Казанцев, 2002, с. 257]. Представляется, что наиболее очевидная проблема в интерпретации данной лексемы для рядового носителя языка будет заключаться в определении обязательности письменной формы его заключения или возможности достижения устных договоренностей. М. Ф. Казанцев отмечает следующее: «Поскольку договор как идеальное явление нельзя «пощупать руками», в обыденном сознании он сливается со своей вещественной оболочкой — документом и именуется с ней одинаково» [Казанцев, 2002, с. 277]. Данное положение, конечно, нуждается в отдельном исследовании, так как вполне вероятно, что в сознании носителя языка

восприятие договора как документа или как договоренности будет напрямую связано с экстралингвистическими факторами, а именно с тем реальным положением дел, в рамках которых им интерпретируется данная лексема. При этом отметим, что в рамках Гражданского кодекса договор купли-продажи действительно может быть заключен в устной форме, и в таком случае на него распространяются правила устных сделок, закрепленные в 9 главе I части Гражданского кодекса РФ. Обратим внимание, во-первых, на тот факт, что понятие «договора» в данном случае уравнивается с понятием «сделки»; во-вторых, подчеркнем, что рядовой носитель языка с большой долей вероятности не сможет самостоятельно прийти к мысли о том, что для понимания одной статьи, касающейся договора купли-продажи, ему необходимо обратиться к содержанию ряда других статей, фиксирующих правила устных сделок (которые, к тому же, располагаются в другой части кодекса), так как в тексте закона на это нет специальных указаний.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать следующие промежуточные выводы: 1) объем правового понятия во всех рассмотренных случаях не соответствует объему лексемы естественного языка нередко вплоть до того, что некоторые значения вообще могут не пересекаться или быть взаимоисключающими (*напр., продавец как лицо, оказывающее услугу*); 2) термины, функционирующие как слова естественного языка, объективно не могут быть интерпретированы единообразно, так как за такими лексемами стоят смыслы, актуальные для конкретного носителя языка; 3) способы представления дефиниций в специализированных словарях могут отражать не все релевантные для дискурса значения.

Среди терминов, взаимодействующих с естественным языком, особую подгруппу составляют единицы, которые полностью не совпадают в плане выражения с каким-либо общеупотребительным словом, однако обладают достаточно прозрачной внутренней формой и / или словообразовательной структурой, что также может препятствовать их квалификации в качестве специальных единиц.

В профессиональной коммуникации, как отмечает Е.И. Голованова, «номинатор сознательно задает внутренней формой термина направление мысли специалиста (исходя из принятой концепции специальной области деятельности), а затем, в процессе коммуникации, внутренняя форма термина позволяет ее участникам правильно ориентироваться в понятийно-профессиональной области, создавая консенсусную базу их взаимодействия» [Голованова, 2002, с. 183].

Поскольку в данном исследовании рассматриваются вопросы декодирования юридического текста неспециалистом, то при совпадении плана выражения терминологической и «бытовой» единицы для неспециалиста значение приобретает морфосемантическая структура слова, интерпретация осуществляется путем раскрытия внутренней формы (расшифровки значения как суммы значений морфем).

Термины данной группы, обладающие достаточно прозрачной морфемной и словообразовательной структурой, позволяют реципиенту выявлять их значение с опорой на внутреннюю форму и словообразовательную мотивированность, что, разумеется, не обеспечивает их корректное декодирование. Здесь важно подчеркнуть, что границы между двумя обозначенными группами терминов достаточно подвижны и во многом определяются в отношении отдельно взятого реципиента и в зависимости от уровня его языковой компетенции.

В исследуемом материале к терминам такого типа можно отнести следующие: *поклажедатель, арендодатель (наймодатель), сонаниматель, субабонент, обязательство, контрагент, жертвователь, публичный договор, рамочный договор, сохраняющая расписка, поднаем жилого помещения, приобретатель, изыскатель (Гражданский кодекс РФ); работодатель, срочный трудовой договор, ночное время, ненормированный рабочий день (Трудовой кодекс РФ); гарантийный срок, срок годности, срок службы, безопасность товара (ФЗ «О защите...») и др.*

Ср.: *«Заемщик по договору займа, в силу которого **займодавец** обязался предоставить заем, вправе отказаться от получения займа полностью или частично, уведомив об этом **займодавца** до установленного договором срока передачи предмета займа, а если такой срок не установлен, в любое время до момента получения займа, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или договором займа, заемщиком по которому является лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность» (ст. 807, Гражданский кодекс РФ).*

Существительное «займодавец» обозначает лицо, дающее деньги в долг, то есть называет лицо по роду занятий. Для выражения данных значений использован суффикс –ец-, присоединенный к глагольной основе на гласный (ср.: да-ть/ дава-ть). Стечение гласных на стыке морфем устраняется либо интерфиксом-согласным (в) (если принять в качестве производящего глагол дать), либо, вероятно, следует говорить об усечении мотивирующей основы (если считать производящим глагол давать). В любом случае, в современном языке подобная модель используется редко, а для образования существительных со значением деятеля от глаголов дать / давать гораздо чаще выбирается суффикс –тель (причем даже в юридическом языке). Ср.: *арендодатель, наймодатель, залогодатель, наследодатель, ссудодатель, рекламодатель, гарантодатель* и под. Таким образом, корректное декодирование текста в данном случае осложняется использованием словообразовательной модели, не совпадающей с моделью, традиционно используемой в естественном языке для выражения соответствующих значений.

Ср.: *Статья 890. Хранение вещей с обезличением*

*«В случаях, прямо предусмотренных договором хранения, принятые на хранение вещи одного **поклажедателя** могут смешиваться с вещами того же рода и качества других **поклажедателей** (хранение с обезличением). **Поклажедателю** возвращается равное или обусловленное сторонами количество вещей того же рода и качества» (ст. 890, Гражданский кодекс РФ).*

Для рядового носителя языка термин «поклажедатель» обладает абсолютно прозрачной внутренней формой, однако как юридический термин данное слово не сводится к сумме значений входящих в слово морфем. Так, в естественном языке «поклажа» – груз, багаж, который человек может перенести или перевезти с собой (обычно в руках или тележке); кладь [БТСРЯ]; второй корневой элемент (-да-) – от «давать»; суффикс (-тель-) со значением деятеля. Следовательно, буквальное значение слова – «тот, кто дает поклажу (груз, багаж)». Определение значения термина «по форме» не обеспечивает корректного декодирования. Во-первых, как следует из словарной дефиниции, поклажей в естественном языке обычно называются не любые вещи, а 1) предназначенные для перевозки (отсюда наиболее близкие синонимы – груз, багаж), 2) которые человек имеет возможность переносить с собой (ср.: *Чемодан с рюкзаком – вот и вся моя поклажа*); во-вторых, для естественного языка очевидна разница в значении глаголов *дать* (передать из рук в руки; вручить // предоставить что-либо [БТСРЯ]) – *сдать* (передать под чей-либо присмотр [БТСРЯ]), как следствие, разница в сочетаниях *дать поклажу* – *сдать поклажу*. Таким образом, поклажей в общеупотребительном смысле может называться не любая вещь, отданная на хранение (что предполагается в юридическом значении); следовательно, опираясь только на языковую компетенцию и внутреннюю форму лексемы корректно декодировать данный термин невозможно.

В рассматриваемой статье проблемы с точки зрения декодирования может вызывать и термин «обезличение». В естественном языке «обезличить» – лишить отличительных черт, индивидуальных особенностей, присущих каждой отдельной личности, сделать похожим на других; лишить самостоятельности, возможности проявления себя как личности [БТСРЯ]; отсюда «хранение с обезличением» – хранение вещей с лишением их индивидуальных свойств. В тексте закона под хранением с обезличением подразумевается возможность смешивать принятые от разных поклажедателей вещи, если они не обладают индивидуальными свойствами («вещи того же рода и качества»), и возвращать

поклажедателю любую из этих вещей; выдавать ту самую вещь, которая сдавалась на хранение, не обязательно.

Ср.: «Сторона, полагавшаяся на недостоверные заверения контрагента, имеющие для нее существенное значение, наряду с требованием о возмещении убытков или взыскании неустойки также вправе отказаться от договора, если иное не предусмотрено соглашением сторон» (ст. 431.2, Гражданский кодекс РФ).

Префикс *контр-*, входя в состав лексемы, вносит в нее значение противодействия, противопоставления, противоположности тому, что выражено во второй части слова [БТСРЯ]; отсюда *контраргумент* – противопоставляемый довод; *контрразведка* – противодействие разведке противника и под. В лексеме *контрагент* рассматриваемая приставка реализует значение противоположности без осложнения значением противодействия (контрагент – сторона договора по отношению к другой стороне), однако в целом такая интерпретация со знанием противодействия не исключена. Более того, дефиниция, представленная в словаре юридических терминов, в целом допускает такое прочтение: «сторона договора в гражданских правоотношениях, партнер, который *противостоит* другому участнику сделки (*курсив наш*)» [Борисов, 2010].

Таким образом, анализ терминологической лексики, функционирующей в законодательных текстах, регламентирующих взаимодействие неспециалистов, позволяет сделать следующие выводы.

1. На основании прагматических параметров, а именно в зависимости от степени освоенности слова естественным языком, а также степени прозрачности его внутренней формы и словообразовательной мотивированности термины могут быть дифференцированы на изолированные от естественного языка и взаимодействующие с ним.

2. Механизм снижения коммуникативно-прагматического потенциала различен для каждой группы терминов.

3. Снижение коммуникативно-прагматического потенциала юридического термина, взаимодействующего с естественным языком, может быть обусловлено: 1) неразличением адресатом-неспециалистом общеупотребительной и специальной лексической единицы и ориентацией на общеупотребительное значение слова в процессе декодирования текста, что приводит к утрате релевантных для юридического дискурса смыслов; 2) ориентацией на внутреннюю форму и / или словообразовательную структуру единицы, что не обеспечивает корректное декодирование, так как, как правило, значение термина не сводится к сумме значений составляющих его морфем.

4. Проблему декодирования специальных лексических единиц (терминов) специалистом не решает обращение реципиента к специализированным словарям, так как, во-первых, отдельные словарные статьи отражают не все релевантные для юридического дискурса значения, во-вторых, в некоторых случаях статьи представляют собой дублирование текста закона, что, разумеется, не проясняет его содержания.

2.1.1.3. Термины, изолированные от естественного языка:

механизм снижения коммуникативно-прагматического потенциала

Несмотря на то что для обеспечения доступности нормативно-правового акта юридическая техника рекомендует использовать «простую» и «понятную» терминологию, отказ от употребления «сложных» терминов, то есть специальных терминологических единиц, возникших в рамках юридической науки и практически не взаимодействующих с естественным языком, очевидно невозможен. Появление в законах таких терминов обычно воспринимается как отрицательное явление в силу сложности понимания данных единиц специалистом, однако именно такие единицы обращают на себя внимание рядового носителя языка и позволяют идентифицировать их как термины, требующие специальных дефиниций. Это позволяет обнаружить у

изолированных терминов особый механизм функционирования в законодательном тексте.

В материале нашего исследования термины, изолированные от естественного языка, немногочисленны (10%).

Законодательный текст рассматривается нами в качестве гипертекста, обязательными структурными элементами которого являются информационные блоки и средства, обеспечивающие переход от одной информационной единицы к другой, – гиперссылки. Как будет показано ниже (см. об этом п. 3.2), в неэлектронном (печатном) гипертексте (в частности, в юридическом) гиперссылки могут маркироваться не только графически, но и семантически, причем семантически маркированные гиперссылки могут быть неочевидными для адресата: никак визуально не выделяясь внутри текстового фрагмента, они содержат в себе интенцию перехода к иному информационному блоку.

Одним из видов неочевидных гиперссылок являются специальные юридические термины, которые нуждаются в определении через привлечение конкретных законодательных текстов (текстов-объектов ссылок). Критерием квалификации специальных юридических терминов и терминологических сочетаний в качестве гиперссылок является то, что они являются ключевыми понятиями либо данного закона, либо другого законодательного текста и структурно выделены в тексте (каждый такой термин являет собой заголовок соответствующего раздела законодательного текста, однако может быть включен в главу «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе» или вынесен в преамбулу, а также определяться через ряд статей, конкретизирующих данное понятие или выделяющих его существенные признаки). Подробно вопросы функционирования терминов-гиперссылок описываются нами в соответствующем разделе.

Используемые в законах изолированные от естественного языка термины, на наш взгляд, функционируют в качестве гиперссылок. Таким образом, механизм снижения данными элементами коммуникативно-прагматического потенциала текста заключается не только (и не столько) в самом факте их

неизвестности адресату, но также и в том, что, являясь сигналом о необходимости обращения к иному текстовому фрагменту, они, во-первых, недостаточно ясно репрезентируют эту интенцию перехода, во-вторых, не содержат более или менее точного указания на текст, содержащий дефиницию, релевантную для конкретной ситуации. Другими словами, реципиент, с одной стороны, может вообще не воспринимать такой термин как гиперссылку, а с другой – обращаться не к тому текстовому фрагменту и даже не к тому источнику, который предполагался адресантом.

Важно отметить, что в нашем материале термины, изолированные от естественного языка редки, однако нельзя говорить и о том, что рассматриваемые тексты лишены подобных элементов: *оферта, акцент, контрактация, секвестр, сервитут, коносамент (Гражданский кодекс РФ) и др.*

Ср.: *«Акцентом признается ответ лица, которому адресована оферта, о ее принятии» (ст. 438, Гражданский кодекс РФ);*

«По договору контрактации производитель сельскохозяйственной продукции обязуется передать выращенную (произведенную) им сельскохозяйственную продукцию заготовителю – лицу, осуществляющему закупки такой продукции для переработки или продажи» (ст. 535, Гражданский кодекс РФ);

«При заключении договора аренды арендодатель обязан предупредить арендатора о всех правах третьих лиц на сдаваемое в аренду имущество (сервитуте, праве залога и т.п.)» (ст. 613, Гражданский кодекс РФ);

«Заключение договора перевозки груза подтверждается составлением и выдачей отправителю груза транспортной накладной (коносамента или иного документа на груз, предусмотренного соответствующим транспортным уставом или кодексом) (ст. 785, Гражданский кодекс РФ) и др.

Внутри данной группы терминологических единиц с прагматической точки зрения необходимо выделять особую подгруппу терминов, изолированных от естественного языка, но так или иначе знакомых адресату в

силу частоты их употребления в неюридических текстах: *пеня, ссуда, рента, подряд, кредит, ломбард* и т.д. В силу частоты употребления таких слов в естественном языке большинство носителей знакомы с их значением, при этом подчеркнем, что знакомы именно с терминологическим (специальным) значением. Фактически в отношении подобных терминологических единиц имеет смысл говорить о знакомстве большого числа реципиентов с данными единицами как со *специальным понятием*, поскольку такие термины в языке используются в основном в официальных контекстах и практически не проникают в другие дискурсы. Мы полагаем, что именно термины, нередко встречающиеся в определенных контекстах естественного языка, в меньшей степени обуславливают некорректное декодирование. Тем более, что в результате сравнения словарных статей в толковом и специализированных словарях юридических терминов обнаружилось значительное сходство предложенных дефиниций, хотя о полном совпадении говорить нельзя.

Ср.: 1. *Ссуда* – заем, предоставленный какой-л. организации или отдельному лицу [БТСРЯ] / *Ссуда* – в соответствии со ст. 689 Гражданского кодекса РФ – вещь (имущество), передаваемая в безвозмездное пользование (см. договор безвозмездного пользования) [Борисов, 2010].

2. *Пеня* – штраф за невыполнение или просрочку принятых по договору или установленных законом обязательств; вид неустойки [БТСРЯ] / *Пеня* – вид неустойки; санкция за неисполнение договорных обязательств, которая исчисляется за каждый день просрочки в процентах к подлежащей оплате сумме [Борисов, 2010].

Таким образом, термины, изолированные от естественного языка, в силу их отсутствия в обыденной речевой практике целесообразно рассматривать как гиперссылки, т.е. как языковые единицы (в данном случае лексемы), для декодирования и интерпретации которых требуется обращение к соответствующим специальным источникам (например, словарям), при этом выбор источника дефиниции недопустим. Механизм снижения коммуникативно-прагматического потенциала данных терминов обусловлен

отсутствием их графического выделения, а также прямого указания на конкретный адрес текста-объекта, в результате чего реципиент-неспециалист может вообще не «активировать» ссылку (т.е. оставаться в рамках одного текстового блока, не покидая его пределов) или обращаться к нерелевантному тексту для их раскрытия.

2.1.2. Семантически неопределенные лексемы и оценочные понятия в законодательном тексте

Как было отмечено ранее, одной из базовых стилевых черт законодательного текста является безэмоциональность [Кожина, 2008, с. 327]. Однако в законодательных текстах можно обнаружить целый ряд семантически неопределенных лексем и оценочных понятий, которые являются одной из причин вариативного толкования текстов.

Вопрос о необходимости включения оценочных понятий в юридический (законодательный) текст неоднократно поднимался в литературе [Коробец, 2007; Беляева, 2013; Лысенко, 2015; Бурцева, 2023 и др.].

При этом важно отметить, что хотя категория оценки и, соответственно, способы ее выражения в юриспруденции и лингвистике понимаются по-разному, и в юридических, и в лингвистических работах, посвященных изучению оценочных средств в юридических (законодательных) текстах, точкой отсчета является правовое понимание оценки. В юридическом дискурсе оценочная оппозиция «хорошо /плохо» соответствует правовой оппозиции «нормативно/ ненормативно», в которой полюс «нормативно», соответственно, оценивается как «хорошо», а «ненормативно» – как «плохо». Таким образом, даже безоценочные лексемы, становясь частью юридического дискурса, приобретают положительную или отрицательную оценку, поэтому можно сказать, что их оценка дискурсивно задана [Косова, 2016, с. 165; Батюшкина, 2019, с. 65]. Правовые понятия, которые относятся юристами к оценочным, могут носить аксиологический (ср.: *добросовестность*), неаксиологический или

смешанный (ср. *разумный срок*) характер [Миролевич, 2006]. При этом не каждое понятие, названное в юриспруденции оценочным, может относиться к таковому с точки зрения лингвистики, так как они нередко репрезентируются лексемами, которые не содержат оценочных компонентов в семантике. Ср.: «*необходимая оборона*», «*обычный способ*», «*явно несоразмерные последствия*» и др. Это позволяет говорить о том, что в правовых текстах нет строгой лингвистической дифференциации терминов «оценочные понятия» и «семантически неопределенные лексемы». Исходя из этого мы будем использовать оба термина для обозначения лексики с отсутствием четко заданных границ интерпретационного пространства.

Важно также отметить, что и в юридических, и в лингвистических исследованиях проблемы интерпретации оценочных понятий рассматриваются либо с позиции адресанта-законодателя, либо юриста-правоприменителя, т.е. фактор двойной адресации законодательного текста, как правило, не учитывается. Однако в рассматриваемых нами законодательных текстах, где предполагается урегулирование проблемных ситуаций без непосредственного участия специалиста-юриста, проблема интерпретации таких понятий адресатом-неспециалистом является ключевой. Как известно, возможность множественности интерпретаций является универсальным свойством языка, поэтому логично предположить, что понимание оценочных понятий носителями обыденной картины мира практически неизбежно приведет к конфликту интерпретаций.

Исследование проблем интерпретации оценочных понятий в праве проводилось нами на материале II и III глав ФЗ «О защите прав потребителей» в связи с тем, что данные главы регулируют ситуации, решение которых может происходить без непосредственного участия специалиста-юриста. Более того, законодательством даже предусмотрена ответственность продавца (исполнителя) за неудовлетворение требований потребителя в добровольном порядке, то есть без посредничества судебного органа. Таким образом,

подразумевается, что соответствующие нормы могут быть интерпретированы непосредственно носителями обыденного сознания.

В рамках настоящей работы анализу подверглись 24 текста (по количеству статей внутри глав), из которых были выделены контексты с семантически неопределенными лексемами и оценочными понятиями: *соразмерное уменьшение покупной цены / соответствующее уменьшение цены / недостатки должны быть устранены незамедлительно / незамедлительно сообщить о поступлении товара в продажу / минимальный срок / объективно необходимый срок / обычно применяемый способ / товар ненадлежащего качества / недостаток товара / существенный недостаток товара (работы) / существенные отступления от условий договора/ существенное возрастание стоимости материалов / существенное превышение приблизительной сметы / непреодолимая сила / разумный срок / разумная цена / сохранен товарный вид / предупредить своевременно / правильное использование материала / непригодность или недоброкачественность материала / однородный материал того же /аналогичного/ качества / аналогичный товар / невозможно обнаружить недостатки при принятии выполненной работы / станет очевидным, что недостатки не будут устранены в срок.*

На основании семантического компонента, который в лексеме четко не определен, оценочные понятия II и III глав ФЗ «О защите прав потребителей» можно объединить в следующие группы:

1) срок: *незамедлительно, своевременно, разумный (срок), минимальный (срок);*

2) степень: *соразмерное, соответствующее (уменьшение), существенный, разумная (цена);*

3) образ действия: *обычно применяемый способ, правильное использование;*

4) модальность: *невозможно обнаружить недостатки, станет очевидным, объективно необходимый;*

5) тождественность: *однородный материал, такое же качество, аналогичное качество;*

б) *качественность: товарный вид, ненадлежащее качество, непригодность материала, недоброкачественность материала.*

Очевидно, что перечисленные семантические компоненты являются ключевыми элементами текстов, в рамках которых они используются.

Различие в интерпретации таких понятий в юридической и обыденной картинах мира можно проиллюстрировать на примере оценочного понятия *товарный вид*, которое представлено в ФЗ «О защите прав потребителей»:

*Ср.: «Обмен недовольственного товара надлежащего качества проводится, если указанный товар не был в употреблении, сохранены его **товарный вид**, потребительские свойства, пломбы, фабричные ярлыки, а также имеется товарный чек или кассовый чек либо иной подтверждающий оплату указанного товара документ» (ст. 25, ФЗ «О защите прав потребителей»).*

Анализ законодательных текстов позволяет обнаружить главную оппозицию внутри компонентов значений: *нетронутый / пригодный к продаже*. Отдельные комментарии по поводу содержания понятия фиксируются в различных судебных решениях. Так, в частности, в Определении Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 06.12.2022 №88-25188/2022 отмечается: «... обязательным требованием для реализации потребителем своего права на обмен недовольственного товара надлежащего качества, является сохранение его товарного вида и потребительских свойств. По сути, данное требование означает тождественность приобретенного товара его новому аналогу, не имеющему внешних повреждений». В Определении Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 22.11.2021 №88-19748/2021 дана ссылка на заключение судебной товароведческой экспертизы, в котором указывается следующее: «... сохранение товарного вида изделия означает, что его можно повторно выставить в продажу как новое». Проведенный нами обзор судебных решений, доступных для ознакомления на интернет-ресурсе

Судебных и нормативных актов РФ [<https://sudact.ru>], подтверждает высказанное нами ранее предположение о том, что большое количество спорных ситуаций связано с разным пониманием товарного вида, однако в основании спора чаще всего лежит не обозначенная нами ранее оппозиция *нетронутый / пригодный к продаже*, а противопоставление *пригодный к продаже / пригодный к использованию*. Действительно, данная оппозиция наиболее точно репрезентирует картину мира продавца, в интересах которого находится реализация товара, и покупателя, приобретающего вещь для конкретных целей, то есть для определенного применения. Отсутствие четкого определения понятия «товарный вид» приводит к его разному толкованию не только участниками правоотношений, но и судом, так как в решениях отмечается возможная вариативность данного понятия (наличие / отсутствие упаковки как составляющей товарного вида, работа механизма и др. не только внешние, доступные визуальной оценке признаки). Рассмотренные судебные решения позволяют говорить о том, что разная интерпретация данного понятия может наблюдаться и среди специалистов-юристов.

Для адресата-неспециалиста в понятие *товарного вида* могут включаться самые разные параметры – от собственно внешнего вида товара до сохранности его упаковки. Интерпретация оценочных правовых понятий напрямую связана с особенностями восприятия каждой лексемы отдельной языковой личностью и с последующей оценкой определенного положения дел как соответствующего / не соответствующего объему этой оценки, а также с глубиной и объемом имеющихся у интерпретатора фоновых знаний. Так, на основании текстовых примеров, представленных в Национальном корпусе русского языка (далее – НКРЯ), можно выделить следующие смыслы, которые актуализируются данной лексической единицей в сознании носителя языка: 1) *нетронутый*; 2) *пригодный к продаже*; 3) *привлекательный*; 4) *первоначальный вид (исходный)*; 5) *аккуратный, опрятный, приличный вид (в отношении к вещи)*; 6) *приятный глазу, аккуратный (в отношении к внешности)* и др. Разумеется, данный перечень не является исчерпывающим, однако он позволяет наглядно

представить количество значений, которые могут актуализироваться в сознании реципиента понятием «товарный вид» и по аналогии использоваться применительно и к конкретной правовой ситуации.

Особенности интерпретации текстов, содержащих семантически неопределенные лексемы и оценочные понятия, можно обнаружить путем экспериментального исследования.

2.1.2.1 Декодирование оценочных понятий в законодательном тексте (экспериментальное исследование)

Описание методики исследования

Цель настоящего экспериментального исследования – проверить возможность неоднозначного декодирования конструкций с семантически неопределенными лексемами и оценочными понятиями в законодательных текстах.

В эксперименте приняли участие 50 испытуемых в возрасте от 18–50 лет, при этом подавляющее большинство респондентов (80%) отмечены возрастным промежутком в 18–25 лет. Опрашиваемыми преимущественно являлись студенты 1–3 курсов гуманитарных (филология, журналистика, история) направлений. Специалисты-филологи и специалисты-юристы в эксперименте участия не принимали.

Задания, предложенные респондентам, были сгруппированы в 2 раздела: на первом этапе требовалось подобрать как можно больше любых (литературных, нелитературных, просторечных, неблагозвучных и т. д.) синонимов к словам *незамедлительно*, *минимальный срок*, *разумный срок*, что позволяло определить значение данных лексем в сознании носителя языка вне конкретного контекста; на втором этапе испытуемым были представлены фрагменты статей, в которых использовались данные оценочные понятия. Второй раздел задавал дискурсивные рамки для интерпретации слов, которые ранее уже были осмыслены респондентом. Задание звучало следующим

образом. *Объясните, как вы понимаете выделенные выражения в рамках приведенных контекстов. Пожалуйста, не используйте в ваших объяснениях подчеркнутые слова. Постарайтесь максимально точно и подробно описать ваше понимание ситуации.* Поскольку тексты в некоторых случаях были достаточно объемными и содержащими несколько микротем, жирным шрифтом выделялись фрагменты, непосредственно содержащие оценочные понятия, так как для достижения целей настоящего эксперимента было необходимо оценить степень понимания собственно оценочного контекста. При этом оценочные лексемы подчеркивались (в рамках ответа их просили заменять) для того, чтобы предотвратить появление реакций, где данная лексема сохранялась, так как она не позволила бы судить о корректности декодирования текста реципиентом.

Анализ полученных данных

«Незамедлительно»

На первом этапе проведенного нами эксперимента респонденты должны были подобрать как можно большее количество синонимов к лексеме «незамедлительно». Среди наиболее частотных реакций отмечаем следующие: *быстро; сейчас / сейчас же / прямо сейчас; немедленно; срочно; сразу / сразу же; мгновенно; скоро; тотчас / тотчас же; тут же; сиюминутно; как можно быстрее / скорее / раньше.* Полный перечень реакций представлен в таблице (см. Таблицу).

Таблица – Реакции, полученные на слова-стимулы

Слово	Реакция		Количество реакций	Количество реакций, в которых это слово дано первым
Незамедлительно (165 реакций)	Быстро		25	19
	Сейчас	Сейчас	6	3
		Сейчас же	8	2
		Прямо сейчас	4	1
	Немедленно		12	3

	Срочно	11	4	
	Сразу	сразу	6	3
		Сразу же	2	0
	Мгновенно	7	1	
	Скоро	7	1	
	Тотчас	Тотчас	3	0
		Тотчас же	2	2
	Тут же	5	1	
	Сиюминутно	5	0	
	Как можно быстрее / скорее / раньше	5	0	
	Сию же секунду	5	0	
	Моментально	4	1	
	Бегом	4	0	
	Безотлагательно	4	0	
	Быром / по-бырому	4	0	
	Немедля	3	0	
	Оперативно	3	0	
	Молниеносно	2	0	
	Стремительно	2	0	
	Шустро / Шустрее	2	0	
	Реще	2	0	
	Без промедлений	2	0	
	<u>Реакции, встретившиеся один раз</u>			
		1	0	
	В скором времени			
	Наискорейшим /наибыстрейшим образом	1	0	
	Враз	1	0	
	Скоропостижно	1	0	
	Напрямик	1	0	
	В ближайшее время	1		
	Шибко	1	0	
Прытко	1	0		
Активней	1	0		
Пулей	1	0		
Мухой	1	0		
В это же время	1	0		
В кратчайший срок	1	0		
Без малейшей задержки	1	0		
Минимальный срок (67)				
	Наименьший	11	10	
	Краткий / короткий	12	6	
	небольшой	8	2	

	Кратчайший / наиболее краткий	7	5
	Незначительный	2	0
	мизерный	2	0
	Ограниченный	1	1
	необходимый	1	0
	Предельный	1	0
разумный срок (93 реакции)			
	Приемлемый	9	5
	Адекватный	7	4
	Соответствующий	6	4
	Подходящий	5	2
	Нормальный (в пределах нормы)	5	2
	Оптимальный	4	2
	Реальный	4	1
	справедливый	3	3
	Большой	3	2
	Правильный	3	2
	Осмысленный / обдуманный	3	1
	Рациональный	3	1
	Целесообразный	3	1
	Честный	3	0
	Возможный	2	1
	Резонный	2	1
	Определенный	2	1
	Удовлетворительный	2	0
	Заслуженный	2	0
	Логично обоснованный	1	0
	Продуманный	1	1
	Не с потолка взятый	1	0
	Терпимый	1	0
	Закономерный	1	1
	Подъемный	1	0
	Умеренный	1	0
	По УК	1	1
	Отрегулированный	1	0
	Удобоваримый	1	0
	Какой-либо	1	1
	устраивающий	1	0
	Допустимый	1	1
	Верный	1	0
	Обычный	1	1
	Вменяемый	1	1

В полученных реакциях преобладают лексемы с общим значением «в тот же момент» (*сейчас, сразу, тотчас, мгновенно, сиюминутно* и др.), при этом скорость совершения действия может подчеркиваться добавлением частиц (*сейчас же, тут же, сразу же, прямо сейчас*). Отмечены также реакции, содержащие указание на определенный период совершения действия (*незамедлительно* = в течение максимально короткого отрезка времени): *быстро, как можно быстрее* и др. При этом один и тот же респондент мог предлагать синонимы из обеих групп значений. Это свидетельствует о том, что выбор интерпретации обуславливается конкретным контекстом и реальной ситуацией.

На втором этапе эксперимента испытуемым предлагалось проанализировать фрагмент статьи, содержащей семантически неопределенную лексему «незамедлительно»: *«Если срок устранения недостатков товара не определен в письменной форме соглашением сторон, **эти недостатки должны быть устранены изготовителем (продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером) незамедлительно, то есть в минимальный срок, объективно необходимый для их устранения с учетом обычно применяемого способа**»*. Подчеркнем, что в тексте сразу после данной лексики следует пояснение, которое ограничивает границы интерпретационного пространства. Фактически в статье ставится знак равенства между понятиями «незамедлительно» и «минимальный срок», однако сравнение реакций, полученных на сочетание «*минимальный срок*» и «*незамедлительно*», свидетельствуют о том, что в сознании реципиентов данные лексемы хоть и близки, но все-таки не идентичны (см. Таблицу 1).

В рамках выделенного фрагмента текста нами были определены 3 компонента содержания, которые свидетельствовали бы о верном понимании сообщения: 1) изготовитель устраняет недостатки в самый короткий срок; 2) данный срок действительно необходим для устранения этих недостатков; 3) если устранять недостатки традиционным способом.

Доля реакций, в которых были отражены все три компонента сообщения – 34,04%.

Отражен только компонент №1 – 19,15%.

Отражены компоненты №1 и №2 – 4,26%.

Отражены компоненты №1 и №3 – 8,51%.

Доля реакций с иным типом искажения смысла сообщения (в том числе с указанием конкретного срока) – 25,53%.

Отказы – 8,51%.

Таким образом, общая доля реакций, так или иначе искажающих первоначальный смысл сообщения (без учета отказов), составляет 57,45%.

Обратим внимание, что наиболее сильно смысл текста трансформируется:

а) в реакциях, в которых отражается только компонент № 1: *недостатки должны быть устранены изготовителем в кратчайший срок, насколько это возможно / должна быть выполнена как можно скорее / изготовитель обязан исправить недостатки в самые быстрые сроки и др.*; б) в реакциях, где испытуемый указывает конкретный срок: *если четкий срок устранения недостатков товара не установлен в письменной форме, то изготовитель должен исправить все погрешности в течение пяти дней / Изготовитель обязан устранить недостатки в течении сорока пяти дней, если срок устранения недостатков товара не определен в письменной форме и др.*; в) в реакциях с грубыми нарушениями первоначального смысла сообщения: *испорченный(бракованный) товар подлежит замене со стороны продавца, если в договоре не прописаны условия и срок замены брака, испорченного товара / исправить товар должен изготовитель быстро, как можно раньше, в самые короткие сроки независимо от субъективных обстоятельств, мешающих устранить недостатки в короткие сроки.*

Отметим, что в ряде некорректных интерпретаций встречалось указание на срок устранения недостатков, равный либо 5, либо 45 дням. Учитывая, что в текст закона числительное «сорок пять» введено в буквенном, а не в цифровом варианте, логично предположить, что реципиенты декодировали слово «сорок»

как «срок» в связи с тем, что ранее в этом тексте лексема «срок» была употреблена 3 раза.

Итак, если не учитывать реакции, отражающие несколько компонентов (так как за счет второго компонента «незамедлительность» срока все же ограничивается), а также реакции со значительными искажениями смысла (так как искажения могут быть обусловлены не только неверной интерпретацией оценочного понятия, но и другими факторами), то доля реакций, в рамках которых респондент воспринимает лексему «незамедлительно» в значении «в тот же момент» даже с учетом последующего контекста, составляет 19,15 %.

«Разумный срок» / «Недостатки работы (услуги) должны быть устранены исполнителем в разумный срок, назначенный потребителем».

В словарях для прилагательного «разумный» в интересующем нас значении предлагается следующее толкование: основанный на разуме, оправдываемый здравым смыслом [БТСРЯ]. Это же значение репрезентируется и в реакциях испытуемых: *приемлемый, адекватный, соответствующий, подходящий, нормальный (в пределах нормы), оптимальный, реальный и др.* (см. Таблицу 1).

Однако результаты интерпретаций фрагментов статей закона, содержащих данное понятие, демонстрируют смещение смысловых акцентов: требование разумности срока может игнорироваться в пользу любых (или кратчайших) сроков, назначенных потребителем. Вероятно, такие трансформации связаны с тем, что в тексте за семантически неопределенным понятием следует определительная конструкция, которая и воспринимается в качестве основной характеристики неуточненного срока.

В рассматриваемом фрагменте нами выделены следующие компоненты содержания: 1) у работы есть недостатки; 2) недостатки должны быть устранены исполнителем; 3) потребитель устанавливает срок; 4) срок должен быть реальным.

Доля реакций, отражающих все компоненты содержания – 17,02%.

Отражены компоненты № 1-3 (*устранены в срок, назначенный потребителем*) – 23,4%

Отражены компоненты № 1, 2, 4 (*устранены в реальный срок*) – 10,64%.

Реакции, в которых «разумный» = «кратчайший» (*устранены в кратчайший срок*), – 4,26%.

Реакции с грубым искажением смысла – 14,89%.

Реакции, представленные в виде одного слова-синонима, не позволяющие судить о реальной степени понимания текста, – 14,89%.

Отказы – 14,89%.

Таким образом, преобладают реакции, в которых игнорируется понятие разумного срока и делается акцент на сроке, установленном потребителем: *недостатки работы (услуги) устраняются в срок, установленный потребителем / дефекты товара или услуги исполнитель обязан устранить в течение срока, назначенного потребителем / если услуга или работа имеет какие-либо ошибки и недостатки, то исполнитель должен исправить их в тот срок, который поставил потребитель* и др. При этом подчеркнем, что в ряде реакций на сочетание-стимул «разумный срок» респонденты верно отражали сущность данного понятия, в то время как в конкретном контексте значения лексемы игнорировались ими в пользу определительной конструкции. Другими словами, респондент в качестве синонимов к понятию предлагал лексемы «адекватный», «приемлемый», «подходящий» и под., однако в реакциях на фрагмент статьи семантический компонент «разумности» мог игнорироваться, срок приравнивался им к сроку, назначенному потребителем.

Подобное вышеописанному явлению наблюдалось и во втором контексте, связанном с рассматриваемым понятием: *«В отношении товаров, на которые гарантийные сроки или сроки годности не установлены, потребитель вправе предъявить указанные требования, если недостатки товаров обнаружены в **разумный срок**, но в пределах двух лет со дня передачи их потребителю, если более длительные сроки не установлены законом или договором»*. В ответах

испытуемых заметно преобладали реакции, в которых срок предъявления требований приравнивался к 2 годам.

Доля реакций, отражающих все компоненты исходного текста, – 10,64%.

Реакции, в которых срок приравнен к 2 годам (*если недостатки обнаружены в течение 2 лет*), – 25,53%.

Реакции, в которых срок приравнен к гарантийному (*можно вернуть товар в течение гарантийного срока*), – 6,38%.

Реакции, в которых установлен срок, не названный в настоящем тексте (напр., *в течение полугода*), – 2,13%.

Реакции, в которых прилагательное «разумный» заменено синонимом, – 42,55%.

Иные искажения – 4,26%.

Отказы – 6,38%.

Наблюдаем значительное увеличение реакций, в которых прилагательное заменяется каким-либо синонимом, причем используются синонимы, которые на первом этапе эксперимента не фиксировались (соответственно, отсутствуют в Таблице 1) – *ограниченный, установленный, точный, указанный*. Подобные лексемы примечательны тем, что в их семантике содержится указание на наличие некоторого субъекта, которому принадлежат полномочия по определению / установлению конкретных сроков: *ограниченный* или *установленный кем-то / указанный где-то кем-то / точный* = соответствующий указанному кем-то и т.д.

Из синонимов, употребление которых отмечалось на первом этапе, также выбирались единицы, указывающие на наличие установленной кем-либо нормы – *определенный, допустимый*. Такие замены могут свидетельствовать о том, что реципиент не допускает факта отсутствия в законодательстве четко обозначенных сроков и их определения с опорой на здравый смысл. Отметим также, что респондентами были использованы и синонимы *адекватный, приемлемый, целесообразный*, которые в целом соответствуют содержанию текста. Однако если реакция была представлена в виде одного синонима или

демонстрировала понимание только фрагмента содержания статьи (напр., «если обнаружены в адекватный срок»), то в число «верных» она не включалась, так как по ней не представлялось возможным судить о понимании сообщения в целом.

Обратим также внимание на следующее: для текста 2 доля реакций, в которых «реальный» срок воспринимается как короткий или выгодный одной из сторон (потребителю), составляет 27,66%, в то время как для текста 3 подобных реакций не получено, что, вероятно, обусловлено эгоцентричной интерпретацией сообщения, так как в первом случае потребителю (с которым, скорее всего, себя ассоциирует респондент) выгодно сокращение сроков, в то время как для ситуации, описанной во втором тексте, желательно увеличение этих сроков. Это еще раз подтверждает факт субъективной интерпретации оценочной лексики.

Кроме того, наблюдается следующая особенность интерпретации контекстов с семантически неопределенными лексемами: если в тексте встречаются какие-либо точные данные (например, указания на конкретные сроки или сроки, названные лексемой с четко очерченным значением (*гарантийный срок*)) или употребляются пояснительные или определительные конструкции, то значительно вырастает доля реакций, в которых игнорируется значение семантически неопределенной лексемы, а приоритет в процессе декодирования отдается всем точным данным, что неизбежно ведет к неправильному пониманию текста. С другой стороны, если в сообщении содержатся пояснения (ср. текст с «незамедлительно»), но в этих пояснениях отсутствует четкая и конкретная информация (напр., комментарий дается с использованием других семантически неопределенных лексем), то интерпретационная нагрузка ложится на само оценочное понятие, которое, разумеется, может быть по-разному понято носителями языка. Важно также отметить, что в рамках эксперимента каждый реципиент знакомился с содержанием статьи без соотнесения ее с конкретной правовой ситуацией, что, вероятно, позволяло интерпретировать оценочные лексемы более нейтрально.

Можно предположить, что в реальной ситуации в интерпретации этих же текстов будет иметь место эгоцентризм, а следовательно, увеличится доля реакций, где сроки исполнения требований сократятся или увеличатся в пользу интерпретатора. Кроме того, в ответах части испытуемых эгоцентризм отмечается уже на уровне экспериментального исследования: *недостатки устранить тут же / в срок, который укажет потребитель и т. п.*

Выводы

Анализ результатов проведенного эксперимента позволяет сделать следующие выводы:

1) для всех рассмотренных контекстов доля реакций, так или иначе искажающих содержание исходного текста или отражающих не все его смысловые компоненты, выше, чем реакций с верной интерпретацией;

2) семантически неопределенные лексемы понимаются неоднозначно, имеет место смещение акцентов в сторону субъективной интерпретации;

3) неоднозначное декодирование контекстов наблюдается вне зависимости от возраста реципиента;

4) в контекстах, где оценочное понятие употреблено с какими-либо конкретизаторами, семантика оценочной лексемы может игнорироваться в пользу семантически определенных единиц.

Таким образом, семантически неопределенные лексемы и оценочные понятия представляют собой лексику с отсутствием четко заданных границ интерпретационного пространства и являются одной из причин вариативного толкования законодательных текстов, а как следствие, снижения его коммуникативно-прагматического потенциала при декодировании адресатом-неспециалистом. При всем удобстве оценочных понятий с точки зрения законодателя и правоприменителя, данные лексемы делают единообразное понимание текста рядовыми носителями языка практически невозможным.

2.1.3. Синтагмы с несвойственной естественному языку сочетаемостью

Использование естественного языка в качестве инструмента создания и фиксации юридических норм неизбежно приводит не только к осложнению семантики отдельных лексем, но и, как следствие, к изменениям сочетаемостных свойств лексических единиц. Сочетаемость традиционно понимается как «свойство языковых единиц сочетаться при образовании единиц более высокого уровня, как одно из фундаментальных свойств языковых единиц, отражающее синтагматические отношения между ними» [Яшина, 2011, с. 70]. Синтагматические отношения – предельно широкий тип отношений в языке, свойственный всем языковым единицам. На лексическом уровне синтагматические отношения проявляются в «правилах сочетаемости слов, в их связях с партнерами по контексту в рамках конкретных высказываний» [Влавацкая, 2009, с. 30.], в связи с чем лексическая синтагматика может рассматриваться как синоним лексической сочетаемости. «Развертывание семантики слова происходит в синтагмах, фактор, который можно интерпретировать как основное системное свойство слова-лексем; при этом лексическая сочетаемость является одновременно и формой выражения нового смысла, и непременным системным условием манифестации лексического значения конкретных единиц» [Уфимцева, 1986, с. 9].

Несмотря на то что специфичные сочетания, встречающиеся в юридических текстах, обычно грамматически и логически правильны, с семантической точки зрения они объединяют лексические единицы, которые в естественном языке не употребляются в рамках одной синтагмы, а как известно, сообщение может быть корректно декодировано только в том случае, если адресату, во-первых, знакомы и понятны номинативные единицы, составляющие текст, во-вторых, если данные единицы соединены в комплексы (синтагмы) по правилам, известным адресату. Кроме того, контекст, в котором оказывается та или иная лексическая единица, должен актуализировать ее

значение, нейтрализуя другие значения полисемичных слов, а также исключая возможную омонимию и под. Фактически эти задачи следует относить к функциям сочетаемости: «... именно сочетаемость слов создает определенную языковую среду, называемую контекстом» [Влавацкая, 2012, с. 177]. По отношению к рядовому носителю языка в примерах, приведенных далее, контекст не реализует возложенные на него функции по преодолению некорректных интерпретаций.

Ср.: *«Товар не признается готовым к передаче, если он не идентифицирован для целей договора путем маркировки или иным образом»* (ст. 458, Гражданский кодекс РФ);

«Сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, ничтожна, если из закона не следует, что такая сделка оспорима или должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки» (ст. 168, Гражданский кодекс РФ);

«Риск случайной гибели или случайного повреждения товара, проданного во время его нахождения в пути, переходит на покупателя ...» (ст. 459, Гражданский кодекс РФ);

«Поклажедателю возвращается равное или обусловленное сторонами количество вещей того же рода и качества» (ст. 890, Гражданский кодекс РФ);

«Лицо, объявившее публично о выплате денежного вознаграждения или выдаче иной награды (о выплате награды) <...> должно выплатить (выдать) обусловленную награду ...» (ст. 1055, Гражданский кодекс РФ);

«Договор считается заключенным, если между сторонами, в требуемой в подлежащих случаях форме, достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора» (ст. 432, Гражданский кодекс РФ);

«Сопоручитель, исполнивший обязательство, имеет право потребовать от других лиц, предоставивших обеспечение основного обязательства совместно с ним, возмещения уплаченного пропорционально их участию в обеспечении основного обязательства» (ст. 363, Гражданский кодекс РФ);

«...покупатель вправе приобрести непоставленные товары у других лиц с отнесением на поставщика всех необходимых и разумных расходов на их приобретение» (ст. 520, Гражданский кодекс РФ);

«Абонент обязан вносить платежи или предоставлять иное исполнение по абонентскому договору независимо от того, было ли затребовано им соответствующее исполнение от исполнителя, если иное не предусмотрено законом или договором» (ст. 429.4, Гражданский кодекс РФ);

«Характеристики квалификации, которые содержатся в профессиональных стандартах и обязательность применения которых не установлена в соответствии с частью первой настоящей статьи, применяются работодателями в качестве основы для определения требований к квалификации работников <...>» (ст. 195.3, Трудовой кодекс РФ) и др.

Для соблюдения требования точности изложения, являющегося одним из основных для юридического текста, необходимо постоянное использование терминологических единиц, актуализирующих в сознании адресата специальную информацию, релевантную для данного текста. По этой же причине в деловых текстах возможности синонимической замены крайне ограничены, так как даже минимальное искажение смысла для данной сферы коммуникации недопустимо. В связи с этим законодатель вынужден использовать конструкции, сочетаемость которых друг с другом затруднена.

Рассмотрим более подробно некоторые примеры.

Ср.: *«Товар не признается готовым к передаче, если он не идентифицирован для целей договора путем маркировки или иным образом» (ст. 458, Гражданский кодекс РФ).*

Понятие «идентификация» в данном контексте обозначает обязательность наличия у товара каких-либо опознавательных знаков (маркировки, различного рода информационных этикеток и др., подтверждающих соответствие товара существующим требованиям, информирующих о характеристиках и свойствах товара, упаковки и т. д.). Следует отметить, что единого определения для понятия «идентификация товара» не выработано. В диссертации С. А. Вилковой предлагается следующая дефиниция: *идентификация продукции (товаров)* – «деятельность по установлению соответствия конкретного товара образцу, информации в товаросопроводительных документах, нормативным и техническим требованиям, а также принадлежности к группе однородных товаров» [Вилкова, 2004, с. 17]. Таким образом, в основе данного юридического термина лежит то же понимание слова, что и в естественном языке (процесс установления тождества, совпадения с чем-либо), однако в юридическом значении лексема приобретает дополнительные смыслы. Поскольку цели договора – это «предполагаемые заинтересованной стороной на момент заключения договора способы использования тех благ, которые она получает в результате исполнения ее контрагентом договора» [Петрова, 2017, с. 83], то данный фрагмент законодательного текста следует понимать следующим образом: если на товаре отсутствуют какие-либо опознавательные знаки, позволяющие установить, что он действительно является предметом данного договора и может быть использован для удовлетворения указанных в договоре потребностей, то такой товар не признается готовым к передаче. Следует отметить, что извлечение этой информации из законодательной формулировки без обращения к дополнительным источникам затруднено.

Сочетание «идентифицирован для целей» нестандартно еще и потому, что у предлога *для* в данном контексте появляются значения тождества (не идентифицирован для целей = не установлен в качестве тождественного (соответствующего) целям), в то время как в естественном языке таких значений за этой предложной единицей не закреплено.

Ср.: «Сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, ничтожна, если из закона не следует, что такая сделка оспорима или должны **применяться** другие **последствия нарушения**, не связанные с недействительностью сделки» (ст.168, Гражданский кодекс РФ).

Внутри данного фрагмента текста можно выделить сочетание «применить последствия нарушения», связь компонентов которого для естественного языка не типична.

Последствия, согласно толковому словарю, – это «результаты, следствия чего-л., обычно отрицательные, неприятные, нежелательные» [БТСРЯ]. Таким образом, последствия возникают как результат, итог каких-либо ситуаций, процессов, явлений, и соответственно, их невозможно применить. Традиционно данная лексема используется в следующих сочетаниях: *последствия наступили, последствия возникли, что-либо имело последствия, что-либо привело к последствиям и. т. п.*

Причиной появления подобного сочетания является необходимость использования нескольких терминологических единиц, недоступных синонимической замене, в рамках одного контекста. Попробуем далее описать логику законодателя (адресанта).

Термин «недействительность сделки» первоначально употребляется с существительным «последствия» для обозначения результатов признания сделок недействительными (ср. название 167 ст. ГК РФ: *Общие положения о последствиях недействительности сделки*). В данном случае наблюдаем абсолютно типичную и удобную для восприятия сочетаемость лексем, которая затем приводит к появлению нового, более сложного и громоздкого понятия – «последствия недействительности сделки». Это понятие, в свою очередь, начинает входить в качестве составного неделимого элемента в более сложные конструкции, в результате чего в одном из контекстов и сталкивается с лексемой «применить» (за которой также стоят особые юридические смыслы),

создавая, таким образом, нестандартное сочетание «применены последствия». Ясно, что законодатель не имеет возможности каким-либо образом трансформировать данную конструкцию, так как в его задачи входит сохранение всех терминологических элементов для обеспечения точности изложения и недопущения инотолкования.

Ср.: *«Договор считается заключенным, если между сторонами, в требуемой в подлежащих случаях форме, достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора»* (ст.432, Гражданский кодекс РФ).

В данном примере нетипичным с точки зрения естественного языка является сочетание «подлежащие случаи», декодирование которого осложняется употреблением в конструкции, сложной с точки зрения грамматики.

В естественном языке слово «подлежащий» функционирует в качестве причастия от глагола «подлежать», требующего при себе обязательного распространения, что заключено уже в семантике лексемы: «находиться в числе тех лиц или предметов, которые обязательно должны подвергаться чему-л.» [БТСРЯ]. Отсюда возможные сочетания – *подлежащий регистрации, мобилизации/призыву, учету, наказанию, защите, возмещению* и под. Следует отметить, что хотя все подобные контексты стилистически окрашены (в словаре глагол «подлежать» сопровождается пометой *офиц.*), данная лексема, безусловно, знакома рядовым носителям языка и неоднократно встречалась в их речевой практике. При этом в целом тенденции к адъективации данного причастия не наблюдается – неюридических контекстов, в которых лексема «подлежащий» употреблялась бы в качестве прилагательного, нами не обнаружено. В то же время в рассматриваемом фрагменте Гражданского кодекса слово употребляется в атрибутивном значении без актуализации процессуальных значений, то есть в качестве прилагательного. В этом случае декодировать значения данной лексемы даже в рамках синтагмы в конкретном контексте без привлечения дополнительных источников информации невозможно. Однако ситуация осложняется отсутствием понятия «подлежащие

случаи» в специализированных словарях и справочниках; кроме того, значительно затруднен поиск необходимой информации и в научных юридических источниках, так как комментирование данного сочетания в большинстве работ, посвященных договорному праву, игнорируется.

Подробно рассматриваемая статья разъясняется в постатейном комментарии под редакцией А. Г. Карапетова [Договорное право..., 2020, с. 661-716], где также отсутствует прямое разъяснение интересующего нас сочетания, однако из комментария в целом можно сделать вывод о том, что выражение «*в требуемых в подлежащих случаях форме*» следует понимать как необходимость оформить соглашение по существенным условиям договора в такой форме, которая предполагается законом для такого (данного, конкретного, подобного, «подлежащего») случая. Однако подчеркнем, что поскольку нами не обнаружено точной дефиниции для рассматриваемого понятия, а также комментария, отдельно разъясняющего данное сочетание, и в силу отсутствия у нас юридического образования мы не можем быть полностью уверены в правильности прочтения данного текста. В прочем, в данном случае это служит лишь иллюстрацией того факта, что декодирование этой статьи Кодекса с опорой только на языковую компетенцию затруднено.

Ср.: «*Риск случайной гибели или случайного повреждения товара, проданного во время его нахождения в пути, переходит на покупателя...*» (ст.459, Гражданский кодекс РФ).

Согласно Большому толковому словарю русского языка, «риск» – «1) возможная опасность чего-л.; 2) требующее смелости, бесстрашия действие наудачу, в надежде на счастливый исход» [БТСРЯ].

Важно отметить, что семантика слова в общеупотребительном значении не предполагает в качестве обязательного компонента «наличие убытков». Так, например, сочетание *пойти на риск* обозначает осознанное совершение / несовершение действий, в результате которых существует реальная возможность нежелательного происшествия; *подвергнуть риску* – осуществить / не осуществить действия, в результате которых существует реальная

возможность нежелательного происшествия у другого лица или у самого себя (подвергать себя риску); *риск встречи с кем-то* – существует реальная возможность встретиться с кем-либо, и это нежелательно; *риск заражения* – существует реальная возможность заразиться, и это нежелательно и под. При этом во всех обозначенных случаях убытки, т.е. материальный ущерб, потеря [БТСРЯ] могут и не последовать, а при употреблении слова во втором значении последствия осуществленного «на удачу» действия вообще могут быть положительными (ср.: *риск – благородное дело*). Ни в одном из общеупотребительных значений лексемы сочетание «риск переходит на кого-то» невозможно, так как гипотетическая опасность или требующие смелости действия не имеют материального эквивалента, в отношении которого могут возникнуть притязания нескольких сторон.

Для юридической картины мира в отношении риска релевантны возможные противоречия, возникающие в результате произошедших нежелательных событий, в частности – наличие *убытков*, в отношении которых возникают разногласия по вопросам их компенсации одной из сторон. Согласно Большому юридическому словарю, «риск случайной гибели имущества» – «риск возможного несения убытков в связи с гибелью или порчей имущества по причинам, не зависящим от сторон обязательства (случай, действие непреодолимой силы)» [Борисов, 2010, с. 653]. В этом случае сочетание «риск переходит на покупателя» приравнивается к «убытки несет покупатель»; наличие материального эквивалента – реального материального ущерба – позволяет использовать лексему «перейти» в значении «передать, распространиться на кого-либо другого».

Таким образом, рассмотренные примеры позволяют сделать следующие выводы о причинах, обуславливающих появление сочетаний, нетипичных для естественного языка:

1) несоответствие юридической и бытовой картины мира, отражающееся на семантическом объеме лексем, репрезентирующих те или иные понятия (*напр., риск как юридический термин и как общеупотребительная лексема*);

2) соединение в одном контексте нескольких терминологических единиц, не сочетающихся между собой с точки зрения естественного языка, но несущих на себе специальную юридически значимую информацию, вследствие чего недоступных для синонимической замены (*напр., применены последствия недействительности*).

Вне зависимости от причин, обуславливающих возникновение нетипичных сочетаний, все подобные элементы снижают коммуникативно-прагматический потенциал текста.

Во-первых, поскольку в синтагмах с несвойственной сочетаемостью преимущественно используются терминологические единицы, в таких конструкциях действуют механизмы снижения коммуникативно-прагматического потенциала, подробно описанные нами в соответствующем разделе, когда в случаях омонимии юридической и общеупотребительной лексики рядовой носитель языка не различает специальную и общеупотребительную единицу. Следовательно, в этом случае можно также говорить и о том, что адресату незнакомы и/ или непонятны (не до конца понятны) номинативные единицы, составляющие текст, а это, как известно, является обязательным условием корректного декодирования сообщения.

Во-вторых, как видно из примеров, контекстуальное окружение, в которое попадают данные терминологические единицы, не снимает омонимии специальных и общеупотребительных значений, соответственно, контекст не реализует возложенные на него функции нейтрализации.

В-третьих, поскольку соединение элементов в синтагмы осуществляется по правилам, незнакомым реципиенту-неспециалисту (в его речевой практике такие сочетания не встречались, а по правилам естественного языка они невозможны), декодирование сообщения с опорой только на языковую компетенцию оказывается невозможным.

Таким образом, для корректного декодирования синтагм с несвойственной естественному языку сочетаемостью реципиент должен обладать специальными юридическими знаниями.

2.2. Языковые единицы морфологического уровня как фактор снижения коммуникативно-прагматического потенциала текста

2.2.1. Отглагольные существительные

Одним из основных требований к юридическому тексту является требование краткости изложения, что в сочетании с необходимостью наиболее точно, полно и детально зафиксировать мысль законодателя обуславливает потребность в создании лаконичных, но в то же время информационно насыщенных текстов. Так как законодателю важно четко установить причинно-следственные связи между несколькими событиями, описать и охарактеризовать некоторый ряд правовых ситуаций по возможности кратко, он вынужден создавать полипропозитивные предложения, оформляя часть пропозиций непредикативными конструкциями. Для того чтобы передать максимально большой объем информации минимальным набором языковых средств, законодатель вынужден сворачивать пропозиции, а для их маркирования подбирать слова, наиболее полно и точно передающие необходимые событийные характеристики.

Одним из типичных для делового текста элементов, репрезентирующих свернутые пропозиции, являются отглагольные существительные. Общеизвестно, что большое количество девербативов⁵ – одна из основных черт официально-делового стиля в целом.

Как отмечает Г. Л. Лузина, «в общепринятых определениях отглагольных существительных обязательно указывается, что они производная номинация с пересекающимися глагольными и именными свойствами как в семантическом, так и в синтаксическом плане» [Лузина, 2001, с. 111]. В. В. Бабайцева относит отглагольные существительные к особой «зоне синкретизма» существительного и глагола, переходному явлению в системе частей речи, отмечая следующее:

⁵ Здесь и далее понятия «девербатив» и «отглагольное существительное» будут использоваться в качестве синонимов.

«Отглагольные существительные обладают всеми частными грамматическими значениями существительных, имеют морфемный состав, характерный для существительных, выполняют синтаксические функции существительных. В зону синкретизма (на периферию существительных) отглагольные существительные включаем потому, что у них специфическое категориальное значение и обусловленная им валентность» [Бабайцева, 1983, с. 38]. В работе также подчеркивается, что в категориальном значении слов данной части два компонента – предметность и процессуальность [Бабайцева, 1983, с. 38].

При этом в литературе неоднократно отмечалось, что группа отглагольных существительных фактически представлена словами разного порядка. Так, еще Г. О. Винокур указывал на наличие как минимум двух категорий существительных: «имена типа играние или смотрение – во-первых, и имена типа игра, смотр, а также значение или содержание – во-вторых» [Винокур, 1928, с. 80]. Имена второй группы практически утратили глагольную семантику, «субстантивировались до конца» [Винокур, 1928, с. 80] и могут вообще не восприниматься говорящим как отглагольные образования, в то время как единицы первой группы с финалями –ание, -ение, напротив, акцентируют внимание на своей глагольной природе. Г. О. Винокур подчеркивает, что «упреки в стилистической дефектности <...> могут относиться только к именам первой категории, поскольку они исполнены внутреннего смыслового противоречия: будучи вызваны к жизни потребностью избавиться от глагольных качеств значения, они и под субстантивным обликом эти глагольные качества все же сохраняют» [Винокур, 1928, с. 84]. На сегодняшний день «большинство исследователей отмечает, что отглагольные имена существительные на -ние, -тие в гораздо большей степени сохраняют глагольность мотиватора, чем другие deverбаливы (например, с суффиксами -к(а), -о, -б(а), -ств(о), -ж(а) и др.)» [Пчелинцева, 2012, с. 680]. При этом, разумеется, представляется возможным проводить некоторую дифференциацию и внутри существительных на –ние, не обуславливая наличие ярко выраженных процессуальных характеристик исключительно деривационной моделью.

Анализируя особенности выражения семантики действия в законодательных текстах, М. В. Батюшкина отмечает в них наиболее употребительные отглагольные существительные: образования с суффиксом —ениј- (уведомление, сопровождение, уклонение и под.) и —ниј- (взыскание, дознание, удержание и под.). Менее распространены существительные с суффиксами —иј- и —яниј- (принятие, снятие, деяние и под.); суффиксы —ациј- (-яциј-), -циј-, -ств- высокопродуктивны для передачи значений «действие как процесс» / «действие как результат» (конфискация, регистрация, ликвидация, разбирательство и под.); суффикс -тель- встречается у лексем, обозначающих статусно-функциональную роль субъекта юридического дискурса (даритель, нарушитель). Достаточно большое количество слов образовано безаффиксным способом (досмотр, розыск), а также путем усечения глагольной основы с суффиксацией (взятка, грабеж) [Батюшкина, 2018, с. 36-38].

Наши наблюдения над законодательным текстом показывают, что степень субстантивированности⁶ лексемы оказывает разное влияние на реализацию коммуникативно-прагматического потенциала текста. В частности, особенно сложны для декодирования конструкции с отглагольными существительными, значения глагольного мотиватора в которых более заметны для носителя языка, одновременно с этим именно данные единицы (преимущественно образуются суффиксами -ениј-, -ниј-, -иј) являются, по замечанию М. В. Батюшкиной, наиболее употребительными.

Д. Э. Розенталь обращал внимание на то, что конструкциям с отглагольными существительными свойственна неясность высказывания, связанная с тем, что у отглагольных существительных отсутствуют собственно глагольные категории (вид, время, залог) [Розенталь, 2012, с. 326]. Эта особенность отглагольных дериватов оказывает большое влияние на декодирование текста, в процессе которого реципиенту необходимо «развернуть» пропозицию в предикативную конструкцию. При выборе

⁶ Под степенью субстантивированности в данной работе понимается большее или меньшее сохранение существительным значений глагольного мотиватора.

предиката появляется необходимость актуализации видо-временных и залоговых значений, не имеющих формального выражения в отглагольном существительном, что в ряде случаев может приводить к неоднозначной интерпретации сообщения.

Ср.: *«Обязанность плательщика ренты по предоставлению содержания с иждивением может включать **обеспечение потребностей** в жилище, питании и одежде, а если этого требует состояние здоровья гражданина, также и уход за ним»* (ст. 602, Гражданский кодекс РФ).

При декодировании данного текста осложнен выбор предиката с точки зрения его аспектуальных характеристик. В отглагольном существительном «обеспечение» не актуализированы видо-временные значения, оказывающиеся принципиально важными для корректного декодирования сообщения: оппозиция форм совершенного и несовершенного вида глаголов «обеспечить-обеспечивать» базируется на признаке однократности / неоднократности, в результате чего в зависимости от выбора глагола из данной пары возникает несколько вариантов прочтения сообщения. 1) Обеспечение потребностей в жилище = необходимость *обеспечить* жилищем (однократно), 2) обеспечение потребностей в жилище = необходимость *обеспечивать* жилищем (неоднократно). Другими словами, встает вопрос, входит ли в обязанности плательщика ренты предоставление жилища в том случае, если данное условие уже было им когда-либо выполнено, однако по тем или иным причинам такая потребность возникла вновь (например, в случае какого-либо стихийного бедствия).

Помимо уже отмеченного, декодирование рассматриваемого контекста осложняется на лексическом уровне. Поскольку существительное «потребность» имеет несколько значений в общеупотребительном языке, встает вопрос об актуализации одного из них: 1) нужда, требующая удовлетворения – в таком случае потребности обеспечиваются в случае реальной необходимости, нужды в жилище (получателю ренты негде жить); 2) желание, стремление –

необходимость обеспечить жилищем, если поступит соответствующее требование гражданина (гражданин выразит желание иметь жилище).

Неоднозначная интерпретация может быть обусловлена и отсутствием у существительного залоговых значений, что в ряде случаев приводит к сложности установления субъект-объектных отношений.

Ср.: *«Договор энергоснабжения заключается с абонентом при наличии у него отвечающего установленным техническим требованиям энергопринимающего устройства, присоединенного к сетям энергоснабжающей организации, и другого необходимого оборудования, а также при обеспечении учета потребления энергии»* (ст. 539, Гражданский кодекс РФ).

Во-первых, отметим, что в данном контексте наблюдается так называемое «нанизывание падежей», вызванное употреблением ряда отглагольных существительных (следует подчеркнуть, что такое явление типично для данной группы лексики и в целом является ее недостатком [Розенталь, 2012, с. 326]). Нанизывание падежей само по себе осложняет установление отношений между компонентами предложения. В выделенной конструкции с отглагольными существительными, помимо прочего, затруднено установление субъект-объектных отношений: неоднозначно может быть понято, в чью компетенцию входит учет потребления энергии – самого абонента или энергоснабжающей организации. Отсюда неясно, что включает в себя «обеспечение учета потребления энергии» – абонент должен обеспечить (обеспечивать) возможность организации учитывать потребляемую энергию (напр., обеспечить доступ в помещение, работу с необходимым оборудованием и под.) или абонент должен самостоятельно вести такой учет.

Проблема декодирования контекстов с отглагольными существительными не ограничивается проблемой выбора предиката для свернутой пропозиции. Поскольку сжатость синтаксических конструкций законодательного текста при их смысловой емкости обеспечивается большим числом полипропозитивных предложений, в которых количество пропозиций может *значительно* превышать

количество предикаций, в процессе декодирования текста перед реципиентом, во-первых, встает задача установления последовательности событий как таковых, а во-вторых, возникает необходимость установить логические отношения между этими событиями. Следовательно, в процессе развертывания пропозиции в предикативную конструкцию необходим не только выбор соответствующего предиката, но и подбор элементов, непосредственно вербализующих отношения между пропозициями – союзов, союзных слов, предлогов. Так, например, развертывание в конструкцию сложноподчиненного предложения предполагает установление и вербализацию отношений между его частями, что может быть по-разному осуществлено разными реципиентами. Предугадать все возможные варианты интерпретаций невозможно в связи с тем, что они напрямую связаны с уровнем языковой компетенции отдельно взятого реципиента.

Ср.: *«Наряду с **требованием о возврате** суммы предварительной **оплаты** товара (услуги) потребитель направляет владельцу агрегатора **подтверждение направления** продавцу (исполнителю) **уведомления об отказе от исполнения** договора купли-продажи (договора возмездного оказания услуг)»* (ст. 12, ФЗ «О защите прав потребителей»).

Важно подчеркнуть, что в данном случае нами приводится лишь фрагмент соответствующей статьи, при этом в действительности в рамках полнотекстового варианта данный контекст оказывается несколько менее сложным для восприятия, чем это может показаться в отдельно взятом фрагменте, так как часть свернутых здесь пропозиций получает предикативное оформление, однако это не исключает возможности некорректного декодирования цитируемого фрагмента.

В приведенном примере фиксируется следующая очередность событий: 1) потребитель предварительно оплатил товар; 2) [продавец не передал товар в установленный срок]⁷; 3) потребитель направил продавцу уведомление об отказе от исполнения договора; 4) потребитель требует у агрегатора вернуть

⁷ Информация восстанавливается из предыдущего контекста.

сумму предварительной оплаты; 5) одновременно потребитель должен направить агрегатору подтверждение того, что он уведомил продавца об отказе от исполнения договора.

Декодирование сообщения оказывается затруднено в связи с тем, что, во-первых, количество пропозиций значительно превышает количество предикаций, следовательно, возникает необходимость развернуть свернутые пропозиции, то есть произвести трансформацию предложения и подобрать соответствующие предикаты; во-вторых, реальная последовательность событий и последовательность их изложения оказываются несимметричными (адресант группирует события в целях наиболее компактного изложения), следовательно, возникает необходимость установить реальную очередность событий; в-третьих, ситуация осложняется нанизыванием падежей, что затрудняет установление логических взаимосвязей между событиями (*подтверждение направления продавцу уведомления об отказе от исполнения*).

В целом однозначно установить, какие пропозиции будут связаны реципиентом между собой, какие предикаты будут подобраны, а также какие средства связи будут выбраны для вербализации этих отношений, невозможно, однако сложность контекста позволяет предположить высокую вероятность неоднозначной интерпретации (напр., *потребитель направляет подтверждение того, что он уведомил / что он уведомлял продавца / потребитель направляет подтверждение того, что он направил продавцу уведомление (документ); потребитель подтверждает, что он уведомил ...; потребитель направляет агрегатору уведомление, которое он направлял продавцу, тем самым подтверждает факт осведомленности продавца и т.д.*) Другими словами, непонятно, должен ли потребитель отправить текст (копию) того самого уведомления или прислать другое подтверждение того факта, что уведомление имело место. Кроме того, в зависимости от выбранного предиката по-разному может быть понята необходимость довести до сведения продавца информацию об отказе от договора – уведомил (реально удостоверился, что продавец знает об отказе), уведомлял (направил информацию) и др.

Ср.: *«Исчисление расходов покупателя на приобретение товаров у других лиц в случаях их недопоставки поставщиком или невыполнения требований покупателя об устранении недостатков товаров либо о доукомплектовании товаров производится по правилам, предусмотренным пунктом 1 статьи 524 настоящего Кодекса»* (ст. 520, Гражданский кодекс РФ).

Предложение отражает следующий порядок событий: 1) поставщик недопоставил товар / поставил товар с недостатками / поставил некомплектный товар; 2) покупатель требует устранить недостатки / доукомплектовать товар; 3) поставщик эти требования не выполняет; 4) покупатель имеет право приобрести товары у других лиц; 5) покупатель несет расходы; 6) исчислить расходы покупателя необходимо по правилам п.1 ст. 524 Гражданского кодекса.

В целом данное предложение сложно для декодирования сразу по ряду причин: 1) реальная последовательность событий не совпадает с последовательностью их упоминания в предложении, в связи с чем затруднен процесс развертывания пропозиций; 2) затруднено установление причинно-следственной взаимообусловленности событий; 3) на лексическом уровне для неспециалиста неочевидна разница между понятиями «недопоставка» и «поставка некомплектного товара» (последнее, кстати, должно быть выведено из контекста «требование о доукомплектовании»); 4) на синтаксическом уровне восприятие осложняется дистантным расположением подлежащего и сказуемого (см. об этом подробно в п. 2.3); 5) на структурном уровне снижение коммуникативно-прагматического потенциала обусловлено употреблением гиперссылки (об этом см. п. 3.2), которая хотя и дает достаточно точное представление о тексте-объекте, фактически делает рассматриваемый фрагмент малоинформативным – сложность трансформаций, которые необходимо проделать для декодирования данного сообщения, явно несопоставима с получаемой в результате информацией о том, что все данные об исчислении обозначенных расходов следует искать в другой статье.

Далее приведем примеры контекстов, содержащих конструкции с отглагольными существительными, корректность декодирования которых напрямую зависит от качества произведенных трансформаций.

Ср.: *«Убытки поклажедателя вследствие **утраты, недостачи или повреждения** вещей, сданных в камеру хранения, в пределах суммы их оценки поклажедателем при **сдаче на хранение** подлежат **возмещению** хранителем в течение двадцати четырех часов с момента **предъявления** требования об их **возмещении**»* (ст. 923, Гражданский кодекс РФ);

*«Обязательство считается прекращенным с момента **получения** должником **уведомления** кредитора о **прощении** долга, если должник в разумный срок не направит кредитору **возражений** против **прощения** долга»* (ст. 415, Гражданский кодекс);

*«Права кредитора по обязательству переходят к другому лицу на основании закона при **наступлении** указанных в нем обстоятельств: <...> вследствие **исполнения** обязательства **поручителем** должника или **не являющимся** должником по этому обязательству залогодателем»* (ст. 387, Гражданский кодекс РФ);

*«**Изменение** предшествующего договора залога после **заключения** последующего договора залога, если последующий договор залога заключен с соблюдением условий, предусмотренных для него предшествующим договором залога, или такие условия не были предусмотрены предшествующим договором залога, не затрагивает права последующего залогодержателя при условии, что такое **изменение** влечет **ухудшение обеспечения** его требования и произведено без **согласия** последующего залогодержателя»* (ст. 342, Гражданский кодекс РФ) и др.

Снижение коммуникативно-прагматического потенциала текста конструкциями с отглагольными существительными может быть напрямую обусловлено степенью субстантивированности отглагольных дериватов. В ряде

случаев «сильно» и «слабо» субстантивированные⁸ лексемы могут совпадать по форме, различаясь значением, что также создает предпосылки для некорректного декодирования текста. Во всех подобных случаях вероятность некорректного декодирования возникает в связи с тем, что контекст не позволяет однозначно установить, какой компонент – процессуальный или предметный – должен преобладать в значении отглагольной лексемы, которая в целом может реализовывать каждое из значений в большей или меньшей степени (напр., *сообщение сведений – электронное сообщение*).

Ср.: *«В случае, когда в разумный срок после получения сообщения покупателя продавец не распорядится соответствующей частью товара, покупатель вправе, если иное не предусмотрено договором, принять весь товар»* (ст. 466, Гражданский кодекс РФ). – покупатель должен сообщить, уведомить / отправить сообщение (письменный текст)

«По соглашению между работником и работодателем трудовой договор может быть расторгнут и до истечения срока предупреждения об увольнении» (ст. 80, Трудовой кодекс РФ) – работник и работодатель пришли к единому решению / работник и работодатель должны заключить соглашение (вид документа)

«В районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях требование потребителя о замене товара подлежит удовлетворению по его заявлению в срок, необходимый для очередной доставки соответствующего товара в эти районы...» (ст. 21, ФЗ «О защите прав потребителей») – если потребитель скажет о своем требовании, сообщит, заявит / напишет заявление и под.

Особую сложность с точки зрения декодирования вызывают отрицательные отглагольные существительные.

⁸ Под слабо субстантивированными лексемами здесь понимаются существительные, в которых значения глагольного мотиватора в большой степени сохранены и очевидны для носителя языка, в категориальном значении таких существительных преобладает компонент процессуальности; под сильно субстантивированными лексемами здесь понимаются существительные, мотивированные глаголами, в категориальном значении которых преобладает компонент предметности.

Проведенный нами анализ законодательных текстов показал, что среди отрицательных девербативов подавляющее большинство лексем образовано формантами –ениј-, -ниј-, -иј-: *необеспечение, несоблюдение, неустановление, недоведение, несообщение, недостижение, ненаступление, непредоставление, неразглашение, неизбрание, несогласие, невключение, недостижение, несоответствие, невыполнение, неисполнение, непринятие, несовпадение* и др.

Ср.: 1. «Указанное требование может быть предъявлено, если недостатки товара обнаружены по истечении двух лет со дня передачи товара потребителю, в течение установленного на товар срока службы или в течение десяти лет со дня передачи товара потребителю в случае **неустановления** срока службы» (ст. 19, ФЗ «О защите прав потребителей»);

2. «Трудовой договор подлежит прекращению по следующим обстоятельствам, не зависящим от воли сторон: <...> 3) **неизбрание** на должность ...» (ст. 83, Трудовой кодекс РФ);

3. «<...> **Невключение** в трудовой договор каких-либо из указанных прав и (или) обязанностей работника и работодателя не может рассматриваться как отказ от реализации этих прав или исполнения этих обязанностей» (ст. 57, Трудовой кодекс РФ);

4. «Вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу потребителя вследствие **необеспечения** безопасности товара (работы), подлежит возмещению в соответствии со статьей 14 настоящего Закона» (ст. 7, ФЗ «О защите прав потребителей»);

5. «Договор найма жилого помещения может быть расторгнут в судебном порядке по требованию наймодателя в случаях: **невнесения** нанимателем платы за жилое помещение за шесть месяцев, если договором не установлен более длительный срок <...>» (ст. 687, Гражданский кодекс РФ) и др.

Путем усечения основы отрицательные существительные также образуются, однако значительно реже (*невыплата, неуплата, невыход, невыезд*

и др.), случаи усечения с последующей суффиксацией редки (*неявка, невыборка, неподача*).

Ср.: 1. «Привлечение работодателем работника к сверхурочной работе допускается с его письменного согласия в следующих случаях <...> 3) для продолжения работы при **неявке** сменяющего работника, если работа не допускает перерыва. <...>» (ст. 99, Трудовой кодекс РФ);

2. «За разрешением индивидуального трудового спора о **невыплате** или неполной выплате заработной платы и других выплат, причитающихся работнику, он имеет право обратиться в суд <...>» (ст. 392, Трудовой кодекс РФ);

3. «**Невыборка** покупателем (получателем) товаров в установленный договором поставки срок, а при его отсутствии в разумный срок после получения уведомления поставщика о готовности товаров дает поставщику право отказаться от исполнения договора либо потребовать от покупателя оплаты товаров» (ст. 515, Гражданский кодекс РФ);

4. «Трудовой договор может быть расторгнут работодателем в случаях: <...> 13.1) **невыхода** работника на работу по истечении трех месяцев после окончания прохождения им военной службы по мобилизации или военной службы по контракту <...>» (ст. 81, Трудовой кодекс РФ);

5. «Перевозчик за **неподачу** транспортных средств для перевозки груза в соответствии с принятой заявкой (заказом) или иным договором, а отправитель за непредъявление груза либо неиспользование поданных транспортных средств по иным причинам несут ответственность, установленную транспортными уставами и кодексами, а также соглашением сторон» (ст. 794, Гражданский кодекс РФ) и др.

Таким образом, большинство отрицательных отглагольных существительных, как и неотрицательных, образуются формантами –ениј-, -ниј-, -иј и являются слабо субстантивированными. При этом приставка *не-* у таких существительных эквивалентна соответствующей частице при глаголах, однако в соответствии с орфографической нормой она пишется с существительным

слитно, образуя нерасчленимое единство. Такие цельнооформленные единицы становятся более сложными для восприятия, чем их глагольные аналоги. Сочетание глагола и частицы декодируется как два отдельных элемента, в то время как образовавшееся в процессе номинализации исходного предиката «сращение», продолжая транслировать ту же семантику, на уровне плана выражения оформляется как существительное, в структуре которого уже не столь отчетливо видны границы входящих в его состав элементов. В частности, частица-приставка несколько стирает границу начала глагольной основы, а формант (-ениј-, -ниј- и под.) – ее финали, к тому же, значительно удлиняя саму лексему. Данная особенность отмечается и в литературе: «звуковой комплекс частицы *не* воспринимается как отдельное слово, но служебное, а приставка *не-* образует часть слова и воспринимается в сочетании с другими звуками, с которыми образуют единое слово» [Меретукова, 2021, с. 131]. Таким образом, конфликт формы и содержания в подобных лексемах очевиден. Кроме того, необходимо учитывать, что отрицательным девербативам свойственны все те же свойства, снижающие коммуникативно-прагматический потенциала текста, что и отглагольным существительным в целом.

Таким образом, как показал проведенный анализ, снижение коммуникативно-прагматического потенциала текста конструкциями с отглагольными существительными напрямую связано с необходимостью их трансформации и может быть обусловлено некорректно развернутыми пропозициями, а именно:

1) выбором для оформления пропозиции неправильного предиката в аспекте актуализации глагольных категорий (вид, время, залог);

2) установлением неверных отношений между событиями полипропозитивного предложения (их *очередность, причинно-следственная обусловленность и под.*) и подбором неточных (некорректных) средств вербализации этих отношений;

3) неправильной актуализацией одного из компонентов – процессуального или предметного – у отглагольных существительных, совпадающих по форме, но различающихся значением.

Сложность декодирования контекстов с отрицательными отглагольными существительными обуславливается их структурной и семантической сложностью при сохранении тех же механизмов снижения коммуникативно-прагматического потенциала текста, характерных для всех отглагольных существительных.

В целом корректность декодирования сообщения, качество трансформации и ее соответствие исходному контексту во многом зависит от уровня языковой компетенции отдельно взятого реципиента.

2.2.2. Производные предлоги

Качество трансформации полипропозитивного предложения, как было отмечено ранее, напрямую связано с необходимостью установить отношения между его частями, а следовательно, большое значение в данном процессе имеют служебные единицы, репрезентирующие эти отношения. К таким средствам, которые также призваны обеспечить полноту и краткость изложения информации, относятся производные предлоги.

В литературе неоднократно отмечалось, что обилие производных (особенно отыменных) предлогов – отличительное свойство текстов официально-делового стиля [Шестакова, 2010; Флоря, Егорова, 2009 и др.], а некоторые предлоги даже стали речевыми клише в деловых документах [Гун, 2018, Боряева, 2010 и др.]. Е. Т. Черкасова, автор одного из наиболее фундаментальных исследований по истории предложной лексики, подчеркивает, что процесс образования новых производных предлогов особенно интенсивно протекал в XVIII – XIX вв. в сфере делового языка в том числе в связи с тем, что «в деловой письменности, обслуживающей практические нужды общества, особенно остро давала себя знать потребность в

дифференцированных средствах выражения отношений между словами» [Черкасова, 1967, с. 20]. Таким образом, именно деловой дискурс, нуждающийся в особых знаках, способных выразить особые (юридически значимые) типы отношений, побудил к существованию многие производные предлоги.

Подход к пониманию предлога в целом как служебной части речи, выполняющей чисто связующую роль в предложении, обусловил достаточно полное и всестороннее изучение грамматических аспектов функционирования данных единиц. Наличие же коммуникативно-прагматического потенциала традиционно признается у лексем, входящих в группы знаменательных частей речи, а также у частиц и вводно-модальных слов [Перфильева, 2012, с. 132], поэтому предлоги в данном аспекте исследованы недостаточно, хотя нам и представляется вероятным, что именно производные предлоги являются одними из наиболее прагматически заряженных единиц, особенно в юридическом дискурсе.

В исследуемых законодательных текстах в соответствии с их стилевыми параметрами широко представлены различные производные предлоги.

Ср.: 1) *«В отношении товара, на который продавцом предоставлена гарантия качества, продавец отвечает за недостатки товара, если не докажет, что недостатки товара возникли после его передачи покупателю вследствие нарушения покупателем правил пользования товаром или его хранения, либо действий третьих лиц, либо непреодолимой силы»* (ст. 476, Гражданский кодекс РФ);

2) *«Условия договора, которые предусматривают в связи с последующим уменьшением рыночной стоимости предмета залога, обеспечивающего обязательство гражданина по возврату потребительского или ипотечного кредита, распространение залога на иное имущество, досрочный возврат кредита или иные неблагоприятные для залогодателя последствия, ничтожны»* (ст. 340, Гражданский кодекс РФ);

3) «Указанное требование может быть предъявлено, если недостатки товара обнаружены **по истечении** двух лет со дня передачи товара потребителю, **в течение** установленного на товар срока службы или **в течение** десяти лет со дня передачи товара потребителю **в случае** неустановления срока службы» (ст. 19, ФЗ «О защите прав потребителей»);

4) «Покупатель вправе до заключения договора розничной купли-продажи осмотреть товар, потребовать проведения в его присутствии проверки свойств или демонстрации использования товара, если это не исключено **ввиду** характера товара и не противоречит правилам, принятым в розничной торговле» (ст. 495, Гражданский кодекс РФ) и др.

Согласно Грамматике-80, «лексическим значением предлога как отдельно взятого слова является значение того или иного отношения» [РГ, 1980, С. 708]. Следовательно, именно предлоги являются материально выраженными показателями установленных человеческим сознанием связей между некоторыми фактами или событиями. Как видно из примеров, предложения с производными предлогами, употребляющиеся в законодательных текстах, в большинстве случаев полипропозитивны, то есть осложнены в семантическом плане, при этом нередко в одном предложении оказывается сразу несколько предлогов, репрезентирующих разные типы отношений. Как следствие, корректно развернуть все пропозиции текста, а также корректно установить взаимоотношения между ними становится значительно труднее.

Ср.⁹: «**В случае** сомнения **в отношении** того, является ли сумма, уплаченная **в счет** причитающихся со стороны по договору платежей, задатком, **в частности вследствие** несоблюдения правила, установленного пунктом 2 настоящей статьи, эта сумма считается уплаченной **в качестве** аванса, если не доказано иное» (ст. 380, Гражданский кодекс РФ).

⁹ Здесь и далее в примерах анализируются единицы разной степени определенности; строгой дифференциации собственно предлогов и знаменательных лексем, употребляющихся в функции предлога, не проводится вследствие общности выполняемых функций и схожих механизмов снижения коммуникативно-прагматического потенциала текста.

В контексте использованы предлоги, маркирующие разные типы отношений: условные (*в случае*), причинно-следственные (*вследствие*), объектные (*в отношении, в счет*), отношения тождества (*в качестве*). Данный перечень предложных единиц сам по себе демонстрирует сложный характер взаимообусловленности событий. В частности, декодирование затруднено в аспекте определения компонентов, связанных условными отношениями: правый компонент предлога *в случае* представлен существительным (*сомнение*), определяющимся конструкцией, внутри которой, в свою очередь, необходимо установить взаимосвязь ряда событий – (1) *сомнения (какие?)*, *что сумма (какая?)*, *которая была уплачена (каким образом?) в счет платежей (каких?)*, *которые причитаются по договору со стороны // 2) сомнения (какие?)*, *которые возникли (почему?)*, *так как не соблюдалось правило (какое?)*, *которое установлено в п.2 статьи*). Таким образом, непосредственно обозначенное условие – *если есть сомнения, что сумма является задатком, то эту сумму следует считать авансом* – оказывается непосредственно не наблюдаемым (в данном случае имеется в виду возможность быстро и однозначно установить введенное предложно-падежной формой условие).

Ср.: *«В случае выявления существенных недостатков работы (услуги) потребитель вправе предъявить исполнителю требование о безвозмездном устранении недостатков, если докажет, что недостатки возникли до принятия им результата работы (услуги) или по причинам, возникшим до этого момента. Это требование может быть предъявлено, если такие недостатки обнаружены **по истечении** двух лет (пяти лет в отношении недвижимого имущества) со дня принятия результата работы (услуги), но **в пределах** установленного на результат работы (услуги) срока службы или **в течение** десяти лет со дня принятия результата работы (услуги) потребителем, если срок службы не установлен»* (ст. 29, ФЗ «О защите прав потребителей»).

Употребление в предложении нескольких предлогов, конкретизирующих временные отрезки, в течение которых может быть осуществлено то или иное

действие, может приводить к невозможности корректно декодировать установленные сроки. Так, предлог *по истечении* способен указывать на срок, по прошествии которого совершается какое-либо действие, а значение простого предлога *по*, входящего в состав предложной единицы, указывает на то, что действие должно осуществляться позже чего-либо («после»). Таким образом, при буквальном прочтении в тексте отмечается возможность предъявления требований в том случае, если недостатки обнаружены после того, как истекут два года с момента принятия работы (но не раньше) – *требование об устранении существенных недостатков предъявляется только в том случае, если они были обнаружены через два года после принятия работы*. Законодатель же предполагает, что текст должен читаться иначе – так, как если бы в нем была употреблена усилительная частица: *требования об устранении существенных недостатков могут быть предъявлены ДАЖЕ по истечении двух лет*.

Кроме того, вслед за конструкцией с предлогом *по истечении*, которая в целом указывает на конкретный временной период, употребляется конструкция с предлогом *в пределах*, ограничивающая (сужающая) названный промежуток и гораздо менее точно характеризующая сроки. При декодировании данных конструкций появляется проблема установления отношения между обозначенными компонентами – *недостатки обнаружены после того, как два года истекли, но [обнаружены] 1) только пока не истек срок службы, если он превышает два года (образцовый вариант); 2) пока не истек срок службы (не учтено, что срок службы может быть меньше двух лет, поэтому непонятно, на какой срок в таком случае ориентироваться – срок службы или срок в два года) и др.*

Пример, в котором затруднено декодирование временных отношений (сроков) в связи с употреблением предложных конструкций, не единичен.

Ср.: *«Потребитель вправе предъявлять требования, связанные с недостатками выполненной работы (оказанной услуги), если они обнаружены в течение гарантийного срока, а при его отсутствии в разумный срок, в*

пределах двух лет со дня принятия выполненной работы (оказанной услуги) или пяти лет в отношении недостатков в строении и ином недвижимом имуществе» (ст. 29, ФЗ «О защите прав потребителей»).

Сочетание оценочного понятия *разумный срок*, которое не называет конкретных временных промежутков, с предлогом *в пределах*, устанавливающим четкие временные рамки, обуславливает вероятность конфликта интерпретаций: в тексте фактически указано, что верхняя граница срока в данном случае – два года, нижняя граница прямо не названа, но указана как «разумная», однако в силу семантической неопределенности понятия нижняя и верхняя границы могут совпадать (*разумный срок – это срок в пределах двух лет*) или дифференцироваться (*срок точно не превышает двух лет, но может быть и меньше в силу его «разумности»*). В процессе экспериментального исследования коммуникативно-прагматического потенциала оценочных понятий, описанного нами в соответствующем разделе, было определено, что в контекстах, где семантически неопределенная лексема употреблена рядом с какими-либо точными данными (в том числе – с указанием конкретных сроков), доля реакций, в которых игнорируется семантика неопределенной лексемы в пользу точных данных, значительно повышается.

Декодирование текстов, содержащих конструкции с предлогами, не обязательно обуславливается скоплением предложных единиц в небольшом фрагменте текста.

Известно, что предлоги могут быть объединены в классы в зависимости от выражаемых ими отношений (*пространственные, временные, целевые* и др.), то есть на основании общности (близости) семантики. Общность выражаемых отношений обуславливает возникновение синонимических отношений между предлогами одной группы.

Как отмечает Д. Э. Розенталь, предлоги *благодаря, ввиду, вследствие, в связи с, в силу, из-за, по причине* и др., выражающие причинные отношения, являются синонимами, однако «при их употреблении обычно учитываются присущие им смысловые оттенки» [Розенталь, 2012, с. 293]. Последнее

замечание подчеркивает, что несмотря на общность основного (базового) значения, обозначенные единицы все же не являются полными дублетами.

Ср.: 1. *«Если иное не предусмотрено договором, гарантийный срок продлевается на время, в течение которого **товар не мог использоваться из-за обнаруженных в нем недостатков** <...>»* (ст. 471, Гражданский кодекс РФ);

В данном предложении использован первообразный предлог *из-за*, представляющий собой ядерную единицу причинно-следственной группы и устанавливающий отношения причины и следствия, не внося дополнительных оттенков значения: *в товаре были обнаружены недостатки [причина], поэтому он не мог использоваться [следствие]*.

2. *«Продавец (исполнитель, владелец агрегатора) не вправе отказывать в заключении, исполнении договора, направленного на приобретение одних товаров (работ, услуг), **по причине** отказа потребителя в приобретении иных товаров (работ, услуг)»* (ст. 16, ФЗ «О защите...»);

Предлог *по причине* помимо выражения собственно причинно-следственных отношений приобретает дополнительный оттенок значения – «на основании, под предлогом»: *потребитель отказался приобретать одни товары, и это не может стать поводом, основанием для отказа ему в приобретении других товаров*.

3. *«Если займодавец **в силу** договора займа обязался предоставить заем, он вправе отказаться от исполнения договора полностью или частично при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что предоставленный заем не будет возвращен в срок»* (ст. 807, Гражданский кодекс РФ).

Предлог *в силу* дополнительно выражает значение правомочности: *у займодавца есть обязанность **на основании** договора займа*.

4. *«Если при возвращении товара складом товаровладельцу товар не был ими совместно осмотрен или проверен, заявление **о недостатке или повреждении товара вследствие его ненадлежащего хранения** должно быть*

сделано складу письменно при получении товара <...>» (ст. 911, Гражданский кодекс РФ).

Предлог вследствие указывает на непосредственное следование одного события за другим: товар хранили ненадлежащим образом, поэтому [произошли какие-то события], которые привели к недостатке товара или его повреждению.

Таким образом, несмотря на то что все рассмотренные предлоги выражают причинно-следственные отношения, предложная единица может приобретать в контексте дополнительные оттенки, то есть не быть полностью синонимичной другим предлогам данной группы. Вследствие этого, если в процессе декодирования реципиент будет производить замену одного предлога другим, то могут быть утрачены семантические компоненты. Так, *предоставить в силу договора займа ≠ предоставить из-за договора займа; нехватка товара вследствие его ненадлежащего хранения ≠ нехватка из-за ненадлежащего хранения (ненадлежащее хранение само по себе не приводит к нехватке – оно может обусловить возникновение каких-либо причин, непосредственно уничтожающих часть товара) и др.* Очевидно, что для других типов дискурса данные оттенки не будут релевантными настолько, чтобы они могли привести к некорректному декодированию текста, однако для законодательного текста, стилевой доминантой которого является точность изложения, даже малейшая утрата семантических компонентов может обусловить некорректную интерпретацию.

Сложность декодирования законодательных текстов, содержащих производные предлоги, также связана с тем, что одна и та же единица в разных конструкциях может демонстрировать разную степень «опредложивания», которая напрямую зависит от степени десемантизации производящей основы.

Ср.: 1. *«Продавец (исполнитель), не предоставивший покупателю полной и достоверной информации о товаре (работе, услуге), несет ответственность <...> за недостатки товара (работы, услуги), возникшие после его передачи*

потребителю вследствие (= из-за) отсутствия у него такой информации» (ст. 12, ФЗ «О защите...»);

«Должник не считается просрочившим, пока обязательство не может быть исполнено вследствие (= из-за) просрочки кредитора» (ст. 405, Гражданский кодекс РФ) и др.

2. *«При этом потребитель вправе потребовать также полного возмещения убытков, причиненных ему вследствие (\neq из-за) продажи товара ненадлежащего качества» (ст. 18, ФЗ «О защите...»);*

«Вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу одаряемого гражданина вследствие (\neq из-за) недостатков подаренной вещи, подлежит возмещению дарителем в соответствии с правилами, предусмотренными главой 59 настоящего Кодекса <...>» (ст. 580, Гражданский кодекс РФ) и др.

Как видно из примеров, формально одна и та же единица в одном случае может реализовывать только релятивную функцию (в этом случае она, вероятнее всего, может легко заменяться предлогом *из-за*), в другом – дополнительно являться репрезентантом свернутой пропозиции. В процессе декодирования текста реципиент может игнорировать эту пропозицию. Так, конструкция «вред, причиненный имуществу одаряемого вследствие недостатков подаренной вещи» предполагает следующую очередность событий: вещь имела недостатки, наличие недостатков обусловило происшествие каких-либо событий, эти события нанесли вред, вред должен быть возмещен. В случае некорректного декодирования текста вследствие игнорирования пропозиции реципиент может связывать причинение вреда непосредственно с некачественной вещью – напр., *вред, причиненный подаренной вещью.*

Таким образом, снижение коммуникативно-прагматического потенциала законодательного текста конструкциями с производными предлогами может быть обусловлено некорректно установленными отношениями между событиями в процессе развертывания пропозиций предложения. Последнее, в свою очередь, напрямую связано с ограничением на синонимическую замену предлога в рамках юридического дискурса, а также с тем, что степень

десемантизации производящей основы предлога может оказываться разной в разных контекстах, что обуславливает неодинаковое функционирование единицы и может приводить к игнорированию пропозиции, маркированной предлогом, в силу его восприятия реципиентом исключительно в качестве релятива. Данные положения нуждаются в экспериментальной проверке.

2.2.2.1 Декодирование текстов с производными предлогами (экспериментальное исследование)

Описание методики исследования

Цель настоящего исследования – проверить возможность неоднозначного декодирования конструкций с производными предлогами в законодательных текстах.

В эксперименте приняли участие 50 испытуемых в возрасте от 18–35 лет.

Из текстов действующих законов для эксперимента нами было отобрано 3 контекста, в которых предлог *вследствие* был употреблен в составе причастного оборота¹⁰ и с разными типами «правых» компонентов: 1) в сочетании с девербативом, нуждающимся в заполнении валентности («*Вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу потребителя вследствие необеспечения безопасности товара, подлежит возмещению*» (ст. 7, ФЗ «О защите...»)); 2) в сочетании с отглагольным существительным, способным самостоятельно называть действие («*Потребитель вправе потребовать также полного возмещения убытков, причиненных ему вследствие продажи товара ненадлежащего качества*» (ст.18, ФЗ «О защите...»)); 3) в сочетании с существительным, не обозначающим процесса («*Право требовать возмещения вреда, причиненного вследствие недостатков товара, признается за любым потерпевшим*» (ст. 14, ФЗ «О защите...»)). В связи с тем, что практически

¹⁰ Конструкции с причастными оборотами были выбраны в связи с тем, что в составе причастного оборота в небольшом фрагменте текста оказывается сосредоточено несколько пропозиций, не имеющих предикативного выражения, а следовательно, при разворачивании таких конструкций вероятность неоднозначного декодирования повышается.

любой законодательный текст включает в себя большое количество элементов, осложняющих его восприятие, перед включением в опросник из статей были вычленены только фрагменты конструкций, представляющие собой непосредственное (ближайшее) окружение производного предлога в объеме, необходимом для понимания минимального смысла. Таким образом мы пытались исключить случаи некорректного декодирования, которые были бы связаны с другими элементами текста и обусловлены действием иных механизмов снижения коммуникативно-прагматического потенциала.

Инструкция для респондентов была сформулирована следующим образом: *Объясните, как вы понимаете данные тексты. Постарайтесь максимально точно и подробно описать ваше понимание ситуации.* Респондентам также разрешалось писать любые мысли и комментарии, возникающие в процессе работы с текстами, однако это не ставилось в качестве обязательной задачи.

Анализ полученных данных

1) *Вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу потребителя вследствие необеспечения безопасности товара, подлежит возмещению»*

2) *«Потребитель вправе потребовать также полного возмещения убытков, причиненных ему вследствие продажи товара ненадлежащего качества»*

3) *«Право требовать возмещения вреда, причиненного вследствие недостатков товара, признается за любым потерпевшим».*

Доля реакций, искажающих содержание сообщения: предложение № 1 – 34%, предложение № 2 – 48%, предложение № 3 – 66%.

Полученные реакции в целом можно сгруппировать в три типа: 1) реакции в виде конструкции исходного предложения с изъятим предлогом и вынесением правого компонента предложно-именного сочетания в субъектную позицию (Напр, *Право требовать возмещения вреда, причиненного недостатками товара, признается за любым потерпевшим*), 2) реакции в виде условных предложений конструкции «Если... то» (Напр., *Если товар имеет недостатки,*

то потребитель вправе возмещения этого вреда), 3) разными вариантами преобразования исходного предложения с заменой предлога *вследствие* неизменяемым *из-за* (Напр., *Любой потерпевший может требовать возмещения вреда из-за недостатков товара*). Разумеется, имели место и единичные реакции других типов.

Реакции первого типа – конструкции исходного предложения с изъятым предлогом и вынесением правого компонента предложно-именного сочетания в субъектную позицию.

Итак, как видно из процентного соотношения, большинство некорректных реакций было получено на предложение №3. Варианты трансформации исходного контекста №3 демонстрируют утрату семантики причинно-следственной обусловленности, выраженной предлогом, а в некоторых случаях – и игнорирование пропозиции, маркированной им. Так, в предложении №3 законодатель постулирует право требовать возмещения любого вреда, обусловленного наличием у товара недостатков, то есть даже в случае, если вред причинен не самим этим товаром непосредственно. Следовательно, исходный вариант предложения предполагает такую последовательность событий: товар имеет недостатки – из-за недостатков потребитель сталкивается с какими-либо проблемами – эти проблемы наносят вред – вред должен быть возмещен (куплен неисправный автомобиль – осуществление предпринимательской деятельности невозможно – возникает ситуация упущенной выгоды (вред) – есть право требовать возмещения вреда).

Итак, в исходном варианте предложно-падежная синтаксема входит в состав причастного оборота: *Право требовать возмещения вреда, причиненного вследствие недостатков товара, признается за любым потерпевшим*. В трансформациях первого типа предлог исключается вообще, а его правый компонент выносится реципиентом в субъектную позицию, что выражается заменой формы родительного формой творительного падежа: *Право требовать возмещения вреда, причиненного недостатками товара / некачественным товаром* <...>. Такие преобразования, на наш взгляд, практически

продиктованы самой конструкцией исходного текста: реципиент, с одной стороны, сталкивается с непростой для понимания предложно-именной синтаксемой, с другой – с вполне знакомой ему конструкцией страдательного оборота (*вреда, причиненного (чем?) <...>*). Как следствие, происходит игнорирование предлога и «дистраивание» текста до типичной пассивной конструкции, вследствие чего правый компонент принимает форму творительного падежа. Следовательно, такая конструкция становится формально эквивалентной активной – «товар причинил вред», что и приводит к восприятию некачественного товара как непосредственного «участника» (субъекта) названной ситуации.

Однако если правым компонентом предлога является отглагольное существительное¹¹, способное самостоятельно называть действие, то трансформирование подобного предложения по описанной выше схеме затруднено (см. предложение 2), именно поэтому большинству реципиентов не удалось произвести следующую трансформацию: *причиненных вследствие продажи товара ненадлежащего качества = причиненных некачественным товаром*. Такой мене препятствовала семантика лексемы «продажа». Следовательно, читающий понимал, что вред, причиненный вследствие продажи \neq вред, причиненный некачественным товаром. Однако отметим, что некоторые испытуемые в качестве реакции на данный контекст указывали: «*то же самое, что и в (3)*», при этом реакция на предложение (3) данными испытуемыми была представлена в виде трансформации в пассивную конструкцию.

Несмотря на то что реципиенты не могли игнорировать пропозициональную семантику существительного и трансформировать конструкцию в пассивный оборот, почти половина испытуемых все же неверно поняла исходный контекст, представив свою интерпретацию в варианте условного предложения или осложненного другим причастным оборотом

¹¹ Для удобства описания в рамках данного параграфа отглагольным существительным называем лексему «продажа», девербативом – «необеспечение».

(данные трансформации будут описаны ниже). Иными словами, невозможность достраивания контекста до пассивной конструкции вследствие ясно ощутимой пропозициональной семантики существительного повлияла не на качество понимания текста, а на способ вербализации.

Контексты, где правым компонентом предлога является девербатив, нуждающийся в заполнении валентности (предложение 1), преобразовать по описанной выше схеме вообще практически невозможно. Девербативы в рассматриваемом контексте являются неполнозначительными образованиями, нуждающимися в заполнении валентности, что побуждает реципиента декодировать девербатив и следующее за ним существительное как комплексную единицу. Таким образом, в сознании читающего появляется связный компонент – предлог-девербатив-зависимое слово, что затрудняет возможность игнорирования хотя бы одной из единиц этой связки. Кроме того, «достраивание» контекста до пассивного оборота в случае с девербативом крайне затруднено, так как правый компонент предложно-именного сочетания должен занимать субъектную позицию, в которую не выносятся предикатная лексема. Подчеркнем, что невозможность преобразования сочетаний с девербативами в пассивный оборот не обеспечивает абсолютно верного прочтения текста. Нельзя также считать подобные конструкции более удобными для понимания, так как именно нерасчлененное единство предлога, девербатива и его условного актанта является одним из наиболее сложных для восприятия.

Реакции второго типа – реакции в виде условных предложений конструкции «Если... то».

Во многих реакциях, представленных в виде условных конструкций, также наблюдается трансформация смысла исходного предложения, непосредственно связанная с утратой семантики причинно-следственной обусловленности, выраженной предлогом, и игнорированием пропозиции, маркированной им.

Реакции¹²: Если товар имеет недостатки, то потребитель вправе возмещения этого вреда / Если товар был поврежден и у него есть недостатки, то человек имеет право требовать и получить возмещение вреда / Потерпевший имеет право требовать возмещение вреда, если товар с дефектом / Человек имеет право требовать возмещение, если он получил некачественный товар и др.

Итак, по большому счету, в основе подобных реакций лежит такое же понимание текста, что и в трансформациях первого типа. От реакций первой группы рассматриваемые предложения отличаются только способом представления информации. При этом один из респондентов, представивших подобную реакцию, в комментариях отмечает следующее: *«Причина и следствие, условия и оговорки выстроены не в линейном порядке»*. Данная ремарка иллюстрирует, что испытуемый в целом декодирует предложение как отражающее причинно-следственные отношения, однако он не может установить последовательность событий. Вероятно, наличие каузальных отношений в исходном тексте приводит к выбору реципиентом условной конструкции для вербализации понимания предложения, а затем уже выбранная форма руководит содержанием и, как следствие, расстановкой последовательности событий. А в связи с тем, что читающий изначально не обнаружил все пропозиции и не установил их взаимосвязь, за основу для построения собственного высказывания берется минимальная условная конструкция, соединяющая только две пропозиции. Такой подход к восприятию текста отчасти подтверждается комментарием другого испытуемого: *«В предложении есть отвлекающее слово «вследствие», оно будто заставляет усомниться в понимании и перечитать предложение несколько раз. Тем самым, для того, чтобы понять тот или иной текст закона, необходимо прочитать 2-3 раза и тогда мозг сам начинает выстраивать порядок мыслей, по возможности заменяя слова для понимания»*.

¹² Здесь и далее в примерах орфография и пунктуация авторов сохранены.

В реакциях на предложения, в которых правым компонентом предложно-именного сочетания было отглагольное существительное, семантика процесса, выраженная этим существительным, сохранялась, однако отношения причинно-следственной обусловленности были часто переданы неверно, а пропозиция, маркированная предлогом, утрачена: *Если потребителю продали плохой товар, то он может потребовать за это деньги / Если потребитель купил товар и обнаружил, что он ненадлежащего качества, то он вправе требовать возмещение средств и под.* Таким образом, в группе реакций с условными конструкциями все, что отличает трансформации предложений с правым непроцессуальным компонентом предлога от процессуального (отглагольного существительного), – отражение дополнительной пропозиции, маркированной этим существительным.

Наибольший интерес представляют трансформации предложений, в которых правым компонентом предлога является девербатив. В связи с тем, что в подобных контекстах, как было показано ранее, формируется неразрывное единство предлога, собственно девербатива и его актанта, реципиенту становится сложно игнорировать значения хотя бы одного из этих компонентов. В то же время именно в таких конструкциях предлог в большей степени грамматикализуется. Ср.: *причиненный вследствие недостатков товара и причиненный жизни вследствие необеспечения безопасности товара.* В первом случае предлог маркирует пропозицию, во втором – устанавливает причинно-следственные отношения между двумя пропозициями, одна из которых маркируется девербативом. Предлог, как следствие, в большей степени грамматикализуется, производящая его основа десемантизируется, хотя и не полностью. Это позволяет реципиенту верно декодировать отношения между частями предложения.

Итак, в реакциях на предложение с девербативом (1) наиболее часто (в сравнении с контекстами 2 и 3) были отражены все пропозиции, содержащиеся в тексте, а также верно обозначены причинно-следственные связи между событиями. Этому, вероятно, способствовало наличие в составе оборота лексем

с объектным значением: *вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу* <...>.

Интересно отметить, что многие интерпретации, формально построенные как правильные, точно передающие смысл исходного контекста, при более детальном изучении обнаруживают не до конца верное понимание предложения.

Ср. исходный контекст: *Вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу потребителя вследствие необеспечения безопасности товара, подлежит возмещению.*

Реакции: *Если из-за некачественного товара, пострадал покупатель, компания должна возместить ущерб / Если из-за товара плохого качества человек получил вред здоровью, то он может получить компенсацию за лечебные услуги и под.*

При первом прочтении реакций может действительно показаться, что они точно передают суть правовой нормы, однако обратим внимание на то, что в исходном тексте устанавливается зависимость между причинением вреда и необеспечением безопасности товара (= устанавливается ответственность за необеспечение), в реакциях же причинение вреда связывается с некачественным товаром. Очевидно, что некачественный / неисправный / небезопасный товар – понятия не равнозначные: некачественный товар вполне может быть безопасным, а неисправным товар становится не только в связи с необеспечением его безопасности. Таким образом, пропозициональные характеристики и предложное значение декодированы реципиентами верно, но полностью правильной интерпретации правовой нормы препятствуют другие осложнители законодательного текста. Испытуемые в комментариях к данному тексту отмечают: *«Нужно заменить «необеспечение безопасности».*

Кроме того, в отношении рассматриваемого контекста были получены реакции, содержание которых в бóльшей степени не соответствует исходному сообщению, а также такие, в которых одна из пропозиций все же утрачена: *Если безопасность товара нарушена, то потребитель вправе требовать*

возмещение / Когда человек замечает после покупки товара брак или вред, ему должны возместить стоимость / Покупатель имеет право требовать полное возмещение убытков в случае брака и др.

Реакции третьего типа – разные варианты преобразования исходного предложения с заменой предлога *вследствие* неизменяемым *из-за*.

Каждый (любой / все) потребитель и покупатель имеет право на возмещение вреда из-за недостатков товара и под. В данном варианте трансформаций также не отражена пропозиция, маркированная предлогом: большинство реципиентов, представивших подобные реакции, под вредом понимают собственно недостатки товара, а не какие-либо убытки, последовавшие за наличием недостатков. Данный тип реакций, вероятно, возникает потому, что реципиент для декодирования сообщения заменяет сложный для восприятия предлог *вследствие* неизменяемым *из-за*, и именно эта замена и приводит к утрате одной пропозиции в связи с потерей семантики производящей основы.

В результате экспериментального исследования нами получены следующие выводы.

1. Конструкции, содержащие производный предлог *вследствие*, понимаются неоднозначно. Доля реакций, искажающих содержание сообщения: предложение №1 – 34%, предложение №2 – 48%, предложение №3 – 66%.

2. Корректность декодирования сообщения зависит от контекстуального окружения предлога: в контекстах, где предлог употреблен в сочетании с отглагольным существительным (предложения №1 и №2), игнорирование пропозиции, маркированной этим существительным, затруднено по сравнению с текстом, где правым компонентом предлога является существительное, не выражающее действия (предложение №3).

Таким образом, в зависимости от лексического окружения предлога, а также от его положения внутри предложения конструкция с предлогом может быть более или менее доступной для корректного декодирования рядовым носителем языка.

Итак, проведенный анализ конструкций, содержащих производные предлоги, в целом позволяет сделать следующие выводы:

1) корректность декодирования контекстов с производными предлогами напрямую связана с возможностью развернуть все пропозиции текста и корректно установить отношения между ними;

2) установление отношений между событиями текста может осложняться скоплением предлогов, выражающих разные типы отношений; употреблением нескольких предлогов, конкретизирующих временные отношения вследствие чего затруднено определение установленных сроков; замена одного предлога другим в процессе декодирования текста и утратой части релевантных для юридического дискурса значений; игнорированием пропозиции, маркированной предложной единицей;

3) в зависимости от лексического окружения предлога, а также от его положения внутри предложения конструкция с предлогом может быть более или менее доступной для корректного декодирования рядовым носителем языка.

2.3. Синтаксическая неоднозначность в законодательном тексте

Как известно, потребность в максимально точном, детальном и полном изложении юридически значимой информации приводит к необходимости включения большого количества различных конструкций, осложняющих предложение и заметно увеличивающих их длину. В деловых текстах предложение «имеет тенденцию вырасти до целого абзаца, а то и страницы (слова начинают исчисляться в сотнях)» [Растамханова, 2018, с. 921].

Для деловых текстов типичны сложные (в особенности сложноподчиненные) предложения [Матвеева, 2012, с. 120]. Части сложного предложения тоже могут значительно распространяться, что приводит к заметному увеличению их длины. Также для текстов официально-делового стиля характерно функционирование осложненных простых предложений,

которые «часто несут в себе столько же информации, сколько обычно содержится в сложных предложениях» [Растамханова, 2018, с. 920].

В качестве осложнителей предложений в официально-деловом стиле выступают конструкции с однородными членами (нередко составляющие разные ряды), многочисленные обособленные обороты (в том числе причастные и деепричастные) [Федосюк, 2019], иногда вставные и даже вводные конструкции [Матвеева, 2012, с. 120].

Как отмечает Д. А. Савельев, длинные предложения (особенно включающие более чем 100 слов) «даже без дополнительного анализа можно назвать сложными и требующими возможного пересмотра» [Савельев, 2020, с. 57]. Очевидно, что адекватно декодировать подобные тексты сложно даже специалисту-юристу. Не случайно в «Методических рекомендациях по лингвистической экспертизе» [Крюкова, Крыжановская, 2013], опубликованных Государственной Думой, большое внимание уделено анализу сложных и осложненных предложений.

Между тем, в исследуемых нами законодательных текстах сложные и осложненные предложения большого объема встречаются достаточно часто. Логично предположить, что для адресата-неспециалиста декодирование таких синтаксических конструкций может вызывать трудности.

Рассмотрим предложения в текстах действующих законов РФ с точки зрения использования в них синтаксических конструкций, снижающих коммуникативно-прагматический потенциал текста.

Распространение предложения разными типами конструкций может обуславливать дистантное расположение грамматически связанных членов предложения, в результате чего осложняется декодирование сообщения в аспекте соотношения данных членов.

Ср.: «Указанная в пункте 1 настоящей статьи **информация** в наглядной и доступной форме **доводится** до сведения потребителей **при заключении договоров купли-продажи и договоров о выполнении работ (оказании услуг) способами, принятыми в отдельных сферах обслуживания потребителей, на**

русском языке, а дополнительно, по усмотрению изготовителя (исполнителя, продавца), на государственных языках субъектов Российской Федерации и родных языках народов Российской Федерации» (ст. 8, ФЗ «О защите...»).

А. Р. Лурия выделял три условия, при которых возможен процесс понимания речевого сообщения: 1) понимание отдельных слов; 2) понимание структуры целого предложения; 3) понимание целого сообщения [Лурия, 1979]. При этом очевидно, что если реципиенту понятны лексемы, входящие в состав предложения, но не ясны синтаксические связи между ними, корректное декодирование сообщения становится невозможным. Как видно из примера, основное содержание нормы – информация доводится при заключении договоров на русском языке принятыми способами + дополнительно на языках субъектов РФ – оказывается разделенным на дистантно расположенные фрагменты. Для корректного декодирования текста необходимо верно установить отношения между этими фрагментами (компонентами предложения), однако они становятся очевидными только при анализе предложения целиком. Анализ предложения целиком, в свою очередь, осложняется его объемом. А. Р. Лурия отмечал *особую* сложность понимания дистантных конструкций, особенно включающих в свой состав множественные отношения: «Требуется последовательный анализ такой дистантной конструкции с торможением импульсивно возникающих догадок и соотнесением далеко отстоящих элементов, чтобы ее значение стало однозначно понимаемым» [Лурия, 1979, с. 231-232]. Бóльшая сложность восприятия контекстов с дистантной межфразовой связью отмечается и в учебнике по психолингвистике В. П. Глухова [Глухов, 2005, с. 86]. Полагаем, что данное замечание должно быть справедливо не только по отношению к межфразовой связи, но и в отношении отдельных частей предложения.

А. Р. Лурия подчеркивал, что наибольшие трудности понимания вызывают конструкции с союзным словом «который»: «... тогда необходимы дополнительные операции, чтобы уточнить, к какому члену предложения относится связка «который» [Лурия, 1979, с. 231]. В исследовании

Д. А. Черновой было экспериментально доказано, что обработку конструкций может осложнять «дистантное расположение определяемого существительного и определения в постпозиции» [Чернова, 2015, с. 36], при этом подобные конструкции в нашем материале встречаются достаточно часто. Ср.:

1. *«**Требования** потребителя об уменьшении цены за выполненную работу (оказанную услугу), о возмещении расходов по устранению недостатков выполненной работы (оказанной услуги) своими силами или третьими лицами, а также о возврате уплаченной за работу (услугу) денежной суммы и возмещении убытков, причиненных в связи с отказом от исполнения договора, **предусмотренные** пунктом 1 статьи 28 и пунктами 1 и 4 статьи 29 настоящего Закона, подлежат удовлетворению в десятидневный срок со дня предъявления соответствующего требования»* (ст. 31, ФЗ «О защите...»);

2. *«Соглашение действует в отношении: <...> **работодателей**, не являющихся членами объединения работодателей, заключившего соглашение, **которые** уполномочили указанное объединение от их имени участвовать в коллективных переговорах и заключить соглашение либо присоединились к соглашению после его заключения»* (ст. 48, Трудовой кодекс РФ);

3. *«При этом недостающие **сведения** вносятся непосредственно в текст трудового договора, а недостающие **условия** определяются **приложением** к трудовому договору либо **отдельным соглашением** сторон, **заключаемым** в письменной форме, **которые** являются неотъемлемой частью трудового договора <...>»* (условия, которые / приложение и соглашение, которые) (ст. 57, Трудовой кодекс РФ) и др.

Как видно из примера 3, возможность неправильного соотнесения определения и определяющей конструкции может быть обусловлена не только разделением данных компонентов другими распространителями, но и особенностями согласования лексем.

Часть, присоединяемая лексемой «которые», может быть соотнесена как с существительными «сведения» и «условия» (*сведения / условия, которые*

являются неотъемлемой частью договора), так и с рассмотренными выше однородными членами (определяются приложением и соглашением, которые являются неотъемлемой частью договора), причем поскольку от первой пары слов эти компоненты значительно отдалены, кажется гораздо более вероятным соотнести местоимение с «близкими» элементами – «приложение» и «соглашение». Однако с точки зрения логики, уместно было бы связывать определительную часть с «дальними» компонентами – недостающими сведениями и условиями. В любом случае, быть полностью уверенными в правильном соотношении рассматриваемых элементов друг с другом без обращения к дополнительным источникам нельзя.

Ср.: *«Исполнитель имеет право требовать **увеличения** твердой сметы при **существенном возрастании** стоимости материалов и оборудования, предоставляемых исполнителем, а также оказываемых ему третьими лицами услуг, **которое** нельзя было предусмотреть при заключении договора. При отказе потребителя выполнить это требование исполнитель вправе расторгнуть договор в судебном порядке» (ст. 33, ФЗ «О защите...»).*

Определительное придаточное может быть соотнесено с компонентом «увеличение» (требовать увеличения сметы, которое нельзя было предусмотреть) или «возрастание» (существенное возрастание стоимости, которое нельзя было предусмотреть).

Ср.: *«Туроператоры, турагенты, организации, индивидуальные предприниматели, **физические лица, применяющие специальный налоговый режим, которые** осуществляют экскурсионное обслуживание, в случаях и порядке, которые определены частью второй настоящей статьи, обязаны соблюдать установленные требования к туристским маршрутам и порядку организации их прохождения несовершеннолетними туристами, являющимися членами организованной группы несовершеннолетних туристов, а также порядок уведомления уполномоченных органов государственной власти о месте, сроках и длительности прохождения таких маршрутов» (ст. 14, ФЗ «Об основах туристской деятельности в РФ»).*

Контекст может вызывать вопросы с точки зрения соотнесенности определительных конструкций (определение, выраженное причастным оборотом и определительное придаточное) со всем рядом однородных членов или только последним компонентом: *физические лица, применяющие специальный налоговый режим и осуществляющие экскурсионное обслуживание / туроператоры, турагенты, организации, индивидуальные предприниматели и физические лица – все применяют специальный налоговый режим, все осуществляют экскурсионное обслуживание*. Обратим внимание на то, что в данном предложении возможность двойной соотнесенности компонентов не обусловлена дистантным расположением членов предложения.

Ср.: «*Наймодатель обязан **осуществлять** надлежащую эксплуатацию жилого дома, в котором находится сданное внаем жилое помещение, **предоставлять** или **обеспечивать** предоставление нанимателю за плату необходимых коммунальных услуг <...>*» (ст. 676, Гражданский кодекс РФ)

С репрезентацией пропозициональных значений непредикативными единицами связана возможность отнесения к разным смысловым частям компонента «за плату»: 1) наймодатель за плату предоставляет или обеспечивает предоставление коммунальных услуг (то есть ему *отдельно* оплачивают); 2) наймодатель обеспечивает предоставление коммунальных услуг, которые оплачивает наниматель. В процессе «сворачивания» пропозиции и репрезентации ее предложно-падежной формой «за плату» утрачивается четкая и однозначная связь падежной формы и компонента с субъектным значением. На роль субъекта в данном случае могут претендовать два лица – наймодатель и наниматель, причем реальный субъект (наниматель) обозначен существительным в форме дательного падежа со значением получателя услуг, а компонент «за плату», в то же время, достаточно гармонично сочетается с предикатами «обязан предоставлять [за плату]» и «обязан обеспечивать [за плату]», субъектом для которых является наймодатель. Таким образом, отсутствие четкой, материально выраженной связи с субъектом пропозиции приводит к возможности разной интерпретации сообщения.

Ср.: «В случае, если в день прекращения трудового договора выдать работнику **трудовую книжку** или **предоставить сведения** о трудовой деятельности у данного работодателя невозможно в связи с отсутствием работника либо его отказом от их получения, **работодатель обязан направить работнику уведомление** о необходимости **явиться** за трудовой книжкой **либо дать согласие** на отправку ее по почте или **направить работнику по почте заказным письмом с уведомлением сведения** о трудовой деятельности за период работы у данного работодателя на бумажном носителе, заверенные надлежащим образом» (ст. 84.1, Трудовой кодекс РФ).

В данном примере неоднозначная интерпретация возможна в двух фрагментах: 1) местоимение множественного числа **их** может быть соотнесено как с ближайшим существительным **сведения**, так и с двумя существительными – **трудовую книжку** и **сведения** – одновременно; 2) словосочетание **дать согласие** может включаться как в ряд однородных членов **работодатель обязан направить... либо дать согласие**, так и в другой ряд однородных членов – **о необходимости явиться...либо дать согласие**, что обуславливает появление вариантов интерпретации: **работодатель обязан направить уведомление либо дать согласие / работник должен явиться либо дать согласие на отправку по почте**.

Значительный объем предложений в законодательных текстах, а также осложнение разными типами конструкций обуславливает появление в рамках одного предложения сразу нескольких элементов, снижающих коммуникативно-прагматический потенциал.

Ср.: «На основании **отраслевого (межотраслевого) соглашения и коллективных договоров, а также письменного согласия работника, оформленного путем заключения отдельного соглашения к трудовому договору, часть** ежегодного дополнительного оплачиваемого отпуска, которая превышает минимальную продолжительность данного отпуска, установленную частью второй настоящей статьи, **может быть заменена** отдельно устанавливаемой денежной компенсацией **в порядке, в размерах и на**

условиях, которые установлены отраслевым (межотраслевым) соглашением и коллективными договорами» (ст. 92, Трудовой кодекс РФ).

В приведенном контексте, во-первых, возможна двойная соотнесенность причастного оборота: *согласия, оформленного путем заключения отдельного соглашения / работника, оформленного путем заключения отдельного соглашения*. Второй вариант согласования хотя и нетипичен для других дискурсов, однако встречается в деловом дискурсе. Ср.: *«Как оформить работника в ИП официально: пошаговая инструкция»* [kdelu.vtb.ru, 22.08.2024]. Во-вторых, наблюдаем дистантное расположение подлежащего и сказуемого: *часть <...> может быть заменена*.

Итак, на синтаксическом уровне сложность восприятия законодательных текстов обусловлена стремлением к максимально подробному, с одной стороны, и как можно более компактному изложению информации – с другой. В результате взаимодействия этих двух противоречивых тенденций функционирующие в законах предложения, во-первых, обычно значительно длиннее, чем в текстах других стилей, во-вторых, осложнены различного рода конструкциями (в том числе одновременно несколькими), в-третьих, полипропозитивны, причем количество пропозиций может значительно превышать количество предикаций. Все это приводит к тому, что предложения становятся не только содержательно насыщенными, но и достаточно громоздкими, а потому их целостное восприятие становится практически невозможным. В случае разрыва непосредственно связанных между собой конструкций различными осложняющими оборотами или в контекстах, где один элемент может быть отнесен сразу к нескольким конструкциям, вероятность неоднозначной интерпретации текста значительно возрастает.

Выводы по главе 2

1. При декодировании законодательного текста адресатом-неспециалистом снижение коммуникативно-прагматического потенциала текста

может быть обусловлено употреблением языковых единиц различных уровней, нарушающих стилевую доминанту данных текстов – требование однозначности толкования. На лексическом уровне к таким единицам относятся: а) *термины*; б) *семантически неопределенные лексемы и оценочные понятия*; в) *синтагмы с несвойственной естественному языку сочетаемостью*. На морфологическом уровне: а) *отглагольные существительные*, б) *производные предлоги*. На синтаксическом уровне – предложения большого объема. Помимо внутриязыковых факторов, влияние оказывают и экстралингвистические факторы – отсутствие у адресата-неспециалиста фоновых знаний и навыка декодирования законодательных текстов.

2. Термины, функционирующие в законодательных текстах, регламентирующих взаимодействие неспециалистов, неоднородны по своей природе и отличаются с точки зрения механизмов снижения коммуникативно-прагматического потенциала. Утрата релевантных для юридического дискурса смыслов в процессе декодирования текста, содержащего термин, взаимодействующий с естественным языком, может быть обусловлена: 1) ориентацией на общеупотребительное значение слова вследствие неразличения общеупотребительной и специальной лексической единицы; 2) декодированием термина путем раскрытия внутренней формы и / или с опорой на словообразовательную структуру единицы. Некорректное декодирование термина, изолированного от естественного языка, связано с его функционированием в качестве неочевидной гиперссылки, которую реципиент может вообще не воспринимать как таковую и не обратиться к дополнительному источнику дефиниции или воспользоваться нерелевантным источником.

3. Снижение коммуникативно-прагматического потенциала законодательного текста семантически неопределенными лексемами и оценочными понятиями обусловлено отсутствием четко заданных границ интерпретационного пространства данных единиц. Контексты, содержащие семантически неопределенные лексемы и оценочные понятия, понимаются

неоднозначно, при интерпретации имеет место субъективизм; в контекстах, где оценочное понятие употреблено с какими-либо конкретизаторами, семантика оценочной лексемы может игнорироваться в пользу семантически определенных единиц.

4. Синтагмы с нетипичной для естественного языка сочетаемостью не могут быть корректно декодированы с опорой только на языковую компетенцию, так как в состав таких синтагм преимущественно включаются терминологические лексемы, объединенные в комплексы по правилам, неизвестным адресату-неспециалисту, в связи с чем контекст не способен выполнить функцию актуализации релевантных для конкретного текста семантических и грамматических значений.

5. Снижение коммуникативно-прагматического потенциала отглагольными существительными обусловлено использованием конструкций, декодирование которых предполагает их трансформацию. В процессе развертывания пропозиций, маркированных отглагольными существительными, некорректное декодирование может быть связано с выбором для оформления пропозиции неправильного предиката в аспекте актуализации глагольных категорий; установлением неверных отношений между событиями полипропозитивного предложения и подбором неточных (некорректных) средств вербализации этих отношений; неправильной актуализацией процессуального или предметного компонента значения у отглагольных существительных, совпадающих по форме, но различающихся значением. Сложность декодирования контекстов с отрицательными отглагольными существительными обуславливается их структурной и семантической сложностью при сохранении механизмов снижения коммуникативно-прагматического потенциала текста, характерных для всех отглагольных существительных.

6. Корректность декодирования контекстов с производными предлогами напрямую связана с возможностью развернуть все пропозиции текста и корректно установить отношения между ними, при этом некорректное

декодирование может быть обусловлено ошибками, допущенными в процессе развертывания пропозиций, в следующих случаях: при скоплении в тексте предлогов, выражающих разные типы отношений; игнорированием пропозиции, маркированной предлогом; заменой одного предлога другим той же группы и утратой части релевантных для юридического дискурса значений. Конструкции с предлогами могут быть более или менее доступными для корректного декодирования в зависимости от лексического окружения предлога и его положения внутри предложения.

7. На синтаксическом уровне законодательные тексты характеризуются предложениями большого объема. Снижение коммуникативно-прагматического потенциала текста может быть обусловлено дистантным расположением грамматически связанных членов предложения, а также возможностью двойной соотнесенности компонентов предложения (ситуации, при которых один и тот же элемент может рассматриваться как компонент разных конструкций).

ГЛАВА 3. КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СТРУКТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ТЕКСТА

Как справедливо отмечает Н. Д. Голев, «лингвисты хорошо знают, что общий смысл текста как целостной системы неизбежно влияет на каждый его элемент, что общий смысл любого текста (в частности, его интенция, в юридическом тексте – идея и воля законодателя) не выводится из суммы смыслов его частей и что сам текст входит в более общий контекст и в более общие внешние по отношению к нему системы. Это означает, что в любой системе у элементов формируются специфические значимости, формируемые внутренними отношениями всех элементов» [Голев, 2004, с. 46]. Таким образом, для описания коммуникативно-прагматического потенциала юридического (законодательного) текста необходим его анализ с точки зрения структурной организации, включая отдельное исследование надтекстовых единиц.

Прагматическая роль структурных элементов законодательного текста для неспециалиста определяется тем, что, во-первых, обращение неспециалиста к законодательным текстам носит спорадический характер (по необходимости), при этом для адресата значимы только отдельные фрагменты законодательного текста, регламентирующие интересующую его ситуацию, во-вторых, у адресата отсутствуют фоновые юридические знания. В связи с этим корректное декодирование законодательного текста для неспециалиста обусловлено *информативным* потенциалом ряда структурных элементов текста.

В результате анализа законодательных текстов, составляющих материал настоящего исследования, нами были отобраны те структурные элементы, которые обуславливают снижение коммуникативно-прагматического потенциала в связи с их низкой информативностью для неспециалиста. Такими элементами являются заголовки и внутритекстовые ссылки.

3.1. Заголовки в законодательных текстах: реализация навигационной функции

Поскольку реципиент-неспециалист обращается к законодательному тексту спорадически, для решения определенной проблемы, его знакомство с текстом начинается с обзора заглавий структурных элементов закона (преимущественно статей) и параллельной квалификации каждого элемента как релевантного/нерелевантного для реципиента в настоящий момент. Таким образом, от качества заголовка (в первую очередь – его информативности) зависит успешность реализации им навигационной функции, а следовательно, и корректность декодирования текста в целом.

Наиболее популярные на сегодняшний день правовые интернет-ресурсы – «Гарант», «Консультант» и некот. др. – предлагают реципиенту перечень заглавий (содержание) закона для первичного ознакомления, выбора интересующей статьи, доступ к тексту которой открывается посредством нажатия на ее название (активирования электронной гиперссылки). Таким образом, элементом, первоначально доступным пользователю, являются именно заглавия разделов (частей, глав, статей). При этом представляется вероятным, что на сегодняшний день большинство реципиентов-неспециалистов используют именно электронные версии законодательных текстов, следовательно, можно говорить о том, что роль заголовков в реализации коммуникативно-прагматического потенциала текста повышается.

В научной литературе вопросы, связанные с особенностями функционирования заголовков в официально-деловых текстах в целом, не получили должного освещения. Заглавия юридических, а тем более законодательных текстов остаются практически неизученными, несмотря на значительно увеличившееся количество публикаций, поднимающих вопросы интерпретации и понимания правового текста.

Традиционно заголовки рассматриваются в литературе с двух позиций: как часть основного текста (его сильная позиция) или как относительно самостоятельный элемент. До сих пор нет однозначного ответа на вопрос, в каких отношениях друг с другом находятся заглавие и текст и насколько полнозначным сообщением является заголовок. Вероятно, в действительности заглавие имеет двойственную природу и, являясь непосредственной составляющей целого текста, функционирует как самостоятельная единица.

Согласно определению И. Р. Гальперина, заголовок – это «компрессированное, нераскрытое содержание текста <...> Название можно метафорически изобразить в виде закрученной пружины, раскрывающей свои возможности в процессе развертывания» [Гальперин, 2007, с. 133]. Т. А. Филоненко отмечает, что «заголовок выражает основную идею текста, направляет внимание адресата на перспективное изложение идей и задает определенные рамки такому изложению» [Филоненко, 2008, с. 291] и др. Таким образом, прагматическая функция заголовка состоит в том, что заголовок всегда ориентирован на адресата и призван помочь ему ориентироваться в тексте.

В целом природа заголовка и его функции в значительной степени определяются стилистической и жанровой принадлежностью текста: очевидна разница в отношениях «заголовок – текст» в художественных произведениях, заглавие которых работает на раскрытие их идеи или темы (хотя при этом может и вовсе отсутствовать), и в текстах, принадлежащих официально-деловому стилю, где «заголовок может реализоваться только как вариантный текст» [Трубникова, 2010, с. 121]. Среди универсальных функций заголовков (в меньшей степени зависящих от стилевой и жанровой принадлежности текста) выделяют номинативную, информативную, графически-выделительную, экспрессивно-апеллятивную и рекламную [Дружинская, 2018, с. 40]. При этом существует достаточно большое количество классификаций, в которых выделяются и другие присущие заголовкам функции. Достаточно подробный обзор работ, посвященных данной проблеме, приводится в статье З. Р. Гариповой [Гарипова, 2011].

В заглавиях закона очевидно не реализуются рекламная и оценочно-экспрессивная функции, так как авторитетность данных текстов, общеобязательность выполнения изложенных в них норм не порождают необходимости бороться за внимание читателя. При этом в зависимости от этапов знакомства реципиента с конкретным документом можно выделить основные задачи и функции заголовков законодательных текстов.

При первом прочтении закона основная задача заглавий заключается в том, чтобы помочь адресату сориентироваться внутри текста, а также предоставить информацию, достаточную для принятия читателем решения об ознакомлении с тем или иным фрагментом. Вся совокупность заглавий одного закона (его содержание) представляет собой некий тезисный план текста, поэтому обзор заголовков, с которого обычно и начинается знакомство с законом, должен дать реципиенту представление о существующих нормах права, фактически установить их в сознании читателя. Другими словами, видя заголовок «Право на медицинскую помощь», реципиент должен понимать, что у него это право есть, причем понимать даже в том случае, если он не откроет сам озаглавленный текст.

Таким образом, важнейшими для данной категории текстов мы считаем номинативную, информативную и композиционную функции, а в качестве ведущей выделяем функцию навигационную, так как заголовки отдельных разделов закона (наряду с внутритекстовыми гиперссылками) обеспечивают передвижение между частями текста.

Для того чтобы навигационная функция была в полной мере реализована, заголовок должен: а) выражать категорию адресата сообщения (обеспечивать быструю разметку текста по параметру «для меня» / «для специалиста», таким образом выделяя круг текстов, требующих более внимательного прочтения); б) быть достаточно кратким (даже при беглом просмотре содержания предоставлять возможность оценить текст как релевантный/нерелевантный в конкретной ситуации); в) быть информативным, то есть способным

транслировать основное содержание текста, а также предоставлять информацию, достаточную для понимания правовой нормы.

В дальнейшем анализ проводится на материале заглавий ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», однако разработанная в результате типология может считаться универсальной: по нашим наблюдениям, выделенные типы заглавий встречаются во всех законодательных текстах нашего материала. Анализ заглавий (содержания) закона позволил выделить несколько отдельных групп заголовков, отличающихся: а) степенью обобщенности транслируемой информации; б) качеством передаваемой информации (в данном случае – возможностью предоставить правовые данные без раскрытия полного текста); в) степенью зависимости от основного (озаглавленного) текста.

Проиллюстрируем это положение несколькими примерами.

1. Заголовок *статьи 3. Законодательство в сфере охраны здоровья* не транслирует какую-либо специфическую юридическую информацию, не может выступать в качестве самостоятельного правового знака, тесно связан с основным текстом и вне этой связи вообще не имеет смысла. Данное заглавие выражает только тему той части текста, к которой оно относится, и в этом отношении ничем не отличается от заголовков, функционирующих в других типах текстов. (Ср.: «Российское законодательство в сфере противодействия коррупции» [Аванесян, 2013] – название научной статьи). Таким образом, подобные заголовки не принадлежат области исключительно законодательных текстов, соотносятся с данной сферой только тематически, что выражается лексемами с правовой семантикой («законодательство»), а следовательно, не могут рассматриваться как специфические явления в рамках законодательного дискурса. Подобные названия было бы более уместным характеризовать как заголовки, функционирующие в законодательном тексте, но собственно законодательными такие заглавия считать нельзя. Следует также отметить, что такого рода заголовки обычно употребляются в разделах, связанных с вводными или заключительными положениями, то есть в тех частях закона,

которые в целом имеют общие черты с другими типами текстов (в частности – с научными).

2. Заголовок статьи 21. *Выбор врача и медицинской организации* является совершенно иным по своей природе Декодирование данного сообщения как части законодательного дискурса в целом (конкретного закона – в частности) осуществляется как минимум так: «Выбор врача и медицинской организации должен быть» (= «Имею право на выбор...»). Из этого следует, что данный заголовок способен транслировать часть правовой информации даже без раскрытия полного текста. Следовательно, подобные заголовки можно рассматривать как отдельный микротекст, «код» какой-либо правовой информации, которая имплицитно представлена в нем полностью (развернутое заглавие равно тексту статьи) или частично (развернутое заглавие дает доступ только к части данных, содержащихся в основном тексте). Именно такие заголовки мы будем считать собственно законодательными.

3. Заголовок статьи 39 «*Лечебное питание*», с одной стороны, является самым обычным номинативным заглавием, отражающим основную тему сообщения. Подобные названия являются одними из самых распространенных в любых типах текстов. Однако в рамках законодательного дискурса было бы неправильным интерпретировать данный заголовок как относительно самостоятельную единицу. Если бы подобное заглавие предваряло, например, публицистический текст, то, действительно, для реципиента оно служило бы сигналом того, о чем пойдет речь в последующем сообщении, то есть выносило бы основную тему текста в его сильную позицию. Очевидно, что в законе не может просто вестись рассказ о лечебном питании, – должны отмечаться какие-либо правовые аспекты, связанные с данным явлением. В то же время такой заголовок не разворачивается в текст по типу «Лечебное питание должно быть», «Каждый имеет право на лечебное питание» и т. п. Однако если учесть, что данная статья наряду с другими входит в состав главы «*Организация охраны здоровья*», то соотношение названий этих двух единиц (главы и отдельной статьи) может позволить декодировать сообщение как «Охрана здоровья

подразумевает организацию лечебного питания» (= «Лечебное питание должно быть организовано в целях охраны здоровья»). Кроме того, в таком контексте у заглавия «Лечебное питание» появляются дополнительные смыслы: что такое лечебное питание с точки зрения закона (на уровне заголовка прогнозируется наличие дефиниции в основном тексте); как оно должно быть организовано (прогнозируется собственно описание особенностей процесса его организации). Таким образом, рассмотренное заглавие также несет в себе сжатую, закодированную специфическую юридическую информацию, которая раскрывается лишь посредством декодирования данного названия как составного элемента единицы более крупного уровня. Здесь же отметим, что рассмотренные ранее заголовки («Законодательство в сфере охраны здоровья», «Выбор врача и медицинской организации») не обнаруживают такой тесной связи с заглавием раздела, в который они включены, а потому соотношение «заголовок раздела (главы) – заголовок статьи» не анализировалось в отношении данных единиц.

Итак, из всего вышесказанного можно заключить, что: а) в законодательных текстах функционируют разные по своей природе заголовки; б) лишь часть заглавий закона имеет специфические черты, свойственные только данному виду текстов, и, как следствие, могут считаться особым типом заголовков; в) собственно законодательные заголовки – это своеобразные заголовки-микротексты, являющиеся относительно самостоятельными структурными единицами закона.

Собственно законодательные заголовки представляют собой достаточно устойчивый тип наименований, обладающих специфическими чертами. В результате проведенного анализа нами было выделено несколько типов таких заголовков.

1. Заголовки с нулевым показателем модальности.

Как известно, закон является репрезентантом деонтической модальности (модальности долженствования), которую в целом понимают как «характеристику практического действия с точки зрения определенной системы

норм» [Ивин, 1997, с. 80]. Мы полагаем, что общая модальность текста должна выражаться и на уровне заголовков, несмотря на то что традиционно заголовкам как непредикативным единицам отказывается в способности транслировать модальные значения.

Рассмотрим группу заголовков, укладывающихся в схему «Право кого-либо на что-либо / в какой-либо сфере»: «Право на охрану здоровья», «Право на медицинскую помощь» (субъект – носитель прав – назван в заголовке раздела, в состав которого входят данные главы: «Права и обязанности граждан в сфере охраны здоровья»), «Права работников, занятых на отдельных видах работ, на охрану здоровья» и подобные.

Поскольку в целом юридический дискурс обладает перформативными свойствами, а текст закона способен установить ту или иную правовую норму, данные номинативные заглавия можно рассматривать как имеющие имплицитную предикативность: «Граждане имеют право на медицинскую помощь» («У граждан есть (=должно быть) право...»). Более того, именно в такое предложение и развернуто данное заглавие в тексте статьи. Ср.: «Каждый имеет право на медицинскую помощь» (ст. 19). В тексте заголовка предикативность свернута, однако она легко восстанавливается за счет контекста (употребления в тексте закона) и известной реципиенту валентности («иметь право»).

Таким образом, подобные заглавия репрезентируют значение деонтической возможности, под которой понимается «возможность действий некоторого Агенса, утверждаемая морально или социально ответственным субъектом или институцией» [Падучева 2016, с. 67].

В рассматриваемом законе использованы и другие заголовки, в которых определенные лексемы выражают значение деонтической необходимости. Напр.: «Обязанности граждан в сфере охраны здоровья», «Недопустимость отказа в оказании медицинской помощи», «Ответственность органов государственной власти и органов местного самоуправления, должностных лиц организаций за обеспечение прав граждан в сфере охраны здоровья» и т. п. В

приведенных примерах модальные значения переданы, в первую очередь, существительными – синтаксическими дериватами, соотносительными с соответствующими глаголами, прилагательными, которые являются первичными специализированными показателями модальности [Александрова, 2008, с. 47].

Поскольку формально все «модальные» заголовки представлены как номинативные (в связи со «свернутой» предикативностью), есть основания говорить о наличии в данной позиции нулевого показателя деонтической модальности (ср. «нулевая связка»).

Таким образом, несмотря на то что традиционно заглавия рассматриваются как непредикативные единицы, вследствие чего лишённые модальности, в ряде законодательных заголовков данные категории могут быть выражены имплицитно или даже эксплицитно.

2. Модальные заголовки с семантикой процессуальности, выраженной отглагольным существительным: «Организация охраны здоровья», «Соблюдение врачебной тайны», «Оплата медицинских услуг» и т. п.

Отметим, что бóльшая часть отглагольных существительных, используемых в заголовках рассматриваемого ФЗ, является синтаксическими дериватами транспозиционного типа с суффиксальным формантом -(е)ние, который в целом и придает значение процесса (соблюдение, применение, урегулирование, оказание, определение, проведение и т. п.). Используются и отглагольные образования на -ация (организация (охраны здоровья), ликвидация), а также слова, образованные бессуффиксным способом, то есть путем усечения глагольной основы: передача, оплата и т. п. Все это производные слова, сохраняющие значения мотивирующего глагола.

При этом многие заголовки с отглагольными существительными тоже являются выразителями модальных значений, однако, на наш взгляд, в подобных названиях все же в первую очередь актуализируются процессуальные значения, в то время как модальные являются добавочными. Так, в заголовке «Соблюдение врачебной тайны» первое существительное, семантика которого

одновременно несет модальное и процессуальное значения, позволяет прогнозировать содержание озаглавленного текста как описание особенностей соответствующего процесса, т. е. как, каким образом соблюдается врачебная тайна, какие нормативные аспекты ее соблюдения есть. И, разумеется, из всего этого следует, что она (тайна) вообще должна быть.

3. Собственно номинативные заголовки, модальность которых устанавливается в соотношении с заголовками более крупного уровня.

К данной группе относятся названия статей, обычно состоящие из сочетания «существительное + прилагательное» или «существительное + существительное» (реже). Ранее нами уже был рассмотрен заголовок, входящий в данную группу – «Лечебное питание». В качестве еще одного примера можно привести заголовок «Народная медицина» (входит в главу «Организация охраны здоровья»). Соотношение названий данных единиц текста позволяет декодировать заголовок статьи как «Охрана здоровья может обеспечиваться народной медициной».

Напротив, в названии статьи «Лечащий врач», входящей в раздел «Медицинские работники и фармацевтические работники, медицинские организации», не удастся выделить модальных значений, а следовательно, данный заголовок уместно было бы отнести к типовым (несобственно законодательным).

Группа собственно номинативных заголовков является, на наш взгляд, наиболее спорной, так как, во-первых, очевидна сложность дифференциации законодательных заголовков и заголовков, функционирующих в законодательном тексте (типовых названий, используемых в разных типах дискурса), при их визуальном и формальном сходстве. Во-вторых, нельзя утверждать, что реципиент действительно соотносит в своем сознании заголовок статьи и название более крупного раздела, декодируя таким образом модальные значения.

Таким образом, собственно законодательные заголовки являются одним из эффективных инструментов навигации внутри юридического

(неэлектронного) гипертекста, однако заголовки данного типа представляют собой лишь часть названий, используемых адресантом закона. Нередко в законодательных текстах употребляются заглавия, которые сами по себе не несут специфической юридической информации, вынося в сильную позицию только общую тематику статьи («Рождение ребенка», «Лечащий врач» (ФЗ «Об основах охраны здоровья...»), «Ассортимент товаров», «Комплект товаров», «Субабонент» (Гражданский кодекс РФ) и под.), такие заголовки не позволяют однозначно установить наличие в них необходимой реципиенту информации, а следовательно, неэффективно реализуют навигационную функцию и снижают коммуникативно-прагматический потенциал текста.

Итак, в настоящий момент мы можем констатировать, что в текстах законов функционируют разные по своей природе заголовки и лишь часть из них может считаться особым типом законодательных заглавий, которые мы на сегодняшний день характеризуем как микротексты с правовой семантикой, являющиеся относительно самостоятельными элементами законодательного дискурса, служащие «кодом» специфической юридической информации и, как следствие, выражающие те или иные значения деонтической модальности. Из этого следует, что к собственно законодательным мы можем отнести заголовки с нулевым показателем модальности, а также модальные заголовки с семантикой процессуальности, выраженной отглагольным существительным. Вопрос о номинативных, а также о других возможных разновидностях законодательных заглавий нуждается в дальнейшем исследовании и в привлечении дополнительного материала.

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

1. Заголовок – одно из наиболее важных средств реализации коммуникативно-прагматического потенциала текста: от качества заголовка (в первую очередь – его информативности) зависит успешность реализации им навигационной функции, а следовательно, корректность выбора фрагмента

закона для урегулирования ситуации, послужившей основанием для обращения неспециалиста к тексту.

2. Заголовки, функционирующие в законодательных текстах, неоднородны; специфическими чертами, свойственными только данной группе текстов, обладает лишь часть заглавий – собственно законодательные заголовки, которые определяются как микротексты с правовой семантикой, являющиеся относительно самостоятельными элементами законодательного дискурса, служащие «кодом» специфической юридической информации и, как следствие, выражающие те или иные значения деонтической модальности.

3. Представляется возможным выделять как минимум три типа собственно законодательных заголовков: 1) заголовки с нулевым показателем модальности, которые могут быть однозначно развернуты в соответствующую предикативную конструкцию с экспликацией модальных значений; 2) модальные заголовки с семантикой процессуальности, выраженной отглагольным существительным, позволяющие прогнозировать содержание озаглавленного текста как описание особенностей соответствующего процесса, из чего следует, что предполагаемый процесс вообще должен быть; 3) собственно номинативные заголовки, модальность которых устанавливается в соотношении с заголовками более крупного уровня.

4. Эффективным средством реализации навигационной функции являются собственно законодательные заголовки, так как каждый такой заголовок транслирует часть правовой информации без раскрытия полного текста, а следовательно, они эффективно обеспечивают навигацию внутри документа.

5. Заголовки, которые не несут на себе специфической юридической информации и выносят в сильную позицию только общую тематику статьи, неэффективно реализуют навигационную функцию, как следствие, снижают коммуникативно-прагматический потенциал.

3.2. Гипертекстовая структура законодательного текста как фактор снижения его информативности

3.2.1. Законодательный текст как гипертекст

В наших работах [Шарафутдинова, Поповская, 2020; Поповская, 2021а, 2021б и др.] неоднократно отмечалась необходимость анализа законодательного текста в категориях гипертекста. Очевидно, что правовой текст как совокупность всех описанных норм, установленных и охраняемых государством, представляет собой сложный феномен, не укладывающийся в рамки линейного текста. Строго говоря, даже широких возможностей гипертекста иногда оказывается недостаточно для передачи сложной правовой информации. Доказательством этому могут служить такие элементы законов, которые лишь «намекают» на возможное продолжение сообщения (ср.: *если иное не предусмотрено законом / при наличии особых обстоятельств (беременности, рождения ребенка, непосредственной угрозы жизни одной из сторон и других особых обстоятельств)* и под.).

На сегодняшний день гипертекст изучается в различных аспектах (Е. В. Зыкова [Зыкова, 2006], О. В. Дедова [Дедова, 2006], Т. И. Рязанцева [Рязанцева, 2010], Ю. И. Злобина [Злобина, 2011], С. Н. Чижикова [Чижикова, 2012], М. В. Минеева [Минеева, 2017], С. А. Стройков [Стройков, 2024] и др.). Наиболее заметны отличия в подходе к проблеме гипертекста с точки зрения информационных технологий и с позиций лингвистики.

Присутствие термина в нескольких терминологических парадигмах, а также многообразие подходов к изучению гипертекста, реализуемых в рамках лингвистической науки, обуславливает существование большого числа разнообразных дефиниций и одновременно осложняет определение его специфики.

Так, Е. В. Зыкова рассматривает гипертекст как «форму представления информации, при которой кодирование и раскодирование смысла выходит за

пределы содержания отдельно взятой информационной единицы, оказывается зависимым от нелинейных парадигматических и синтагматических отношений, устанавливаемых как автором, так и читателем» [Зыкова, 2006, с. 6], Т. И. Рязанцева под гипертекстом понимает «особый вид письменной коммуникации, особую форму организации письменного текста, опосредованную компьютерной средой и характеризующуюся процессом нелинейного письма и чтения» [Рязанцева, 2019, с. 327], в «Словаре культуры XX века» В. П. Руднева гипертекст характеризуется как «текст, устроенный таким образом, что он превращается в систему, иерархию текстов, одновременно составляя единство и множество текстов» [Руднев, 1999, с. 69]. С. А. Стройков понятие «электронный гипертекст» определяет как «некоторый нелинейно организованный объем поликодовой информации, обладающий текстовыми характеристиками, структурными и функциональными особенностями, интегрирующий непересекающиеся информационные ресурсы, между которыми могут быть установлены однонаправленные и перекрестные ссылки» [Стройков, 2019, с. 143], а в отношении книжного (печатного) художественного гипертекста отмечает, что он «характеризуется завершенностью, ограничен определенным форматом, при этом процесс его чтения может быть нелинейным» [Стройков, 2019, с. 143]. Существует еще множество определений гипертекста, в которых акцентируется внимание на разных аспектах его природы, однако, как видно из представленных выше дефиниций и как отмечает О. В. Лутовинова, «все авторы достаточно единодушны в трактовке данного понятия, понимая под ним текст специфической структуры, представляющий информацию в виде связанной сети гнезд, соединенных между собой нелинейными отношениями в многомерном пространстве» [Лутовинова, 2009, с. 5].

Среди основных характеристик гипертекста обычно называют [Лутовинова, 2009; Соболева, 2011 и др.]:

а) фрагментарность, то есть представление информации в виде отдельных фрагментов, каждый из которых может стать отправной точкой для чтения;

б) нелинейность – отсутствие непосредственной связи между элементами, возможность преодоления линейной модели восприятия текста («слева направо»), как следствие, знакомство с фрагментами в любой последовательности, что обуславливает композиционную нестабильность;

в) бесконечность, то есть отсутствие заданных автором границ и четкого центра, субъективное определение данных параметров, потенциальная невозможность прочесть текст целиком;

г) интерактивность, то есть участие читателя в выборе способа и порядка восприятия информации, фактическая возможность адресата быть «творцом» гипертекста, как следствие, размытые границы между автором и читателем;

д) вариативность, сочетание в целостной структуре текстовой, аудио- и видеоинформации.

К перечисленным характеристикам также нередко добавляют отсутствие автора и одновременно его множественность, а также виртуальность, мультимедийность и др. [Прошина, 2017, с. 168]. Очевидно, что последние черты присущи лишь электронным гипертекстам.

Итак, если все обозначенные характеристики рассмотреть в отношении закона, то оказывается, что законодательный текст является типичным гипертекстом.

Во-первых, система законодательства Российской Федерации должна рассматриваться во всей совокупности текстов, а в таком случае она представляет собой разветвленную систему, состоящую из множества текстовых единиц (отдельных кодифицированных и некодифицированных законов). Такие фрагменты общего текста закона, в свою очередь, могут распадаться на отдельные элементы (напр., Гражданский кодекс состоит из 4 частей = 4 текстов), которые в дальнейшем членятся на разделы, подразделы, главы, статьи, пункты, подпункты, абзацы (причем абзацы в рамках законодательного текста являются относительно самостоятельными микротекстами в отличие от абзацев художественного и др. типов текстов). Важно отметить, что речь в данном случае идет не только о том, что сообщение

членится на отдельные фрагменты, но также о том, что знакомство читателя с текстом может начинаться с любого элемента. При этом необходимо понимать, что собственно текстовыми блоками, действительно, являются элементы каждого уровня. Неправильным было бы считать, что текст закона состоит исключительно из текстов статей, а заголовочные комплексы являются только инструментом «вхождения» читателя в текст. На каждом уровне членения закона (уровень разделов, глав, параграфов и т.д.) заголовки складываются в отдельные текстовые блоки, которые, к тому же, активно взаимодействуют как друг с другом, так и с единицами других уровней. Более того, представляется вероятным, что и названия отдельных законов (напр., «О защите прав потребителей...», «Об основах охраны здоровья граждан...» и т.п.) в сумме представляют общий (но «не развернутый») текст закона.

Во-вторых, восприятие текста отдельным реципиентом нелинейно. Последовательность знакомства с правовой нормой, а также «длина» и композиция получающегося в результате текста зависит от ряда факторов: степени осведомленности адресата о проблеме, побудившей начать навигацию по тексту; в целом уровня знаний правовых норм и их взаимосвязи; владения терминологическим аппаратом системы; степени очевидности и «раскрываемости» гиперссылок, содержащихся в тексте; языковой компетенции отдельного реципиента и т. д. Здесь же следует подчеркнуть, что линейное восприятие закона рядовым реципиентом достаточно сложно представить даже в случаях, когда адресат работает с печатной, а не электронной версией документа. Читать текст закона «слева направо» было бы столько же нелогично, как, например, читать кулинарную книгу «от и до» при необходимости найти рецепт конкретного блюда. Более того, закон сам содержит ссылки, перенаправляющие реципиента к разным текстовым фрагментам, а следовательно, нелинейное прочтение текста запрограммировано его создателем. И хотя в законодательной системе функционирует ограниченное количество законов, для отдельного реципиента этот текст бесконечен, так как отсутствуют заданная модель и параметры его прочтения, а значит, каждый

адресат посредством движения (навигации) внутри текстовых блоков формирует индивидуальный, композиционно нестабильный текст. Учитывая необходимость обращения к дополнительным источникам информации для раскрытия содержания специального текста, границы получающегося в результате текста действительно определяются соавтором-реципиентом.

Итак, все перечисленные особенности представления и восприятия правовой информации соответствуют параметрам гипертекста. Подтверждением этому может также служить факт размещения законов в электронном формате в сети интернет (напр., на площадках «Консультант», «Гарант» и др.), где законодательный текст приобретает черты электронного гипертекста. При этом какой-либо глобальной трансформации «книжного» варианта закона при его переводе в электронную версию не требуется, что еще раз подчеркивает гипертекстуальный характер изложения, фиксации правовой нормы, закрепившийся задолго до распространения информационных технологий. На наш взгляд, глобальным отличием книжного и электронного закона является экспликация гиперссылок в электронном варианте, в то время как в печатном тексте многие гиперссылки имплицированы. Здесь необходимо учитывать, что, во-первых, не на всех интернет-ресурсах, где размещены законы, наблюдается экспликация гиперссылок (часто печатный и электронный законодательный текст практически идентичны), во-вторых, даже на тех площадках, где гиперссылки маркированы для реципиента, возможно говорить лишь о частичной их экспликации, так как свойства закона предполагают гораздо более разветвленную сеть «узлов», чем обычно отображается; в-третьих, возможность активации внутритекстовых ссылок обычно ограничена и доступна только пользователям профессиональных версий поисковых правовых систем.

Таким образом, анализ законодательного текста с точки зрения его структуры позволяет сделать вывод о том, что законодательный текст может быть определен как гипертекст в связи с тем, что: 1) система законодательства Российской Федерации представляет собой разветвленную систему текстовых

единиц, 2) знакомство читателя с текстом может начинаться с любого элемента, 3) восприятие текста отдельным реципиентом нелинейно, 4) заданная модель и параметры прочтения отсутствуют, что приводит к формированию индивидуального, композиционно нестабильного, потенциально бесконечного для каждого отдельного реципиента текста.

3.2.2. Информативный потенциал гиперссылок в законодательных текстах

В структуре любого гипертекста выделяется два основополагающих элемента: информационная единица и средство, делающее возможным переход от одной информационной единицы к другой – гиперссылка [Дедова, 2006]. Традиционно гиперссылки рассматриваются как элементы, графически выделенные из основного текста [Дедова, 2006; Носовец, 2011 и др.], так как они способны реализовывать навигационную функцию только в том случае, если читатель видит сигнал перехода к иному фрагменту, опознает элемент как источник ссылки.

Гиперссылки в законодательных текстах не являются аналогом традиционных внутритекстовых ссылок, т.к. по сравнению с ними имеют ряд функциональных особенностей.

Традиционные внутритекстовые ссылки, в отличие от гиперссылок, во-первых, могут быть необязательными для раскрытия (адресат сам принимает решение о необходимости обращения к указанному тексту), а во-вторых, непосредственно не участвуют в структурной организации текста – без обращения к другому информационному блоку текст должен иметь смысловую и композиционную целостность. Традиционные ссылки, таким образом, не являются обязательным навигационным и структурным элементом текста.

Гиперссылки (в том числе и неэлектронные)

1) являются способом навигации в неэлектронном юридическом гипертексте,

2) организуют его структуру,

3) реализуют когезию и обеспечивают когерентность.

В законодательном тексте как гипертексте гиперссылка может иметь разную «глубину»: текст, на который дается ссылка, может содержать ссылку на другой законодательный текст, в котором, в свою очередь, будут ссылки на еще один законодательный текст и т.д.

В отличие от гиперссылок в традиционном понимании (элементов электронного гипертекста, обеспечивающих мгновенный переход между информационными блоками), гиперссылки неэлектронного юридического гипертекста могут быть имплицированы (иметь только семантическое маркирование).

Гиперссылки, представленные в исследуемых законодательных текстах, можно типологизировать по степени очевидности для реципиента. С этой точки зрения представляется возможным выделять *очевидные* и *неочевидные* гиперссылки.

I. Традиционно в качестве *очевидных* гиперссылок выступают названия юридических документов (законов, постановлений и т. п.) или их частей (разделов, глав и т.д.). Графическими опознавательными элементами таких ссылок являются заглавные буквы, аббревиатуры и цифровые данные (номер документа, дата и т. п.). Подобные гиперссылки совпадают по оформлению с исходным текстом (формально не выделены) и содержат прямое или косвенное (название документа указано в скобках) указание на необходимость обращения к иному текстовому фрагменту (авторскую интенцию), его точный «адрес».

Ср.: *«Особенности регулирования труда лиц, работающих по совместительству, определяются главой 44 настоящего Кодекса» (ст. 60.1, Трудовой кодекс РФ);*

«Денежные обязательства должны быть выражены в рублях (статья 140)» (ст. 317, Гражданский кодекс РФ);

«В случае нарушения указанных сроков потребитель вправе предъявить исполнителю иные требования, предусмотренные пунктами 1 и 4 статьи 29 настоящего Закона» (ст. 30, ФЗ «О защите...»);

*«Соблюдение простой письменной формы не требуется для сделок, которые в соответствии со **статьей 159 настоящего Кодекса** могут быть совершены устно» (ст. 161, Гражданский кодекс РФ);*

*«К договору найма жилого помещения, заключенному на срок до одного года (краткосрочный наем), не применяются правила, предусмотренные **пунктом 2 статьи 677, статьями 680, 684 - 686, абзацем четвертым пункта 2 статьи 687 настоящего Кодекса**, если договором не предусмотрено иное» (ст. 683, Гражданский кодекс) и др.*

Подобные гиперссылки могут отсылать адресата к разным группам текстов: 1) к законодательству в целом; 2) к другому законодательному тексту; 3) к данному тексту. В отношении последних двух типов ссылок значение имеет объем текста-объекта: а) ссылка на весь закон или кодекс; б) ссылка на конкретный фрагмент (часть, статью, пункт и др.). Очевидно, что степень информативности таких гиперссылок для адресата-неспециалиста различна. Рассмотрим механизм снижения коммуникативно-прагматического потенциала текста каждой группой ссылок.

1. Гиперссылки, отсылающие к законодательству: *«При заключении трудового договора документы, предусмотренные **статьей 65 настоящего Кодекса**, могут быть предъявлены лицом, поступающим на работу, в форме, согласованной с работодателем, в том числе в форме электронных документов, **если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации**» (ст. 22.2, Трудовой кодекс РФ);*

*«К недопустимым условиям договора, ущемляющим права потребителя, относятся <...> условия, которые обуславливают приобретение одних товаров (работ, услуг) обязательным приобретением иных товаров (работ, услуг), в том числе предусматривают обязательное заключение иных договоров, **если иное не предусмотрено законом**» (ст. 16, ФЗ «О защите...»);*

*«В случае, если **в соответствии с законом** установлен максимальный размер платы за жилое помещение, плата, установленная в договоре, не должна превышать этот размер» (ст. 682, Гражданский кодекс РФ) / «В*

случаях, **предусмотренных федеральными законами**, руководитель организации возмещает организации убытки, причиненные его виновными действиями» (ст.277, Трудовой кодекс РФ) и под.

Подобные гиперссылки направляют реципиента к большим текстовым блокам, изучить которые неспециалист не имеет возможности. Так, ссылка *«если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации»* для адресата-неспециалиста делает корректное декодирование текста практически невозможным. Если юрист имеет специальные знания, которые позволяют ему сузить поиск релевантного текста, то неспециалист гипотетически должен ознакомиться со всеми действующими законами, что, очевидно, невозможно; знаниями, позволяющими ориентироваться внутри разветвленной структуры законодательства, неспециалист не обладает. Таким образом, информативность данных ссылок для неспециалиста сводится к нулю.

2. Гиперссылки, направляющие к конкретному, но иному законодательному тексту (группе текстов), представлены двумя разновидностями.

1. Ссылка на группу законов, отдельный закон или кодекс:

«При ликвидации организации выплаты среднего месячного заработка за период трудоустройства (части вторая и третья настоящей статьи) и (или) выплата единовременной компенсации (часть пятая настоящей статьи) в любом случае должны быть произведены до завершения ликвидации организации в соответствии с гражданским законодательством» (ст. 27, Трудовой кодекс РФ);

«Пользование жилым помещением для целей, не связанных с проживанием граждан, допускается только после перевода жилого помещения в порядке, определяемом жилищным законодательством, в нежилое помещение, за исключением случаев, установленных Жилищным кодексом Российской Федерации» (ст.287.4, Гражданский кодекс РФ);

«Условия выполнения договора транспортной экспедиции определяются соглашением сторон, если иное не установлено законом о транспортно-

экспедиционной деятельности, другими законами или иными правовыми актами» (ст. 801, Гражданский кодекс РФ) и др.

В отличие от гиперссылок предыдущего типа данные ссылки сужают объем поиска, однако несмотря на то что неспециалист знает текст-объект, в действительности найти нужную информацию в нем без специальных знаний практически невозможно. Так, например, в Гражданском кодексе указывается, что *«Гражданское законодательство состоит из настоящего Кодекса и принятых в соответствии с ним иных федеральных законов (далее – законы), регулирующих отношения, указанные в пунктах 1 и 2 статьи 2 настоящего Кодекса»* (ст.3). Как видим, понять, на какие тексты, кроме Гражданского кодекса, необходимо ориентироваться, практически невозможно. Таким образом, если профессиональные знания позволяют ориентироваться реципиенту-специалисту в данном тексте (группе текстов), то для неспециалиста информативность подобных ссылок также стремится к нулю.

2. Ссылка на конкретную статью (конкретный фрагмент) закона: *«Педагогические и научные работники, имеющие сертификат специалиста либо прошедшие аккредитацию специалиста, осуществляющие практическую подготовку обучающихся в соответствии со статьей 82 Федерального закона от 29 декабря 2012 года N 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации", а также научные работники, имеющие сертификат специалиста либо прошедшие аккредитацию специалиста, осуществляющие научные исследования в сфере охраны здоровья, вправе осуществлять медицинскую деятельность»* (ст. 69, ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ»);

«Понятие "иностранные финансовые инструменты" используется в настоящем Кодексе в значении, определенном Федеральным законом от 7 мая 2013 года N 79-ФЗ "О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации»

Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами¹³» (ст. 81, Трудовой кодекс РФ) и др.

Подобные ссылки в целом призваны достаточно эффективно реализовывать возложенные на них функции, так как «адрес» текста-объекта в них четко обозначен, однако для того чтобы получить необходимую информацию, адресату необходимо предпринять ряд дополнительных действий: во-первых, найти данный текст; во-вторых, понять содержание данного текста; в-третьих, соотнести содержание с основным текстом, которым реципиент руководствовался при переходе по ссылке. При соблюдении всех обозначенных условий ссылка будет для него информативной.

Отметим, что гиперссылки данного типа в нашем материале встречаются наиболее редко (менее 2%).

3. Гиперссылки, направляющие к тексту **данного** закона:

1) ссылки на весь текст закона:

«Кредитор вправе требовать досрочного возврата кредита в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, другими законами, а при предоставлении кредита юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю также в случаях, предусмотренных кредитным договором» (ст. 821.1., Гражданский кодекс РФ);

«В случае, когда покупатель не исполняет обязанность по оплате переданного товара в установленный договором срок и иное не предусмотрено настоящим Кодексом или договором купли-продажи, на просроченную сумму подлежат уплате проценты в соответствии со статьей 395 настоящего Кодекса со дня, когда по договору товар должен был быть оплачен, до дня оплаты товара покупателем» (ст. 488, Гражданский кодекс РФ);

«Часть ежегодного оплачиваемого отпуска, превышающая 28 календарных дней, по письменному заявлению работника может быть

¹³ Данная ссылка позволяет достаточно точно установить текст, к которому она направляет, несмотря на то что номер конкретной статьи не указывается.

заменена денежной компенсацией, **если иное не предусмотрено настоящим Кодексом**» (ст. 126, Трудовой кодекс РФ) и др.

Для того чтобы корректно декодировать тексты, содержащие подобные ссылки, адресат должен: 1) ознакомиться с полным текстом закона; 2) найти в нем необходимую информацию; 3) соотнести эту информацию с исходным фрагментом текста. Очевидно, что для неспециалиста данная процедура требует не только дополнительных когнитивных усилий, но и дополнительных специальных знаний, т.к. для решения данной задачи ему необходимо адекватно декодировать фактически весь текст данного закона. Таким образом, подобные гиперссылки тоже обладают низкой информативностью для неспециалиста.

2) ссылка на конкретную статью данного закона:

*«Экспертиза товара проводится в сроки, установленные **статьями 20, 21 и 22 настоящего Закона** для удовлетворения соответствующих требований потребителя»* (ст. 18, ФЗ «О защите...») *«В случае, когда продавец не исполняет обязанность по передаче предварительно оплаченного товара и иное не предусмотрено законом или договором купли-продажи, на сумму предварительной оплаты подлежат уплате проценты в соответствии со **статьей 395 настоящего Кодекса** <...>»* (ст. 487, Гражданский кодекс РФ);

*«Работодатель вправе принять решение о распространении на взаимодействие с дистанционными работниками правил осуществления электронного документооборота в соответствии с **положениями статей 22.1 - 22.3 настоящего Кодекса**»* (ст. 312.1, Трудовой кодекс РФ) и др.

Подобные гиперссылки могут быть достаточно информативными для неспециалиста, однако лишь в том случае, если реципиенту удастся правильно декодировать текст, к которому ссылка направляет, и правильно соотнести его с исходным текстом.

3) ссылка на ту же статью, в которой она представлена: *«Сторона, получившая предложение по соответствующим условиям договора, но не принявшая мер по согласованию условий договора поставки и не уведомившая другую сторону об отказе от заключения договора **в срок, предусмотренный***

пунктом 1 настоящей статьи, обязана возместить убытки, вызванные уклонением от согласования условий договора» (ст. 507, Гражданский кодекс РФ);

«Дарение, сопровождаемое передачей дара одаряемому, может быть совершено устно, за исключением случаев, предусмотренных пунктами 2 и 3 настоящей статьи» (ст. 574, Гражданский кодекс РФ) / «Выплата выходного пособия в размере среднего месячного заработка, а также выплаты среднего месячного заработка за период трудоустройства и (или) единовременной компенсации, предусмотренных частями первой – третьей и пятой настоящей статьи, производятся работодателем по прежнему месту работы за счет средств этого работодателя» (ст. 318, Трудовой кодекс РФ) и др.

Гиперссылки этого типа являются наиболее информативными для адресата-неспециалиста в силу того, что исходный текст и текст-объект совпадают, однако изложение правовой нормы по-прежнему фрагментарно, что осложняет декодирование текста, так как реципиент должен составить представление о правовой норме из отдельных элементов (фрагментов текста).

II. Вторую группу ссылок с точки зрения очевидности для реципиента-неспециалиста представляют неочевидные гиперссылки – графически и семантически не выделенные элементы структуры гипертекста, фрагменты текста-источника, материализованные посредством термина или терминологического сочетания, которые актуализируют в тексте-источнике значение, закреплённое в конкретном тексте-объекте ссылки, обеспечивающее единственно правильное толкование исходного текста.

Ср.: *«Продавцом до заключения договора должна быть предоставлена потребителю информация об основных потребительских свойствах товара, об адресе (месте нахождения) продавца ...» (ст.26.1, ФЗ «О защите прав потребителей»);*

«Вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу потребителя вследствие необеспечения безопасности товара (работы), подлежит

возмещению в соответствии со статьей 14 настоящего Закона» (ст. 7, ФЗ «О защите...»);

«Продавец вправе принять обязательство в отношении недостатков товара, обнаруженных по истечении гарантийного срока, установленного изготовителем (дополнительное обязательство)» (ст. 5, ФЗ «О защите...»);

«С согласия наймодателя, нанимателя и граждан, постоянно с ним проживающих, в жилое помещение могут быть вселены другие граждане в качестве постоянно проживающих с нанимателем. При вселении несовершеннолетних детей такого согласия не требуется» (ст. 679, Гражданский кодекс РФ) и др.

Термины-гиперссылки, с одной стороны, а) называют специальное понятие, предполагают дефинитивность, б) являются составной частью определённой терминосистемы (юридической), с другой – а) термины-гиперссылки являются ключевыми понятиями либо данного закона, либо другого законодательного текста, б) структурно выделены в тексте (каждый такой термин являет собой заголовок соответствующего раздела законодательного текста, однако может быть включен в главу «Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе» или вынесен в преамбулу, а также определяться через ряд статей, конкретизирующих данное понятие или выделяющих его существенные признаки), в) содержат неочевидную интенцию перехода к тексту-объекту, так как, во-первых, нуждаются в дефинировании посредством актуализации конкретного текста / группы текстов, во-вторых, обращение к источнику дефиниции должно быть достаточно регулярным в связи с постоянным изменением закона, г) текст-объект прямо не назван, но строго определён, выбор источника дефиниции недопустим.

Главное отличие термина-гиперссылки от термина в привычном понимании (как вербализованного специального понятия) заключается в том, что термин-гиперссылка требует обязательного дефинирования посредством одного конкретного источника (законодательного текста), в то время как выбор

источника дефиниции для термина в традиционном понимании остается за адресатом.

Во второй главе настоящей работы в качестве гиперссылок мы рассматривали термины, изолированные от естественного языка. С точки зрения адресата-неспециалиста механизм снижения коммуникативно-прагматического потенциала изолированными терминами непосредственно связан с отсутствием их графического выделения, а также прямого указания на конкретный «адрес» текста-объекта, в то время как механизм снижения потенциала взаимодействующими с естественным языком терминами иной. С точки зрения адресанта в качестве гиперссылок, то есть элементов текста, которые обязательно должны быть истолкованы через иной конкретный текст, должно функционировать большинство терминов, встречающихся в законах (и изолированные от естественного языка, и взаимодействующие с ним). Таким образом, с точки зрения адресанта и адресата механизм реализации коммуникативно-прагматического потенциала текста значительно различается.

Таким образом, анализ информативного потенциала гиперссылок в законодательном тексте позволяет сделать следующие выводы.

1. По степени очевидности для реципиента представляется возможным выделить *очевидные* и *неочевидные* гиперссылки.

2. В качестве очевидных гиперссылок выступают названия юридических документов (законов, постановлений и т.п.) или их частей (разделов, глав и т.д.). Степень информативности таких гиперссылок для адресата-неспециалиста различна. Информативность, близкую к нулю, имеют ссылки на все законодательство, группу законов, отдельный закон или кодекс. Ссылки на текст другого конкретного закона или конкретную статью другого закона являются для реципиента-неспециалиста неинформативными или малоинформативными, т.к. для их декодирования требуются специальные знания, обеспечивающие возможность найти данный текст, понять его и соотнести содержание с основным (исходным) текстом. Ссылки на конкретную статью данного закона и на ту же статью, в которой они представлены,

достаточно информативны в том случае, если реципиенту удастся правильно декодировать текст, к которому ссылка направляет, и корректно соотнести его с текстом, в котором данная ссылка дана.

3. Неочевидными для адресанта-неспециалиста в законодательном тексте являются гиперссылки, которые не маркированы семантически или графически. В качестве таких ссылок выступают термины или терминологические сочетания, которые актуализируют в тексте-источнике значение, закрепленное в конкретном тексте-объекте ссылки, обеспечивающее единственно правильное толкование исходного текста. Низкая информативность неочевидных ссылок обусловлена тем, что такие ссылки могут вообще не опознаваться как ссылки и, как следствие, не активироваться, а из-за отсутствия указания на точный «адрес» текста-объекта не гарантируют обращения реципиента к релевантному тексту.

Выводы по главе 3

1. Прагматическая роль структурных элементов законодательного текста для неспециалиста определяется тем, что, во-первых, обращение неспециалиста к законодательным текстам носит спорадический характер (по необходимости), при этом для адресата значимы только отдельные фрагменты законодательного текста, регламентирующие интересующую его ситуацию, во-вторых, у адресата отсутствуют фоновые юридические знания. В связи с этим корректное декодирование законодательного текста для неспециалиста обусловлено информативным потенциалом структурных разделов (заголовков) и внутритекстовых ссылок.

2. Одним из наиболее важных средств реализации коммуникативно-прагматического потенциала текста является заголовок, от качества которого зависит успешность реализации навигационной функции. В законодательных текстах данная функция наиболее эффективно реализуется собственно законодательными заглавиями, транслирующими часть правовой информации

без раскрытия полного текста. Собственно законодательные заголовки как микротексты с правовой семантикой, являющиеся относительно самостоятельными элементами законодательного дискурса, служащие «кодом» специфической юридической информации и, как следствие, выражающие те или иные значения деонтической модальности могут быть трех видов: 1) заголовки с нулевым показателем модальности, которые могут быть однозначно развернуты в соответствующую предикативную конструкцию с экспликацией модальных значений; 2) модальные заголовки с семантикой процессуальности, выраженной отглагольным существительным, позволяющие прогнозировать содержание озаглавленного текста как описание особенностей соответствующего процесса, из чего следует, что предполагаемый процесс вообще должен быть; 3) собственно номинативные заголовки, модальность которых устанавливается в соотношении с заголовками более крупного уровня. Заголовки, которые не несут на себе специфической юридической информации и выносят в сильную позицию только общую тематику статьи, напротив, снижают коммуникативно-прагматический потенциал.

3. В силу своих характеристик юридический (законодательный) текст может быть рассмотрен в качестве гипертекста, структурными элементами которого являются информационные блоки и гиперссылки. Для эффективной реализации коммуникативно-прагматического потенциала гиперссылка должна опознаваться реципиентом как таковая и направлять его к конкретному, релевантному для ее раскрытия тексту. По степени информативности для адресата-неспециалиста в законодательном тексте можно выделить очевидные и неочевидные гиперссылки. Очевидные гиперссылки маркируются семантически и графически и в зависимости от характера текста, к которому они отсылают, могут иметь разный информативный потенциал для адресата-неспециалиста. Неочевидные ссылки в законодательном тексте не маркируются семантически и графически и представляют собой термины и терминологические сочетания. Следовательно, причинами снижения коммуникативно-прагматического потенциала законодательного текста могут быть, с одной стороны, адресация к

большим текстовым блокам, с которыми неспециалист не имеет возможности ознакомиться, направление к тексту, к которому реципиент может не иметь доступа, отсутствие навыков работы с законодательными текстами, с другой – невозможность опознать гиперссылку ввиду отсутствия семантических и графических маркеров.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование особенностей реализации коммуникативно-прагматического потенциала законодательных текстов соответствует социальному запросу на понятные и доступные для восприятия неспециалистом законы и позволяет выявить языковые и структурные элементы, осложняющие декодирование таких текстов рядовым носителем языка.

Выбор законодательных текстов в качестве материала исследования обусловил возможность уточнить понятие коммуникативно-прагматического потенциала. Под коммуникативно-прагматическим потенциалом текста в работе понимается совокупность его языковых и структурных параметров, которые с точки зрения адресанта способны обеспечить эффективное выполнение коммуникативных задач в предполагаемой коммуникативной ситуации. Достижение коммуникативного эффекта законом обусловлено реализацией предписывающей функции, для реализации которой текст должен оказать воздействие на своего адресата. Необходимым условием воздействия является понимание как результат адекватного (корректного) декодирования сообщения, поэтому в работе коммуникативно-прагматический потенциал текстов рассматривается не с точки зрения эмоционального, а с точки зрения рационально-логического воздействия. Параметрами, определяющими коммуникативно-прагматический потенциал текста, являются фактор адресата и стилевые характеристики текста.

Анализ законодательных текстов позволил дифференцировать их по коммуникативным параметрам и выявить как особый тип законодательные тексты, регламентирующие ситуации взаимодействия «неспециалист – неспециалист» без посредничества специалистов-юристов. Такая адресация данной группы законов обуславливает повышенные требования к реализации их коммуникативно-прагматического потенциала.

Законодательный текст имеет двойную адресацию: непосредственным адресатом правовых *норм* является рядовой носитель языка; адресатом *текста*

– специалист-юрист. В результате анализа процесса правовой коммуникации в работе определено, что коммуникативный код законодательного текста ориентирован на специалиста. Во внимание принят тот факт, что законодательные тексты неоднородны с точки зрения коммуникативных ситуаций, в которых закон выступает как регулирующий инструмент правовых отношений, а также с точки зрения характеристики коммуникантов, однако данные коммуникативно-прагматические характеристики не оказывают существенного влияния на стилевые, языковые и структурные параметры законодательных текстов, которые в свою очередь ориентированы на специалиста, что и обуславливает снижение коммуникативно-прагматического потенциала текста при его декодировании адресатом-неспециалистом.

Тексты законов принадлежат к юридическому подстилю официального-делового стиля, поэтому им свойственны основные черты делового стиля, которые обеспечиваются языковыми средствами всех уровней, а также структурными особенностями текстов.

Проведенное исследование, в том числе и экспериментальное, подтвердило гипотезу о наличии в законодательных текстах, предназначенных для коммуникативных ситуаций, где адресатом текста может являться неспециалист, языковых и структурных элементов, препятствующих их корректному декодированию неспециалистом.

При декодировании законодательного текста адресатом-неспециалистом снижение коммуникативно-прагматического потенциала может быть обусловлено употреблением языковых единиц различных уровней, нарушающих стилевую доминанту данных текстов – требование однозначности толкования. На лексическом уровне к таким единицам относятся: а) *термины*; б) *семантически неопределенные лексемы и оценочные понятия*, в) *синтагмы с несвойственной естественному языку сочетаемостью*. На морфологическом уровне: а) *отглагольные существительные*, б) *производные предлоги*. На синтаксическом уровне – предложения большого объема.

Механизмы снижения коммуникативно-прагматического потенциала текста различны для каждой группы языковых единиц.

В процессе декодирования текста, содержащего терминологическую единицу, снижение коммуникативно-прагматического потенциала может быть обусловлено: 1) ориентацией на общеупотребительное значение слова вследствие неразличения общеупотребительной и специальной лексической единицы; 2) декодированием термина путем раскрытия внутренней формы и / или с опорой на словообразовательную структуру единицы; 3) функционированием термина в качестве неочевидной гиперссылки, которую реципиент может вообще не воспринимать как таковую и не обратиться к дополнительному источнику дефиниции или воспользоваться нерелевантным источником.

Снижение коммуникативно-прагматического потенциала текста семантически неопределенными лексемами и оценочными понятиями обусловлено отсутствием четко заданных границ интерпретационного пространства и субъективизмом их интерпретации.

Некорректное декодирование синтагм с нетипичной для естественного языка сочетаемостью непосредственно связано с невозможностью контекста, организованного по правилам, незнакомым неспециалисту, выполнить функцию актуализации релевантных для данного текста смыслов и нейтрализации нерелевантных значений.

Снижение коммуникативно-прагматического потенциала отглагольными существительными обусловлено использованием конструкций, декодирование которых предполагает их трансформацию, в процессе чего возможно некорректное декодирование, связанное с выбором предиката в аспекте актуализации глагольных категорий, установлением неверных отношений между событиями полипропозитивного предложения и подбором неточных (некорректных) средств вербализации этих отношений, а также неправильной актуализацией процессуального или предметного компонента значения у отглагольных существительных, совпадающих по форме, но различающихся

значением. Бóльшая семантическая и структурная сложность отрицательных отглагольных существительных обуславливает бóльшую вероятность некорректного декодирования контекстов, содержащих данные элементы.

От корректности развертывания пропозиций и установления отношений между ними зависит успешность декодирования контекстов, содержащих производные предлоги. Некорректное декодирование может быть обусловлено: игнорированием пропозиции, маркированной предлогом; заменой одного предлога другим той же группы, но не являющимся полным синонимом в рамках юридического дискурса; скоплением в предложении предлогов, выражающих разные типы отношений, вследствие чего повышается вероятность некорректной трансформации полипропозитивного предложения.

На синтаксическом уровне в предложениях большого объема в случае дистантно расположенных грамматически связанных членов предложения вероятны ошибки при установлении связей между данными компонентами, а также ошибки, связанные с возможностью двойной соотнесенности компонентов предложения.

С точки зрения структурной организации на реализацию коммуникативно-прагматического потенциала законодательного текста непосредственно влияют заголовки и внутритекстовые ссылки. И заголовки, и гиперссылки многообразны, разные их типы оказывают разное влияние на коммуникативно-прагматический потенциал текста.

Эффективным средством реализации коммуникативно-прагматического потенциала законодательного текста являются собственно законодательные заголовки – микротексты с правовой семантикой, являющиеся относительно самостоятельными элементами законодательного дискурса, служащие «кодом» специфической юридической информации и, как следствие, выражающие те или иные значения деонтической модальности. Заголовки, которые не несут на себе специфической юридической информации и выносят в сильную позицию только общую тематику статьи, напротив, снижают коммуникативно-прагматический потенциал.

Эффективность реализации коммуникативно-прагматического потенциала гиперссылками зависит от степени их очевидности для неспециалиста, а также точности «адреса», к которому ссылка направляет. В связи с этим в законодательных текстах достаточно эффективны очевидные гиперссылки, направляющие к конкретному фрагменту того же текста, при условии, что реципиент сумеет корректно соотнести смысл двух фрагментов (исходного и объекта ссылки). Другие очевидные ссылки в зависимости от ряда факторов могут обеспечивать разную реализацию коммуникативно-прагматического потенциала; неочевидные гиперссылки с точки зрения коммуникативно-прагматического потенциала неэффективны.

Помимо внутриязыковых факторов, влияние оказывают и экстралингвистические факторы – отсутствие у адресата-неспециалиста фоновых знаний и навыка декодирования законодательных текстов.

Таким образом, на всех уровнях юридического (законодательного) текста обнаружены элементы, снижающие его коммуникативно-прагматический потенциал при декодировании адресатом-неспециалистом; основные структурные элементы текста – заголовки и гиперссылки, обеспечивающие навигацию внутри закона, также могут снижать коммуникативно-прагматический потенциал. Снижение коммуникативно-прагматического потенциала юридического (законодательного) текста, тем самым, обуславливается элементами, выработанными речевой практикой для обеспечения его эффективной реализации.

Представляется перспективной дальнейшая разработка проблемы реализации коммуникативно-прагматического потенциала юридического текста в ситуации его восприятия неспециалистом за счет расширения эмпирической базы исследования (анализ документов других жанров и сфер юридической деятельности).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аванесян, С. А. Российское законодательство в сфере противодействия коррупции / С. А. Аванесян // Юристъ-Правоведъ. – 2013. – № 2 (57). – С. 102-105.
2. Айвазашвили, Э. О. Актуализация коммуникативно-прагматического потенциала бизнес-дискурса через дейктическую функцию личного местоимения “we” (мы) (на примере жанра "бизнес-совещание") / Э. О. Айвазашвили // Казанская наука. – 2019а. – № 3. – С. 54-56.
3. Айвазашвили, Э. О. Роль коммуникативных стратегий и речевых тактик в реализации коммуникативно-прагматического потенциала жанра «бизнес-совещание» / Э. О. Айвазашвили // Современные исследования социальных проблем. – 2019б. – Т. 11, № 1-2. – С. 22-30.
4. Александрова, А. П. Модальные существительные со значением возможности в английском и русском языках // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2008. – № 1. – С. 47-51.
5. Александрова, Т. А. Применение лексико-семантических трансформаций при переводе юридических текстов с английского языка на русский / Т. А. Александрова, Н. В. Лазовская // Язык науки и профессиональная коммуникация. – 2022. – № 1(6). – С. 6-16.
6. Апт, Л. Ф., Методические рекомендации по формированию понятийного аппарата законопроекта / Л. Ф. Апт, Т. А. Дорофеева // Юридический вестник. – 2009. – № 3-4. – С. 64-70.
7. Арутюнова, Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – 1981. – Т.40, № 4. – С. 356-367.
8. Афанасьева, О. М. Реализация прагматических свойств языковых единиц в медиатексте: подходы к изучению / О. М. Афанасьева, Я. Е. Каневская // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия:

История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2018. – № 11 (44). – С. 132-142.

9. Бабайцева, В. В. Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка / В. В. Бабайцева // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1983. – № 5. – С. 35-42.

10. Бакланова, И. И. Образ автора и образ адресата нехудожественного текста: дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.01 / Бакланова Ирина Ивановна. – Великий Новгород, 2014. – 431 с.

11. Барабаш, О. В. Смысловые трансформации правовых терминов вне юридического дискурса / О.В. Барабаш // Rhema. Рема. – 2016. – №3. – С. 29-46.

12. Барабаш, О. В. Юридический текст: проблема интерпретации и перевода / О. В. Барабаш, О. В. Мещерякова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2013. – № 3 (27). – С. 152-161.

13. Батюшкина, М. В. Дискурсивные доминанты законотворчества / М. В. Батюшкина; под ред. М. В. Горбаневского. – М.: РОО ГЛЭДИС, 2022. – 160 с.

14. Батюшкина, М. В. Жанрообразующие параметры законодательных текстов: к постановке проблемы / М. В. Батюшкина // Вестник Томского государственного университета. – 2017b. – № 416. – С. 5-12.

15. Батюшкина, М. В. Законодательная терминология в сфере цифровизации: номинативный и дефиниционный аспекты / М. В. Батюшкина // Современный медиатекст и судебная экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка: сб. науч. работ по итогам междунар. науч.-практ. конф. – М.: СОЮЗКНИГ, 2023. – С. 42-45.

16. Батюшкина, М. В. Законодательный текст, его адресант и адресат / М. В. Батюшкина // Гуманитарный вектор. – 2017a. – Т. 12, № 2. – С. 70-78.

17. Батюшкина, М. В. К вопросу об использовании антонимов в законодательных текстах (на материале российских законов) / М. В. Батюшкина

// Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2020с. – № 1 (26). – С. 55-58.

18. Батюшкина, М. В. К вопросу об оценочной семантике правовых понятий / М. В. Батюшкина // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2019. – № 3 (24). – С. 65-70.

19. Батюшкина, М. В. К вопросу о выражении в законодательных текстах семантики действия / М. В. Батюшкина // Юрислингвистика. – 2018. – № 9-10 (20-21). – С. 31-58.

20. Батюшкина, М. В. К вопросу о жанровых особенностях конституционных преамбул / М. В. Батюшкина // Жанры речи. – 2020б. – № 2 (26). – С. 136-145.

21. Батюшкина, М. В. К вопросу о синонимах в законодательных текстах (на материале российских законов) / М. В. Батюшкина // Сибирский филологический журнал. – 2021в. – № 2. – С. 192-206.

22. Батюшкина, М. В. Семантическая деривация как способ образования юридических понятий (на материале российских законов) / М. В. Батюшкина // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2020а. – Т. 22, № 2(82). – С. 489-498.

23. Батюшкина, М. В. Юрико-лингвистическая неопределенность терминов и норм российских законов / М. В. Батюшкина // Русистика. – 2021а. – Т. 19, № 2. – С. 138-154.

24. Бахтин, М. М., Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. – М.: Худож. лит, 1986. – 541 с.

25. Бектурова, Ж. Б. Коммуникативно-прагматический потенциал казахстанского политического дискурса / Ж. Б. Бектурова, М. И. Кадеева // Политический дискурс в парадигме научных исследований: сб. статей II Междунар. науч.-практ. конф. – Тюмень: ВекторБук, 2015. – С. 84-92.

26. Белов, С. А. Параметры правовой коммуникации: адресаты правовых актов / С. А. Белов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2022. – Т. 13, № 4. – С. 841-859.

27. Белоглазова, Е. В. Дискурсная гетерогенность литературы для детей: когнитивный и лингво-прагматический аспекты: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Белоглазова Елена Владимировна. – Санкт-Петербург, 2010. – 399 с.

28. Белоконь, Н. В. Лингвистические основания проведения антикоррупционной экспертизы / Н. В. Белоконь // Общество и право. – 2012а. – № 2(39). – С. 331-335.

29. Белоконь, Н. В. Юридикологическая неопределенность: содержание понятия // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2012б. – № 1 (12). – С. 46-54.

30. Беляева, О. М. Оценочные понятия и категории в российском праве / О. М. Беляева // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 1. – С. 203-208.

31. Боброва, Г. А. Что портит официально-деловую речь? / Г. А. Боброва // Вестник Омского университета. – 2014. – № 1(71). – С. 82-84.

32. Боева-Омелечко, Н. Б. Коммуникативно-прагматический потенциал категории отрицания в современном английском языке / Н. Б. Боева-Омелечко, Л. В. Косоножкина // Гуманитарные и социальные науки. – 2020. – №4. – С. 69-80.

33. Бондаренко, И. В. Коммуникативно-прагматический потенциал расщепленных предложений в политическом дискурсе / И. В. Бондаренко // Миссия образования – мир будущего: материалы XXI юбилейной междунар. науч.-практ. конф. в честь 75-летия образования Калининградской области. – Калининград: Балтийский федеральный ун-т им. И. Канта, 2022. – С. 78-86.

34. Борисова, Л. А. Юридический дискурс: основные характеристики / Л. А. Борисова // Язык, коммуникация и социальная среда. – 2016. – № 14. – С. 133-151.

35. Борисова, Л. А. Юридический текст: определение, свойства, типология / Л. А. Борисова // Язык, коммуникация и социальная среда. – 2019. – № 17. – С. 57-72.

36. Боряева, Л. М. К характеристике синтаксической модели образования производных предлогов / Л. М. Боряева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. – 2010. – № 3. – С. 105-114.

37. Бульба, М. С. Особенности современной российской юридической терминологии в аспекте прагматической направленности текста законодательного акта / М. С. Бульба // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 1. – С. 177-184.

38. Бурцева, С. С. Оценочные понятия - необходимое средство достижения конституционной идеи правовой определенности или фактор, приводящий к ее нарушению? / С. С. Бурцева // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 4. – С. 86-95.

39. Бутакова, Л. О. Когнитивное, семантическое и смысловое пространства официально-деловых текстов / Л. О. Бутакова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2014. – № 4(23). – С. 17-28.

40. Бутакова, Л. О. Терминологически ориентированные языковые знаки в языковом сознании жителей региона / Л. О. Бутакова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 24. – С. 60-64.

41. Вахитова, Г. В. Исследование особенностей восприятия юридического текста / Г. В. Вахитова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 9-2 (63). – С. 68-71.

42. Вахитова, Г. В. Способы передачи внутренней экспрессивности текста (на материале юридической литературы на русском и английском языках): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Вахитова Гузель Валериевна. – Уфа, 2007. – 193 с.

43. Вилкова, С. А. Методология товароведных экспертиз (на примере парфюмерно-косметических и бытовых гигиенических товаров): автореф. дис. д-ра техн. наук: 05.19.08 / Вилкова Светлана Архиповна. – М., 2004. – 38 с.
44. Винокур, Г. О. Глагол или имя? (Опыт стилистической интерпретации) / Г. О. Винокур // Русская речь. – 1928. – № 3. – С. 75-93.
45. Винокур, Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. – М.: Наука, 1993. – 172 с.
46. Влавацкая, М. В. Комбинаторная семасиология (семантика и сочетаемость слов) / М. В. Влавацкая // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – №7-2(19). – С. 29-34.
47. Влавацкая, М. В. Роль сочетаемости слов для говорящего и слушающего с позиций комбинаторной лингвистики / М. В. Влавацкая // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – №2(19) – С. 176-182.
48. Власенко, Н. А. Язык права / Н. А. Власенко. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во ; Норма-плюс, 1997. – 176 с.
49. Воробьева, М. Е. Интерпретационное функционирование юридического языка в обыденном сознании (на материале толкований юридических терминов рядовыми носителями русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Воробьева Марина Евгеньевна. – Кемерово, 2014а. – 24 с.
50. Воробьева, М. Е. Функционирование юридических терминов в обыденном сознании носителей русского языка / М. Е. Воробьева // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2011. – №3(47). – С. 174-180.
51. Воробьева, С. А. Качество закона и его роль в обеспечении прав человека (теоретико-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Воробьева Светлана Анатольевна. – Омск, 2014б. – 225 с.
52. Воронцова, Т. А. Элементарная стилистика / Т. А. Воронцова. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 2009. – 130 с.

53. Гайда, Ст. Проблемы жанра / Ст. Гайда // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая реализация: межвуз. сб. науч. тр. / Перм. гос. ун-т. – Пермь, 1986. – С. 22-28.
54. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 5-е, стереотипное / И. Р. Гальперин; отв. ред. Г. В. Степанов. – М.: КомКнига, 2007. – 144 с.
55. Гарипова, З. Р. Повтор как средство взаимодействия заголовка и текста / З. Р. Гарипова // Филология и культура. – 2011. – № 1 (23). – С. 127-131.
56. Глухов, В. П. Основы психолингвистики: учеб. пособие / В. П. Глухов. – М.: АСТ: Астрель, 2005. – 351 с.
57. Голев, Н. Д. Интерпретационное функционирование юридического языка в обыденном сознании / Н. Д. Голев, М. Е. Воробьева. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2017. – 117 с.
58. Голев, Н. Д. Лингвистические тупики юридической техники / Н. Д. Голев // Юрислингвистика. – 2007. – № 8. – С. 92-104.
59. Голев, Н. Д. Общие и специальные проблемы интерпретации юридических текстов / Н. Д. Голев, Л. Г. Ким // Проблемы выбора и интерпретации языкового знака говорящим и слушающим: межвуз. сб. науч. трудов / под ред. Т. А. Трипольской. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. пед. ун-та, 2007. – С.43- 51.
60. Голев, Н. Д. Обыденное филологическое толкование текста закона как компонент правовой коммуникации: взгляд лингвиста / Н. Д. Голев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 2(39). – С. 5-15.
61. Голев, Н. Д. О специфике языка права в составе общенародного русского языка / Н. Д. Голев // Юрислингвистика. – 2004. – № 5. – С. 39-57.
62. Голев, Н. Д. Сложность vs доступность и понятность языка закона как теоретическая и экспертная проблема / Н. Д. Голев // Вопросы русского языка в юридических делах и процедурах. – Санкт-Петербург: Первый класс, 2021. – С. 160-176.

63. Голев, Н. Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема / Н. Д. Голев // Юрислингвистика. – 2000. – № 2. – С. 8-41.
64. Голев, Н. Д. Юридическая терминология в контексте доктринального толкования / Н. Д. Голев // Сибирский филологический журнал. – 2015. – № 4. – С. 138-148.
65. Голев, Н. Д. Язык закона и лингвистическая экспертиза законопроекта в свете правовой коммуникации / Н. Д. Голев // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. – 2016. – № 5. – С. 132-136.
66. Голованова, Е. И. Когнитивно-историческое терминоведение: предмет, проблематика, инструментарий / Е. И. Голованова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 2 (15). – С. 51-54.
67. Голованова, Е. И. Лингвистическая интерпретация термина: когнитивно-коммуникативный подход / Е. И. Голованова // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2004. – № 33. – С. 18-25.
68. Голованова, Е. И. Ориентирующая функция термина / Е. И. Голованова // С любовью к языку: сб. науч. трудов. Посвящается Е. С. Кубряковой. – Москва-Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский государственный университет, 2002. – С. 180–187.
69. Грушецкая, Е. Н. Коммуникативно-прагматический потенциал графических средств языка / Е. Н. Грушецкая // Качество подготовки специалистов в техническом университете: проблемы, перспективы, инновационные подходы: материалы V Междунар. науч.-метод. конф. – Могилев: МГУП, 2020. – С. 374-376.
70. Губаева, Т. В. Грамматико-стилистические особенности юридических текстов (процессуальные документы): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Губаева Тамара Владимировна. – Казань, 1984. – 189 с.

71. Гун Ц. Прагматика и семантика отыменных предлогов причины в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Гун Цзинсун. – М., 2018. – 24 с.
72. Дегтярева, Л. М. О прагматическом потенциале усилительных частиц (на материале русского и немецкого языков) / Л. М. Дегтярева, Е. Ю. Оберемченко // Балтийский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7, № 1 (22). – С. 57-60.
73. Дедова, О. В. Лингвосемиотический анализ электронного гипертекста: на материале русскоязычного Интернета: дис. ...д-ра филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / Дедова Ольга Викторовна. – М., 2006. – 253 с.
74. Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2020. – 1425 с.
75. Дорофеева, И. А. Коммуникативно-прагматический потенциал научно-медицинского дискурса в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Дорофеева Ирина Анатольевна. – Барнаул, 2003. – 198 с.
76. Доценко, Е. Л. Коммуникативные роли участников судебного дискурса / Е. Л. Доценко // Материалы 4-й междунар. конф. РКА «Коммуникация-2008». – Москва, 2008. – С. 189-191.
77. Дружинская, О. В. Функции и структура заголовка в «Проекте устава о тюрьмах», составленном Екатериной II / О. В. Дружинская // Научный диалог. – 2018. – №10. – С. 37-46.
78. Дубровская, Т. В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Дубровская Татьяна Викторовна. – Саратов, 2010. – 40 с.
79. Дубровская, Т. В. Юридический дискурс как предмет социального конструкционизма (конструирование межнациональных отношений) / Т. В. Дубровская // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2016. – № 3 (67). – С. 117-123.

80. Жуйков, В. М. Судебная защита прав граждан и юридических лиц / В. М. Жуйков. – М.: Юрид. бюро "Городец", 1997. – 318 с.
81. Замотина, Е. И. Ретрансляция юридического дискурса в текстах СМИ о миграции / Е. И. Замотина, Т. В. Дубровская // Казанский педагогический журнал. – 2015. – № 6-2 (113). – С. 449-456.
82. Зиянгирова, Е. Л. Юридизация лексем естественного языка как один из основных процессов терминологической лексики метаязыка юрислингвистики / Е. Л. Зиянгирова // Вестник Башкирского университета. – 2019. – Т.24, №3. – С. 625-629.
83. Злобина, Ю. И. Лингвистические особенности взаимосвязи художественных гипертекстов в пространстве иной культуры: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Злобина Юлия Игоревна. – Барнаул, 2011. – 298 с.
84. Зыкова, Е. В. Организация гипертекста в сети Интернет (на материале англоязычных сайтов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Зыкова Елена Владимировна. – Воронеж, 2006 – 19 с.
85. Иванова, Е. С. Коммуникативно-прагматические аспекты текстов интернет-рекламы / Е. С. Иванова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2011. – № 132. – С. 91-98.
86. Иеринг, Р. Юридическая техника / Р. Иеринг; перевод с немецкого Ф. С. Шендорфа. – Санкт-Петербург, 1905. – 106 с.
87. Иркова, А. В. Эволютивная юридизация русской общенародной лексики: диахронно-синхронный дискурсивно-семантический анализ лексем с корнями *чест-*, *гражд-*: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Иркова Анна Валентиновна. – Кемерово, 2020. – 215 с.
88. Исаков, В. Б. Язык права / В. Б. Исаков // Юрислингвистика. – 2000. – № 2. – С. 64-79.
89. Искандарова, Г. Р. Юридический текст: границы понимания и языковая оптимизация / Г. Р. Искандарова // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2023. – № 2(100). – С. 144-150.

90. Казанцев, М. Ф. Понимание гражданско-правового договора: традиционные взгляды и новые подходы / М. Ф. Казанцев // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2002. – № 3. – С. 257-282.

91. Каминская, Т. Л. Образ адресата в текстах массовой коммуникации: семантико-прагматическое исследование: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10 / Каминская Татьяна Леонидовна. – Санкт-Петербург, 2009. – 283 с.

92. Караджев, Б. И. Коммуникативно-прагматический потенциал русских пословиц: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Караджев Багаудин Ибрагимович. – М, 2009. – 163 с.

93. Карасик, В. И. Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики / В. И. Карасик // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2016. – № 1(21). – С. 17-34.

94. Кашанина, Т. В. Юридическая техника: учебник / Т. В. Кашанина. – 2-е изд., пересмотр. – М.: Норма : ИНФРА-М, 2011. – 496 с.

95. Киреева, Е. З. Категория модальности и ее выражение в тексте официального документа (на материале регионального законодательства): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Киреева Елена Закировна. – Архангельск, 2019. – 42 с.

96. Киреева, Е. З. Особенности функционирования двувидовых глаголов в документных текстах (на материале регионального законодательства) / Е. З. Киреева // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 12. – С. 6-10.

97. Киреева, Е. З. Представления автора официального документа об адресате (на материале регионального законодательства) / Е.З.Киреева // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – Кострома, 2016а. – № 3. – С. 168-173.

98. Киреева, Е. З. «Следы» автора в тексте документа, или к проблеме прагматического анализа текста / Е. З. Киреева // Вестник Волгоградского

государственного университета. Серия 2: Языкознание. – 2016б. – Т. 15, № 1. – С. 44-52.

99. Кирсанов, В. А. Теоретические проблемы судопроизводства по оспариванию нормативных правовых актов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / Кирсанов Владимир Александрович. – М., 2001. – 23 с.

100. Клушина, Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000 – 2008 гг.): дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10 / Клушина Наталья Ивановна. – М., 2008. – 352 с.

101. Кобозева, И. М. Лингво-прагматический аспект анализа языка СМИ / И. М. Кобозева // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: уч. пособие. – М., 2001. – С. 100-114.

102. Кожица, М. Н. Стилистика русского языка: учебник / М. Н. Кожица, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский – 4-е изд., стереотип. – М.: Флинта; Наука, 2008. – 464 с.

103. Комина, Н. А. Интерактивный принцип обучения английскому языку студентов-юристов / Н. А. Комина // Язык. Дискурс. Личность: сб. науч. тр. – Тверь, 1990. – С. 118-123.

104. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.

105. Коновалова, М. В. Глобальные категории когерентности и интертекстуальности в юридическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Коновалова Мария Владимировна. – Челябинск, 2008. – 215 с.

106. Константинова, А. А. Коммуникативно-прагматический потенциал пословиц и поговорок в современной англо-американской прессе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Константинова Анна Александровна. – Тула, 2007. – 206 с.

107. Коробец, Б. Н. Оценочные понятия в российском уголовном праве (социальная обусловленность и юридическая сущность): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Б. Н. Коробец. – М., 2007. – 165 с.

108. Косова, М. В. Субъективность как компонент модальности документного текста / М. В. Косова // Категория модальности в речевой коммуникации: сб. науч. трудов / под ред. И. Ю. Кукса. – Калининград: Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 2016. – С. 162-168.

109. Косоногова, О. В. Онимы в юридическом дискурсе: система и функционирование (на материале современного английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Косоногова Ольга Владимировна. – Ростов-на-Дону, 2011. – 174 с.

110. Косоногова, О. В. Характеристики юридического дискурса: границы, содержание, параметры / О. В. Косоногова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7, № 1. – С. 61-68.

111. Кубиц, Г. В. Профессионализация языковой личности (на примере юридического дискурса): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Кубиц Галина Васильевна. – Челябинск, 2005. – 20 с.

112. Лебедева, А. А. Проблемы юридического перевода. Методика обучения студентов переводу контрактов / А. А. Лебедева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2011. – № 6-2. – С. 92-97.

113. Левитан, К. М. Некоторые вопросы дидактики юридического перевода / К. М. Левитан, М. А. Югова // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2019. – № 4. – С. 60-72.

114. Лейчик, В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. – 4-е изд. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 256 с.

115. Литвишко, О. М. Исследование англоязычных юридических текстов с позиций дискурсивной комплексологии / О. М. Литвишко // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2023. – № 3. – С. 76-90.

116. Литвишко, О. М. Правовая концептосфера в аспекте популяризации юридического дискурса / О. М. Литвишко, М. Г. Большакова // Теория языка и межкультурная коммуникация. – 2022. – № 4 (47). – С. 200-210.

117. Лобашевская, И. С. Средства выражения коммуникативно-прагматического значения в официально-деловой речи: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Лобашевская Ирина Секпоновна. – Петропавловск-Камчатский, 2006. – 170 с.

118. Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПб, 2001. – 703 с.

119. Лузина, Г. Л. Исследования отглагольных имен существительных в русском языке. (Обзор) / Г. Л. Лузина // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6: Языкознание. Реферативный журнал. – 2001. – № 1. – С. 111-123.

120. Лурия, А. Р. Лекции по общей психологии / А. Р. Лурия. – СПб.: Питер, 2006. – 320 с.

121. Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия; под ред. Е. Д. Хомской. – Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 320 с.

122. Лысенко, Е. С. К вопросу об оценочных понятиях в гражданском праве / Е. С. Лысенко // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 2 (40). – С. 104-107.

123. Лутовинова, О. В. Гипертекст: понятие, основные характеристики, возможные подходы к лингвистическому анализу / О. В. Лутовинова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2009. – №5(39). – С. 4-7.

124. Малюкова, Е. В. Юридическая терминология в системоцентрическом и антропоцентрическом аспектах: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 / Малюкова Елена Вячеславовна. – Кемерово, 2005. – 21 с.

125. Мартышко, Н. Ю. Смысловая модификация терминов в современном законодательном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Мартышко Никита Юрьевич. – Волгоград, 2015. – 201 с.

126. Матвеева, Т. И. Анализ синтаксического уровня языка деловых документов, вовлеченных в сферу юрислингвистики / Т. И. Матвеева // Юрислингвистика. – 2012. – №1(12). – С. 116-123.

127. Матвеева, Е. О. Тексты рекламы как область когнитивно-речевого взаимодействия языковых личностей автора и адресата / Е. О. Матвеева // Интегрированные маркетинговые коммуникации: научно-теоретические концепции и тенденции развития. – М.: МГУКИ, 2013. – С. 90-101.

128. Машковцева, А. Ю. Коммуникативно-прагматический потенциал синонимов: словарное представление и текстовые реализации: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Машковцева Анна Юрьевна. – Санкт-Петербург, 2000. – 179 с.

129. Меретукова, М. М. Отрицательные частицы русского языка / М. М. Меретукова, Н. Е. Малова, С. К. Сапиева // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2021. – № 10-6 (78). – С. 130-134.

130. Милославская, Д. И. Системное описание юридической терминологии в современном русском языке: На материале Закона «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Милославская Дарья Игоревна. – М., 2000b. – 164 с.

131. Милославская, Д. И. Типовые трудности семантической интерпретации юридического текста / Д. И. Милославская // Юрислингвистика. – 2000a. – № 2. – С. 104-116.

132. Милютина, М. Г. Особенности функционирования видо-временной формы (настоящего обобщенно-фактического) в рамках жанра договора / М. Г. Милютина // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. – 2009. – № 1. – С. 133-139.

133. Минеева, М. В. Лингвистический гипертекст как способ декодирования информации / М. В. Минеева. – Челябинск: Искра-Профи, 2017. – 178 с.

134. Миролевич, А. В. Рассуждения о природе оценочных понятий / А. В. Миролевич // Сибирский юридический вестник. – 2006. – № 4(35). – С. 19-29.

135. Михальчук, И. П. Прагматический аспект функционирования формы настоящего времени несовершенного вида в законодательных текстах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Михальчук Инна Петровна. – М., 1993. – 145 с.

136. Муравьева, А. А. Текст права в культурно-речевом аспекте (на материале публикаций юридических журналов): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Муравьева Алла Анатольевна. – Москва, 2006. – 25 с.

137. Мухтаров, Д. Д. Теоретические аспекты правовой коммуникации / Д. Д. Мухтаров // Лучшая научная работа 2021: сб. ст. II Междунар. науч.-исслед. конкурса. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2021. – С. 159-161.

138. Нагорный, И. А. Коммуникативно-прагматические функции русских частиц в тексте / И. А. Нагорный // Научный результат. Серия: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2015. – №2. – С. 50-57.

139. Недоступ, О. И. Коммуникативно-прагматический потенциал речевых тактик в онкологическом дискурсе / О. И. Недоступ // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2019. – Т. 10, № 3. – С. 15.

140. Нешева, Т. В. Коммуникативно-прагматический потенциал словарно-аргументаторов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Нешева Татьяна Владимировна. – Иркутск, 2008. – 190 с.

141. Носова, Л. Н. Коммуникативно-прагматический потенциал инструкции по применению лекарственных средств в фармацевтическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Носова Людмила Николаевна. – М., 2013. – 193 с.

142. Носовец, С. Г. Гипертекстовые ссылки в интернет-СМИ: опыт типологической характеристики / С. Г. Носовец // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 17(232). – С. 127-131.

143. Остапенко, Т. А. Коммуникативно-прагматический потенциал нечлененых предложений в современном русском языке: автореф. дис. ... канд.

филол. наук: 10.02.01 / Остапенко Татьяна Анатольевна. – Белгород, 2008. – 22 с.

144. Оформление сотрудника в ИП / Ближе к делу – информационно-обучающий портал Банка ВТБ для предпринимателей, владельцев и руководителей бизнеса [Электронный ресурс]. –

URL: <https://kdelu.vtb.ru/articles/oformlenie-sotrudnika-v-ip/?ysclid=m05f9mprtx390362423> (дата обращения: 18.08.2024).

145. Ошанова, Е. С. Коммуникативно-прагматический потенциал научно-популярных медицинских текстов / Е. С. Ошанова, Ю. В. Меркушева // Социально-экономическое управление: теория и практика. – 2021. – № 1(44). – С. 73-78.

146. Падучева, Е. В. Модальность / Е. В. Падучева // Материалы к Корпусной грамматике русского языка. Глагол. Часть I. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 19-94.

147. Палашевская, И. В. Функции юридического дискурса и действия его участников / И. В. Палашевская // Известия Самарского научного центра РАН. – 2010. – Т.12., № 5-2. – С. 535-540.

148. Перфильева, Н. П. Коммуникативно-прагматический потенциал предлогов / Н. П. Перфильева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2012. – Т. 11, № 11. – С. 132-136.

149. Петрова, Д.С. Изменение правового режима объектов недвижимого имущества как частный случай отпадения цели договора по российскому праву / Д.С. Петрова // Имущественные отношения в РФ. – 2017. – №5(188). – С. 80-86.

150. Пиголкин, А. С. Язык советского закона и юридическая терминология // Правоведение. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968, №5. – С. 45-51.

151. Покровская, Е. В. Прагматика современного газетного текста / Е. В. Покровская // Русская речь. – 2006. – №3. – С.81-87.

152. Поляков, А. В., Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Поляков Андрей Васильевич. – СПб, 2002.
153. Поповская, В. И. Особенности функционирования гиперссылок в юридическом тексте / В. И. Поповская // Вестник Челябинского государственного университета. – 2021b. – № 7(453). – С. 125-130.
154. Поповская, В. И. Термины-гиперссылки в юридических текстах / В. И. Поповская // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2021a – Т. 18, № 4. – С. 70-74.
155. Портнов, В. В. Предпереводческий анализ юридических текстов: лингвостилевые особенности и жанровые характеристики / В. В. Портнов // Современная наука: теоретический и практический взгляд: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. / Ответственный редактор Сукиасян А. А. Часть 2. – Уфа: Аэтерна, 2015. – С. 121-122.
156. Почепцов, Г. Г. О коммуникативной типологии адресата / Г. Г. Почепцов // Речевые акты в лингвистике и методике: межвуз. сб. науч. тр. – Пятигорск, 1986. – С. 10-17.
157. Прошина, А. В. Особенности гипертекста / А. В. Прошина, М. В. Емелина // Интерактивная наука. – 2017. – №12. – С. 167-171.
158. Пчелинцева, Е. Э. Глагольный вид и история русских *nomina actionis* / Е. Э. Пчелинцева // Индоевропейское языкознание и классическая филология. – 2012. – № 16. – С. 680-697.
159. Пыж, А. М. Функционально-прагматические и дискурсивные аспекты использования английской юридической терминологии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Пыж Анна Михайловна. – Самара, 2005. – 184 с.
160. Растамханова, С. Н. Синтаксис языка деловых документов / С. Н. Растамханова // Форум молодых ученых. – 2018. – № 1(17). – С. 920-926.
161. Ревазов, М. А. Конституционные требования к языку нормативных актов и их применение в судебной практике: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.2 / Ревазов Михаил Аркадиевич. – СПб, 2023. – 272 с.

162. Ребрушкина, И. А. Ориентирующие свойства терминов (на материале русской лингвистической терминологии): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ребрушкина Ирина Анатольевна. – Нижний Новгород, 2005. – 18 с.
163. Розенталь, Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке / Д. Э. Розенталь; под. ред. И. Б. Голуб. – 16-е изд. – М.: Айрис-пресс, 2012. – 368 с.
164. Ромадина, И. Д. Коммуникативно-прагматические характеристики вторичного рекламного текста: перевод и локализация / И. Д. Ромадина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. – 2013. – № 11. – С. 208-210.
165. Романова, Е. А. 2.3 Правовые тексты: общетеоретическое исследование / Е. А. Романова // Пробелы в российском законодательстве. – 2010. – №1. – С. 54-56.
166. Ромашов, Р. А. Интерпретация права: лингвистический и технико-юридический аспекты / Р. А. Ромашов // Юрислингвистика. – 2010. – № 10(10). – С. 52-57.
167. Рудкова, К. М. Концепт "оскорбление": к проблеме взаимодействия юридического и естественного языков / К. М. Рудкова // Юрислингвистика. – 2004. – № 5. – С. 226-233.
168. Русская грамматика / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). – М.: Наука, 1980. – Т. 1. – 790 с.
169. Рязанцева, Т. И. Гипертекст и электронная коммуникация / Т. И. Рязанцева. – М.: URSS, 2010. – 256 с.
170. Рязанцева, Т. И. О категориях гипертекста / Т. И. Рязанцева // Медиалингвистика. – 2019. – Т.6, № 3. – С. 327-340.
171. Савельев, Д. А. Исследование сложности предложений, составляющих тексты правовых актов органов власти Российской Федерации / Д. А. Савельев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 1. – С. 50-74.

172. Салтыков, К. Г. Прагматические свойства юридических терминов / К. Г. Салтыков // Современное право. – 2015. – № 8. – С. 26-31.
173. Сафронова, Т. С. Особенности понятия «юридический дискурс» / Т.С. Сафронова // Современные тенденции развития науки и технологий. Периодический научный сборник. – 2016. – № 5-4. – С. 86–91.
174. Сидорова, М. Ю. Квалифицированный читатель и массовая литература: (лингвистический аспект проблемы) / М. Ю. Сидорова // Вестник Университета российской академии образования. – 2002. – № 1. – С. 124-140.
175. Слепухин, С. Н. Индоевропейские механизмы стереотипизации в юридическом дискурсе (на примере категорий 'persona', 'res mobilis / res immobilis'): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Слепухин Сергей Николаевич. – Чебоксары, 2014. – 23 с.
176. Соболева, О. В. Понятие и основные характеристики гипертекста / О. В. Соболева // Альманах современной науки и образования. – 2011. – № 12. – С. 163-164.
177. Соколова, М. А. Дефекты юридических документов: причины и условия возникновения, выявление, пресечение, устранение / М. А. Соколова. – М.: Юриспруденция, 2016. – 158 с.
178. Соловьева, Н. В. Современные медиатексты в аспекте стилиобразующих категорий «Автор» и «Адресат» / Н. В. Соловьева, Е. А. Медведева // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – №32 (286). – С. 107-111.
179. Стернин, И. А. Значение в языковом сознании: специфика описания / И. А. Стернин // Вопросы психолингвистики. – 2006. – № 4. – С. 171-179.
180. Стернин, И. А. Фактор адресата в речевом воздействии / И. А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2012. – 51 с.
181. Стройков, С. А. Англоязычный электронный гипертекст как объект лингвосемиотического исследования : дис. ... д-ра филол. наук: 5.9.8 / Стройков Сергей Александрович. – Самара, 2024. – 360 с.

182. Стройков, С. А. Гипертекст как объект лингвистического исследования / С. А. Стройков // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития : Материалы III Междунар. науч.-практ. конф. – Минск: Белорусский государственный университет, 2019. – С. 141-146.

183. Сусов, И. П. Лингвистическая прагматика / И. П. Сусов – М.: «Восток — Запад», 2006. – 204 с.

184. Толстик, В. А. Проблемы классификации юридической терминологии / В. А. Толстик // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 2. – С. 176-182.

185. Томин, В. А. Юридическая техника: учебное пособие / В. А. Томин. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. — 84 с.

186. Трубникова, Ю. В. Текст и его заголовок: проблема структурного и семантического взаимодействия / Ю. В. Трубникова // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – № 2-2 (66). – С. 121-126.

187. Туранин, В. Ю. К вопросу о феномене юридического языка / В. Ю. Туранин // Современное право. – 2010. – № 7. – С. 7-10.

188. Уздимаева, Н. И. Понятие, особенности и значение юридических документов / Н. И. Уздимаева // Контентус. – 2020. – № 4 (93). – С. 125-134.

189. Уфимцева, А. А. Лексическое значение (принцип семиологического описания лексики) / А. А. Уфимцева; отв. ред. Ю. С. Степанов. – М.: Наука, 1986. – 240 с.

190. Федосюк, М. Ю. Построение русских официально-деловых текстов с позиций объяснительной лингвистики / М. Ю. Федосюк // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. – 2019. – № 2. – С. 102-109.

191. Филоненко, Т. А. Аттрактивные заголовки в научной речи / Т. А. Филоненко // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2008. – Т.10, № 6-2. – С. 290-296.

192. Флоря, А. В. Языковые особенности официально-делового стиля / А. В. Флоря, Н. В. Егорова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2009. – № 5. – С. 278-288.
193. Формановская, Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н. И. Формановская. – М.: Икар, 2007. – 480 с.
194. Формановская, Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности рус. яз. и лит. / Н. И. Формановская. – М.: Русский язык, 2002. – 213 с.
195. Харина, Р.С. Юридический текст как объект лингвистического исследования / Р. С. Харина // Вестник Башкирского университета. – 2014. – Т. 19, № 3. – С. 982-986.
196. Хисматуллин, С. А. Правовая природа договора купли-продажи / С. А. Хисматуллин, Э. Х. Гумерова // Право и государство: теория и практика. – 2019. – № 12(180). – С. 234-236.
197. Хомутова, Т. Н. Юридический дискурс: проблемы и перспективы исследования / Т. Н. Хомутова, Е. А. Шефер // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2019. – №3. – С. 44-53.
198. Храмцова, Н. Г. Правовой дискурс в теории права / Н. Г. Храмцова // Бизнес в законе. – 2009. – № 1. – С. 80-84.
199. Чаплыгина, И. Д. Средства адресованности: Ты-категория в современном русском языке: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Чаплыгина Ирина Дмитриевна. – М., 2002. – 518 с.
200. Черкасова, Е. Т. Переход полнозначных слов в предлоги / Е. Т. Черкасова. – М.: Наука, 1967. – 280 с.
201. Чернова, Д. А. Синтаксический анализ предложения в процессе восприятия речи: экспериментальное исследование обработки синтаксически неоднозначных конструкций в русском языке / Д. А. Чернова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2015. – № 1(29). – С. 36-44.

202. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие / В. Е. Чернявская. – М.: Либроком, 2009. – 248 с.

203. Чижикова, С. Н. Функциональные особенности лингвистических и паралингвистических феноменов в коммуникативном пространстве гипертекста : на материале гипертекстов по изобразительному искусству : дис. ... канд. филол.наук: 10.02.19 / Чижикова Светлана Николаевна – Ставрополь, 2012. – 193 с.

204. Чуланова, Г. В. Коммуникативно-прагматический потенциал англоязычных вторичных текстов-отзывов / Г. В. Чуланова, Л. В. Щигло // Здоровоохранение, образование и безопасность. – 2016. – № 1(5). – С. 82-87.

205. Шарафутдинова, О. И. Гипертекстуальность текста закона как проблема его понимания / О. И. Шарафутдинова, В. И. Поповская // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2020. – Т.17, № 2. – С. 24-29.

206. Шарова, М. К. Коммуникативно-прагматический потенциал прилагательных, вербализующих прототипические представления о мужчинах и женщинах / М. К. Шарова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2016. – № 3 (168). – С. 79-82.

207. Шашкова, В. Н. Специфика актуализации оценочных прилагательных в нормативных актах (на материале Федерального закона Российской Федерации "О полиции" № 3-ФЗ) / В. Н. Шашкова // Культура русской речи в многонациональной среде: современные проблемы общества и образования: Сб. материалов Всерос. науч.-практ. семинара / Под общей редакцией Л. У. Бикмаевой. – Уфа, 2019. – С. 120-124.

208. Шашкова, В. Н. Специфика функционирования наречий в текстах нормативных правовых актов / В. Н. Шашкова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2020. – № 3. – С. 41-47.

209. Шестакова, Е. В. Фразеологические предлоги в текстах официально-делового стиля (на материале кодексов Российской Федерации): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Шестакова Екатерина Владимировна. – Челябинск, 2010. – 23 с.

210. Широбокова, Л. П. Лингвистическое исследование юридических текстов / Л. П. Широбокова // Межкультурная коммуникация: вопросы теории и практики: сб. материалов конф. (посвящается Году молодежи в России) / под общ. ред. В. И. Наролиной. В 2 ч. – Курск: КГМУ, 2009. – Ч. 2. – С. 184-190.

211. Широбокова, Л. П. Юридические тексты: опыт грамматико-типологического исследования (на примере немецкого и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Широбокова Любовь Павловна. – М., 2007. – 19 с.

212. Ширяева, Т. А. Пропозициональная модель как базис информационной функции делового дискурса / Т. А. Ширяева // Южно-российский вестник геологии, географии и глобальной энергии. – 2006. – № 9 (22). – С. 189-194.

213. Шлепнев, Д. Н. Юридический перевод, юридический текст, юридический дискурс: к вопросу об определении / Д. Н. Шлепнев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12-2(78). – С. 174-177.

214. Шмелева, Т. В. Выбор номинации: фактор адресата / Т. В. Шмелева // Дери́вация в речевой деятельности (общие вопросы. Текст. Семантика.); Тез. науч.-теор. конф. – Пермь, 1988. – С.91-92.

215. Шмелева, Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи. – 1997. – № 1. – С. 88-98.

216. Юридическая техника: учебник / под ред. В. М. Баранова. — М.: Проспект, 2021. — 648 с.

217. Юртаева, Е. А. Язык закона и техника законотворчества в дореволюционной России / Е. А. Юртаева // Журнал российского права. – 2009. – № 11(155). – С. 106–120.

218. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм: "за" и "против". – М.: Прогресс, 1975. – С. 193-230.

219. Яшина, Е. А. Особенности нарушения сочетаемости лексических единиц в художественном тексте / Е. А. Яшина // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. – 2011. – №2. – С. 69-76.

220. Anderson, J. Misreading like a lawyer: diagnosing the problem of cognitive bias in statutory interpretation / J. Anderson // Harvard Law Review – 2014. – Vol. 127. – pp. 1521-1592.

221. Cao, D. Translating Law / D. Cao. – Clevedon : Multilingual Matters; Bodmin : MPG Books Ltd., 2007. – 189 p.

222. Galdia, M. Legal linguistics / M. Galdia. – Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien, 2009. – 434 с.

223. Goddard, C. Didactic aspects of legal English: Dynamics of course preparation / C. Goddard; . Gotti and C. Williams (Eds.) // ESP across cultures [Special issue]: Legal English across cultures. – 2010. – Vol. 7. – pp. 45-62.

224. Mattila, H. Comparative legal linguistics / H. Mattila. – England: Ashgate Publishing Limited, 2006. – 347 с.

225. Solan, Lawrence M., The Interpretation of Legal Language / L. M. Solan // Annual Review of Linguistics. – 2018. – Vol. 4, Issue 1. – pp. 337-355.

226. Weston, M. Problems and Principles in Legal Translation / M. Weston // The Incorporated Linguist. – 1983. – № 22/4. – pp. 207–211.

Словари, справочники, энциклопедии

227. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / гл. ред. С. А. Кузнецов. – URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovари/bolshoj-tolkovuj-slovar> (дата обращения: 18.08.2024).

228. Борисов, А. Б. Большой юридический словарь / авт. и сост. А. Б. Борисов. – М.: Книжный мир, 2010. – 848 с.

229. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М.: Русский язык, 2000. – Т. 1. – 1210 с.
230. Ивин, А. А. Словарь по логике / А. А. Ивин, А. Л. Никифоров. – М.: Гуманитар. изд. центр "ВЛАДОС", 1997. – 384 с.
231. Руднев, В.П. Словарь культуры XX века / В. П. Руднев. – М.:Аграф, 1999. – 384 с.
232. Семейное право: Словарь основных терминов и понятий / Новосиб. гос. аграрн. ун-т; сост. Е.П. Миронова. – Новосибирск, 2017. – 6 с.
233. Словарь терминов, используемых в законодательстве Российской Федерации / Федеральное собрание Р.Ф., Гос. Дума; [сост.: Р. С. Киракозов и др.]. – М.: Издание Государственной Думы, 2014. – 240 с.
234. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной; члены редколлегии: Е. А. Баженова, М. П. Котюрова, А. П. Сковородников. – 2-е изд., испр. и доп. – М. Флинта: Наука, 2006. – 696 с.

Источники (нормативные правовые акты)

235. Гражданский кодекс Российской Федерации: федеральный закон принят Гос. Думой 21 октября 1994 г.; [Электронный ресурс]. – URL: <https://stgkrf.ru/> (дата обращения: 23.08.2024).
236. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 22.11.2021 № 88-19748/2021 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ003&n=54901&ysclid=lzzhfo10lk618209292#ZoBinLU0SiTsWucb1> (дата обращения: 18.08.2024).
237. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 06.12.2022 №88-25188/2022 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=103717#RGlhnLU2DwzH5OVc3> (дата обращения: 18.08.2024).

238. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 №50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314764/ (дата обращения: 10.05.2024).

239. Семейный кодекс Российской Федерации: федеральный закон принят Гос. Думой 8 декабря 1995 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/?ysclid=m071adk4ra152753822 (23.08.2024).

240. Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/?ysclid=lzu9068pbe90563385> (дата обращения: 15.08.2024).

241. Трудовой кодекс Российской Федерации: федеральный закон принят Гос. Думой 21 декабря 2001 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/?ysclid=m0717hvwii724956831 (дата обращения: 23.08.2024).

242. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон принят Гос. Думой 01 ноября 2011 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/?ysclid=m071kut47f42441015 (дата обращения: 23.08.2024).

243. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: федеральный закон принят Гос. Думой 04 октября 1996 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/?ysclid=m071o1xp6548182330 (дата обращения: 23.08.2024).

244. О защите прав потребителей: закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/?ysclid=m071fy1mb8320362778 (дата обращения: 23.08.2024).